

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Пароткин И., подполк. — Битва под Курском	3
Реуэль А., проф. — Отклики в России на книгу К. Маркса «К критике политической экономии» (1860—1890 гг.)	23
Лихачёв Д. — К вопросу о теории Русского государства в конце XV и в XVI вв.	31
Сказкин С., чл.-корр. АН СССР — Александр Николаевич Савин	39
Манусевич А. — Попытки Германии расколоть Антанту в первый период мировой войны 1914—1918 гг.	43

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

Греков Б., действ. чл. АН СССР — К вопросу о восстановлении Новгорода	51
Кремортат Б. — К вопросу о восстановлении исторических памятников (на сессии Академии архитектуры СССР)	52
Оснос Ю. — Советская школьная реформа 1918 года	53
Никольский Н., действ. чл. АН БССР — Значение открытий в Рас-Шамра для истории Древнего Востока	63
Ильин М. — Монастыри Московской Руси XVI века как оборонительные сооружения	75

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Критические статьи и обзоры

Заходер Б., проф. МГУ — Гордлевский В. Государство сельджукидов в Малой Азии. Труды Института востоковедения. Т. XXXIX. Златопольская А. — «Разгром белофинских интервентов в Карелии в 1918—22 гг.». Сборник документов. Гальперин А. — Кикудзиро Исии. Дипломатические комментарии	82
--	----

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ	92
-------------------------------------	----

ХРОНИКА

Алефиренко П. — На родине выдающегося русского просветителя И. И. Новикова	94
--	----

Редакционная коллегия:

Ем. Ярославский

Б. М. Волин
И. А. Кудрявцев
И. И. Минц
А. М. Панкратова
С. И. Гоннер

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24, комн. 239. Тел. Д 3-31-04 и Д 3-36-50.

А 5272. Изд. № 567. Заказ № 1424. Тираж 20.000.

Подписано к печати 4/IX 1944 г. 68 000 п. зн. в п. л.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

СТАТЬИ

БИТВА ПОД КУРСКОМ

Подполковник И. Пароткин

В истории войн известно немного выдающихся битв и сражений, которые не только определили исход данной кампании, но и создали решительный перелом в ходе всей войны.

К числу таких сражений из военной истории нашей родины можно отнести Полтавскую битву 1709 г. и Бородинское сражение 1812 года.

В период Великой отечественной войны советского народа против немецких захватчиков подобного рода сражениями явились битва под Сталинградом и битва под Курском. Это два этапа величайшей эпопеи, которые создали решительный перелом в нашу пользу в ходе советско-германской войны.

Под Сталинградом разгромом двух лучших немецких, одной итальянской и одной румынской армий было нанесено тяжёлое поражение германской военной машине, был нанесён серьёзный удар наступательной стратегии гитлеровского командования. Здесь, у стен волжской твердыни, стрелка немецкого барометра войны последний раз зафиксировала наивысшую точку своего подъёма, затем заколебалась и дала резкий рывок вниз, который ознаменовал начало заката немецко-фашистской армии.

В битве под Курском провалилась последняя попытка немцев осуществить большое летнее наступление; в этой исторической битве была окончательно сокрушена наступательная стратегия гитлеровского командования, а немецкая армия была поставлена перед катастрофой. «С чисто военной точки зрения поражение немецких войск на нашем фронте к исходу этого года было предрешено двумя важнейшими событиями: битвой под Сталинградом и битвой под Курском... Если битва под Сталинградом предвещала закат немецко-фашистской армии, то битва под Курском поставила её перед катастрофой», — говорил товарищ Сталин в своём докладе 6 ноября 1943 года.

С военной точки зрения, курская эпопея, как и битва под Сталинградом, представляет исключительный интерес как пример современного сражения во всей сложности и многообразии форм. В этой битве с предельной ясностью вскрылись сила и мощь современной, правильно организованной обороны, формы и методы её организации и способы реализации преимуществ обороны в ходе сражения. В этой битве, как и в выдающихся сражениях под Москвой в 1941 г. и под Сталинградом в 1942 г., классически была решена задача истощения и изматывания сил врага, а затем — после создания к решающему моменту борьбы необходимого преимущества в силах — перехода в решительное наступление для разгрома врага.

Битва под Курском по характеру боёв делится на два основных этапа: 1. Оборонительное сражение войск Центрального и Воронежского фронтов, продолжавшееся с 5 по 12 июля 1943 года¹. 2. Наступление Красной Армии и разгром орловской и белгородско-харьковской группировок противника, осуществлённый с 12 июля по 23 августа.

¹ Оборонительные бои на Воронежском фронте продолжались до 15 июля.

1. ОБОРОНИТЕЛЬНОЕ СРАЖЕНИЕ

В результате успешных наступательных операций войск Брянского, Центрального и Воронежского фронтов весной 1943 г. нами был захвачен так называемый Курский выступ, образованный начертанием фронта наших войск, проходившего по линии Мценск, Малоархангельск, Дмитровск-Орловский, Севск, Рыльск, восточнее г. Сумы, Томаровка, Белгород, Волчанск и далее на юг, по восточному берегу реки Северный Донец. Курский выступ глубоко вклинивался в расположение противника на югозападном стратегическом направлении.

Наличие в наших руках такого выгодного плацдарма создавало исключительно благоприятные условия для нанесения мощных ударов по флангу и тылу основных немецких группировок, сосредоточенных как в районе Орла, так и в районе Белгорода и Харькова, а также для последующего развития генерального наступления с целью очищения от немецких оккупантов Украины и Белоруссии. Поэтому Курский выступ привлекал серьёзное внимание немецкого командования как «готовый исходный рубеж для русских и ворота для вторжения на Украину».

Немцам удалось удержать в своих руках орловский плацдарм, который находился в 270 км от Москвы, и район Харькова, который являлся ключевой позицией всего южного стратегического направления.

Наличие этих двух стратегических плацдармов создавало выгодные условия немецкому командованию для удара по флангам наших войск, занимавших Курский выступ.

Вследствие этого Курск стал фокусом военных событий лета 1943 г., подобно тому как Сталинград в 1942 году. В этом районе были сосредоточены основные силы сторон, предназначенные решить исход кампании 1943 года.

Немецкое командование, планируя летнее наступление 1943 г., своей ближайшей задачей поставило ликвидацию Курского выступа двумя мощными концентрическими ударами на Курск: одного — из района Орла, второго — из района Белгорода. В случае успешного осуществления этой операции немцам удалось бы сократить свой фронт на 250 км и тем самым освободить для дальнейших операций до 20—25 дивизий. Кроме этого, по расчётам гитлеровского командования, Курский выступ мог явиться выгодной исходной позицией для наступления на Москву с целью разгрома главных сил Красной Армии и вывода Советского Союза из войны.

К подготовке наступательной операции на Курск, которая, по замыслу гитлеровского командования, должна была быть «реваншем» за Сталинград, немцы приступили ещё в марте 1943 года. В район Орла немцами была переброшена 9-я пехотная армия, а в район Белгорода — 4-я танковая армия. Сюда же были направлены основные резервы из Германии, полученные путём «тотальной» мобилизации. Здесь также было сосредоточено большое количество немецкой авиации.

Против Курского выступа от Малоархангельска до Волчанска немцы к началу лета развернули три свои армии: 9-ю и 2-ю пехотные и 4-ю танковую, насчитывавшие 433 тыс. человек, 3155 танков, 6763 орудия, 3200 миномётов. С воздуха эту группировку поддерживал 4-й воздушный флот генерал-фельдмаршала Рихтгофена в составе 1-го, 4-го и 8-го авиакорпусов, насчитывавших 1850 самолётов, в том числе 1000 бомбардировщиков.

9-я немецкая армия, развернувшаяся на фронте Богодухово (юго-восточнее Орла) — Севск, предназначалась для наступления на Курск с севера. Удар с юга должна была нанести 4-я танковая армия, развернувшаяся на фронте от Краснополя до Волчанска; 2-я немецкая армия,

действуя на широком, почти 200-километровом фронте — от Севска до Краснополя, — предназначалась для сковывания наших сил (схема № 1).

Главная группировка, предназначенная для наступления на Курск с севера, была сосредоточена на 32-километровом фронте в районе Тагино, Похвальное, между железной дорогой и шоссе Орёл — Курск, в составе 5 пехотных, 6 танковых и 2 моторизованных дивизий. На этом узком участке фронта немцы сосредоточили до 1500 танков, в том числе большое количество тяжёлых («тигров»), и до 3 тыс. орудий.

Плотность немецкой группировки на направлении главного удара достигала 4500 солдат, 42 танков, 70—80 орудий на один километр фронта.

Основная группировка 4-й танковой армии, предназначавшаяся для удара на Курск с юга, развернулась на фронте протяжением около 80 километров. Здесь было сосредоточено 10 танковых, 7 пехотных и 1 моторизованная дивизии, которые в своём составе имели 1700 танков и около 2 тыс. орудий. Основная часть этих войск (6 танковых и 2 пехотные дивизии) была предназначена для удара непосредственно вдоль шоссе Белгород—Обоянь.

Плотность немецких войск на направлении главного удара на участке Воронежского фронта достигала 3 тыс. человек, 42 танков, 50 орудий на один километр фронта. На отдельных, важнейших направлениях на один километр фронта приходилось 100 танков.

Наличие в составе обеих группировок большого количества самолётов и танков, даже количественное превосходство танковых соединений над пехотными¹ давало основание предполагать, что немцы, не располагавшие необходимым количеством свободных резервов, боявшиеся ввязаться в затяжное, дорогостоящее сражение, основную ставку ставили на быстрый, молниеносный прорыв нашей обороны посредством мощных ударов танковых таранов. Путь танкам должна была расчистить бомбовыми ударами немецкая авиация.

Ряд показаний пленных, захваченные документы говорят о том, что немецкое командование рассчитывало замкнуть клещи и захватить Курск на пятый день наступления, т. е. 9 июля.

Своевременно раскрыв планы гитлеровского командования на лето 1943 г., Верховное главнокомандование Красной Армии также приступило к подготовке летней операции на этом направлении. Заблаговременно были приняты основные решения, определившие деятельность наших войск на период весны и первых летних месяцев 1943 года.

Перед нашими войсками, действующими на югозападном стратегическом направлении на участке Орёл—Харьков, Верховным Главнокомандующим была поставлена задача — разгромить орловскую и белгородско-харьковскую группировки противника и ликвидировать орловский и белгородско-харьковский плацдармы. Навсегда должны быть похоронены надежды немецкого командования на новое наступление с целью вернуть себе стратегическую инициативу, потерянную под Сталинградом. Должны быть созданы благоприятные предпосылки для развёртывания широких наступательных операций Красной Армии с целью очищения от немецких захватчиков Украины и Белоруссии. Решение этой задачи достигалось умелым сочетанием оборонительных и наступательных действий.

Войска Центрального и Воронежского фронтов, занимавшие Курский выступ, в случае перехода противника в наступление должны были упорной обороной измотать, обескровить и остановить противника. Одновременно Западному и Брянскому фронтам было дано указание

¹ В составе группировок насчитывалось 25 дивизий, из них 15 танковых и 10 пехотных.

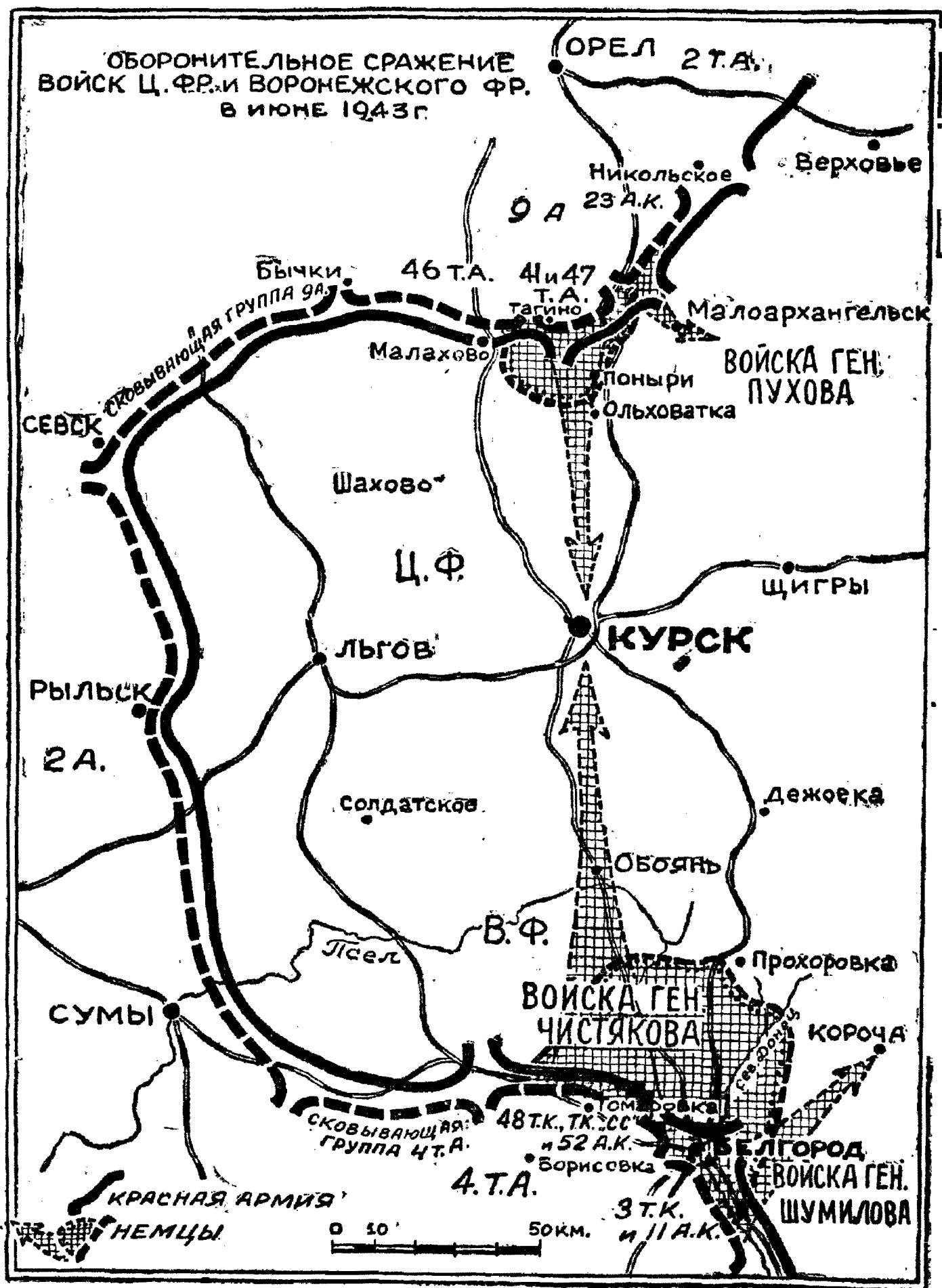

Схема № 1

подготовить наступление в общем направлении на Орёл, с тем чтобы нанести удар по тылу всей орловской группировки немцев, разгромить её и ликвидировать орловский плацдарм.

Наступление войск этих фронтов должно было осуществляться в тесном взаимодействии с войсками Центрального и Воронежского фронтов, которые также должны были перейти в контрнаступление после того, как наступающие орловская и белгородско-харьковская группировки немцев будут обескровлены в предшествующих оборонительных боях.

В соответствии с указаниями Ставки Верховного главнокомандования войска Центрального и Воронежского фронтов создали мощную, глубоко эшелонированную оборону, которая могла противостоять концентрированным ударам крупных танковых группировок.

Общая глубина обороны Курского выступа превышала 100 километров. Эта полоса была пересечена несколькими заранее подготовленными рубежами, которые соединялись между собой рядом промежуточных и отсечных позиций. Кроме этого все крупные населённые пункты были превращены в мощные узлы сопротивления и подготовлены к длительной и упорной обороне. Вокруг особо важных в оперативном отношении населённых пунктов были созданы обводы.

Наибольшей плотности и глубины оборона достигала на направлениях основных ударов врага. На этих направлениях противнику предстояло преодолеть несколько последовательно эшелонированных в глубину оборонительных полос.

Каждый оборонительный рубеж состоял из широко развитой системы траншей и большого количества подготовленных к круговой обороне противотанковых опорных пунктов, противотанковых и противопехотных минных полей. За три месяца (апрель—июнь) наши войска, оборонявшие Курский выступ, отрыли несколько тысяч километров траншей, несколько десятков тысяч километров окопов, уложили сотни тысяч противотанковых и противопехотных мин, на протяжении сотен километров построили противопехотные и противотанковые препятствия.

Плотность минирования на отдельных направлениях достигала 2 тыс. противотанковых и 1700 противопехотных мин на один километр фронта, а полоса обороны дивизии насчитывала до 70 км траншей.

Оперативное построение наших войск, предназначенных для обороны Курского выступа, было произведено с учётом придания обороне максимальной устойчивости, последующего перехода наших войск в наступление и, наконец, предположения, что главные удары противника будут направлены не по вершине выступа, а по его основанию. Это предположение нашего командования основывалось на отчётливо выявившейся группировке сил противника, а также на знании его методов и принципов ведения боя и операции. Такое размещение наших войск не дало возможности врагу достигнуть превосходства в силах ни на одном участке фронта.

Особое внимание было уделено обеспечению наших войск достаточным количеством противотанковой артиллерии, а также созданию резервов крупных танковых соединений, обеспечивших обороне необходимую гибкость и маневренность.

Организуя оборону, наше командование уделяло серьёзное внимание прочному прикрытию флангов. Оборона флангов была увязана между соседями до мельчайших подробностей. Результаты этого сказались в ходе боёв. Немцы, встречая упорное сопротивление, не раз безуспешно пытались нащупать слабые места обороны на флангах.

Большое внимание также было уделено прикрытию войск с воздуха огнём зенитной артиллерии. Наиболее важные направления прикрывались многослойным огнём. При полёте вражеского самолёта вдоль фронта на значительное расстояние наша зенитная артиллерия могла выпустить по нему не одну тысячу снарядов.

В течение трёх месяцев наши войска готовились к отпору врагу. Напряжённая работа не прекращалась ни днём, ни ночью. К началу боёв наши войска глубоко зарылись в землю и зарыли боевую технику. Это обстоятельство в значительной степени способствовало увеличению стойкости нашей обороны и сокращению числа потерь.

Непрерывно проводилась боевая учёба. К величайшему испытанию готовились штабы, готовились и войска. Учились мастерству ведения

операции генералы, учились разумному действию офицеры и рядовые: Учёба войск преследовала основную цель — научиться бить врага наверняка, хорошо подготовиться к борьбе против немецких танков.

Наряду с громадной работой по организации обороны и с напряжённой учёбой наши войска непрерывно вели разведку. Благодаря мастерски организованной разведке наше командование могло постоянно фиксировать изменения в группировке врага и знать основные мероприятия, предпринимаемые немецким командованием. Нам удалось установить не только намерение врага перейти в наступление и направление намечаемых им основных ударов, но и время начала этого наступления.

2 июля Верховный Главнокомандующий Маршал Советского Союза товарищ Сталин специальной телеграммой предупредил войска, что немцы могут перейти в наступление в период с 3 по 6 июля. О намерении противника перейти в наступление свидетельствовало также и то, что немецкие сапёры делали проходы в своих заграждениях и в наших минных полях. Наконец, 4 июля нами были захвачены пленные, которые показали, что с утра 5 июля обе немецкие группировки перейдут в наступление на Курск.

Следовательно, немецкое командование было лишено возможности воспользоваться преимуществом внезапности. Наше командование, точно установив время начала неприятельского наступления, приняло ряд дополнительных мер, направленных к срыву этого наступления. В частности в ночь на 5 июля на ожидаемых направлениях наступления противника, по приказу командования Центрального и Воронежского фронтов, была осуществлена мощная артиллерийская контрподготовка, в которой приняли участие также и огневые средства пехоты. Проведённая контрподготовка нарушила планомерность подготовки врага к наступлению и нанесла ему большие потери в живой силе и технике.

Оборонительное сражение под Курском развернулось одновременно на северном и южном концах Курской дуги, образованной фронтом обороны наших войск. Стремясь окружить и разгромить наши войска, оборонявшие Курский выступ, противник с утра 5 июля перешёл в наступление одновременно на Орловско-Курском и Белгородско-Харьковском направлениях.

Бои на Орловско-Курском направлении развернулись на 40-километровом фронте и захватили территорию Курского выступа на глубину до 10—12 км и продолжались 13 дней — с 5 по 17 июля.

Бои на Орловско-Курском направлении по времени и характеру действий можно разделить на три этапа: первый — бои 5 и 6 июля на главной оборонительной полосе, второй — бои 7 и 8 июля за вторую оборонительную полосу, третий — с 9 по 17 июля — контрнаступление войск Центрального фронта и восстановление положения.

Утром 5 июля орловская группировка немцев под прикрытием сильного артиллерийского огня и авиации начала наступление против войск правого крыла Центрального фронта.

Стремясь прорваться к Курску по кратчайшему направлению, немцы наносили удар своей главной группировкой в составе 41-й и 47-й танковых корпусов с фронта Глазуновка, Тагино на Ольховатку. Для обеспечения флангов главной группировки вспомогательные удары наносили 23-й армейский корпус из района Красная Слободка, Васильевка, Глазуновка на Малоархангельск и 46-й танковый корпус из района Тагино на Гнилец.

На Ольховатском направлении противник одновременно бросил в бой до 4 пехотных и 3 танковых дивизий, насчитывавших свыше 500 танков, в том числе более 100 тяжёлых — «тигров». В первом эшелоне группами

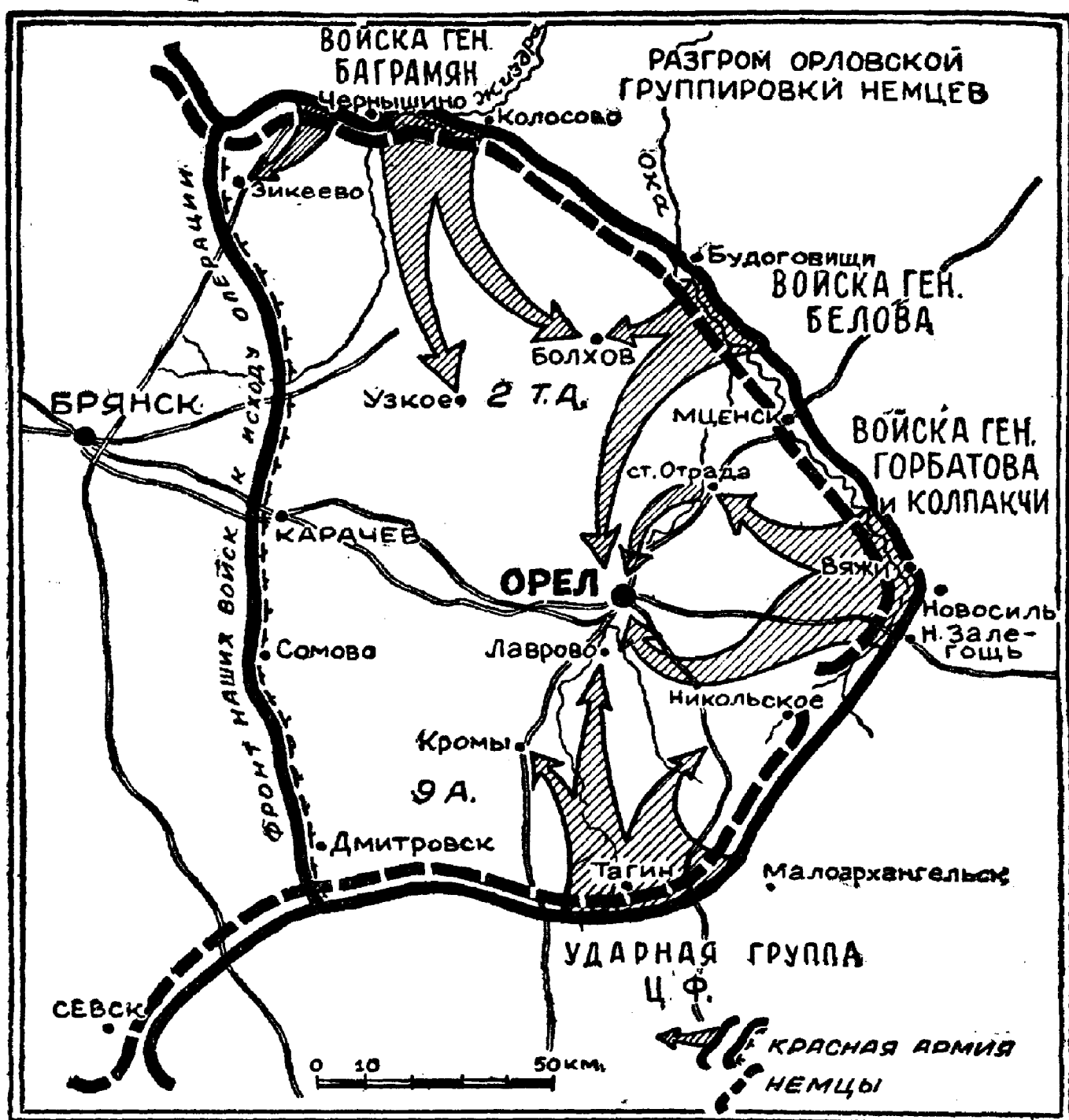

Схема № 2

по 10—15 машин шли тяжёлые танки «тигры» и самоходные орудия «фердинанды»; во втором эшелоне группами по 50—100 машин на большой скорости двигались средние танки, за которыми на бронетранспортерах следовала мотопехота. В воздухе над нашими боевыми порядками последовательно появлялись большие группы немецких бомбардировщиков, которые бомбовыми ударами должны были проложить путь своим танкам.

Немецкие войска всюду встречали массовый и организованный огонь нашей обороны. Вражеские танки, пытавшиеся на большой скорости прорваться в нашу оборону, один за другим подрывались на минных полях. С каждой минутой на поле боя появлялось всё больше и больше высоких чёрных столбов дыма от горевших немецких танков, подбитых меткими выстрелами наших артиллеристов.

Четыре раза немцы начинали атаки и четыре раза, оставив на поле боя сотни трупов и десятки подбитых танков, откатывались назад. В каждую новую атаку враг вынужден был бросать часть своих резервов. Только после пятой атаки к исходу дня на отдельных участках этого направления немцам удалось вклиниться в нашу оборону на 6—8 километров. Попытки немцев прорвать фронт наших войск на обоих вспомогательных направлениях успеха не имели.

За незначительный тактический успех на Ольховатском направле-

нии немцы заплатили дорогой ценой. За 5 июля только на участке фронта генерала Пухова немцы потеряли убитыми и ранеными свыше 15 тыс. солдат и офицеров, более 100 танков и 106 самолётов.

6 июля противник, подтянув за ночь свежие резервы, возобновил наступление. Однако вследствие понесённых накануне потерь и явного провала попыток одновременного наступления на трёх направлениях немцы вынуждены были значительно сократить фронт активных действий и все силы нацелили на Ольховатское направление против войск генерала Пухова. Но в это же время командующий Центральным фронтом генерал армии Рокоссовский готовился нанести 6 июля сильный контрудар по вклинившейся в наше расположение неприятельской группировке.

Бои 6 июля развернулись наступлением обеих сторон, а поэтому носили особенно ожесточённый характер. Произошёл ряд танковых боёв. Несмотря на стремление гитлеровского командования во что бы то ни стало прорваться на юг, немецкие войска 6 июля ни на одном участке успеха не имели.

В результате нашего внезапного контрудара главная немецкая группировка была настолько деморализована и понесла столь значительные потери, что в последующие дни оказалась уже не в состоянии развить крупную наступательную операцию. Достаточно сказать, что за день боёв 6 июля немцы потеряли свыше 10 тыс. солдат и офицеров, свыше 110 танков и 113 самолётов.

Наш внезапный контрудар смешал карты немецкого командования. Оно было настолько озадачено, что даже не решилось использовать для развития захлебнувшегося 6 июля наступления свои наличные резервы: 12-ю танковую и 10-ю моторизованную дивизии.

В течение 7 и 8 июля немецкое командование сделало ещё ряд попыток прорвать нашу оборону и выйти в район Курска. Ожесточённые бои развернулись в районе Ольховатки и Понырей, куда немцы направили основные свои усилия. Особого напряжения бои достигли в районе Понырей, превращённом нашими войсками в мощный узел сопротивления и преграждавшем путь на Курск вдоль железной дороги. К исходу 7 июля немцам удалось ворваться на северную окраину Понырей, но сильной контратакой наших частей утром 8 июля они были с большими потерями отброшены. На этом и закончилось наступление орловской группировки немцев. За два дня боёв немцам несмотря на большие потери удалось продвинуться только на 2—4 километра.

К исходу 8 июля потери немцев достигли 42 тыс. человек, более 800 танков и самоходных орудий. Наступательная мощь этой группировки оказалась исчерпанной, новых крупных резервов в распоряжении немецкого командования не было, перебросить с других участков оно не решалось, так как опасалось активных действий наших войск, расположенных восточнее и севернее Орла. Поэтому уже к исходу 8 июля немецкое командование вынуждено было отказаться от продолжения наступления и перейти к обороне.

Во время третьего этапа оборонительного сражения, охватывавшего период с 9 по 17 июля, войска Центрального фронта подготовили и осуществили мощный контрудар по перешедшей к обороне неприятельской группировке.

Утром 15 июля после мощной артиллерийской и авиационной подготовки войска левого крыла Центрального фронта перешли в наступление против вклинившейся в нашу оборону вражеской группировки. Оборона противника была прорвана, и к 17 июля войска Центрального фронта всюду вышли на оборонительный рубеж, занимавшийся ими до начала немецкого наступления. Осуществление этой задачи в значитель-

ной степени было облегчено наступлением Западного и Брянского фронтов, начавшимся уже 12 июля.

Оборонительное сражение войск Воронежского фронта на Белгородско-Курском направлении развернулось на фронте около 100 км и охватило территорию глубиной до 35 километров. Продолжалось оно без перерывов с неослабевающим напряжением с 5 по 23 июля. На этом фронте боевые действия происходили одновременно на двух направлениях. Основная группировка 4-й танковой армии немцев в составе 48-го танкового, 52-го армейского корпусов и танкового корпуса «СС» начала наступление из района Томаровки, Борисовки, Казацкого на север вдоль шоссе Белгород — Обоянь, стремясь прорваться к Курску по кратчайшему направлению. Первый удар этой основной группировки приняли гвардейцы генерала Чистякова, а затем танкисты генерала Каткуова, которые были выдвинуты на усиление этого ответственного участка.

Другая группировка немцев в составе 3-го танкового и 11-го армейского корпусов перешла в наступление из района Белгорода на Корочу против оборонявшихся здесь гвардейцев генерала Шумилова.

На фронте от Краснополя до Трефиловки действовали две пехотные дивизии 4-й немецкой танковой армии.

Бои на Белгородско-Курском направлении по их характеру и времени можно разделить на четыре этапа: первый — бои с 5 по 9 июля на Обояньском и Корочанском направлениях; второй — бои с 10 по 12 июля за Прохоровку; третий — бои с 13 по 15 июля в районе Лески, Гостищево, Шахово; четвёртый — контрнаступление наших войск с 17 по 23 июля.

Оборонительное сражение на Воронежском фронте началось 4 июля во второй половине дня действиями боевого охранения войск генерала Чистякова. В 16 час. немцы после десятиминутного артиллерийского налёта начали наступление силою до пехотной дивизии и свыше 100 танков из района Томаровки на север. Бои продолжались всю ночь.

С утра 5 июля противник начал наступление основными силами. Немецкое командование, стремясь достигнуть быстрого и решительного успеха, бросило в бой около тысячи танков, из них 700 действовали на главном направлении вдоль Обояньского шоссе против войск генерала Чистякова. Остальные были брошены на Корочанское направление против гвардейцев генерала Шумилова. Но несмотря на наличие таких мощных танковых групп врагу не удалось достигнуть сколько-нибудь значительных успехов ни на одном направлении. Вражеские танки всюду встречали мощный огонь наших отважных артиллеристов и бронёбойщиков. Там, где им удавалось прорваться в нашу оборону, их уничтожали огнём артиллерии, зарытых в землю танков, противотанковыми гранатами и зажигательными бутылками.

К исходу первого дня боёв противнику удалось вклиниться в нашу оборону на 3—4 километра. Но это было достигнуто дорогой ценой: враг за этот день потерял более 10 тыс. солдат и офицеров, около 200 танков и 180 самолётов. Несмотря на столь громадные потери немцы, подтянув свежие резервы, в течение 7 и 8 июля продолжали ожесточённые танковые атаки в районе Сырцева, Яковлева, Лучков, направив остриё своего танкового клина на Яковлево, вдоль шоссе на Обоянь. Эти бои носили особенно ожесточённый характер. Противник стремился во что бы то ни стало прорвать нашу оборону и выйти своими танковыми соединениями на оперативный простор.

В ряде районов произошли жаркие танковые бои. На помощь гвардейцам генерала Чистякова на этот рубеж вышли танкисты генерала Каткуова, которые смело встретили атаки немецких танков и нанесли им серьёзные потери:

О напряжённости боёв в эти дни и размере понесённых противником потерь наглядно свидетельствуют фотоснимки района боёв у Яковлева, произведённые 7 июля в 13 час. 15 мин.: на снимках зафиксировано 200 горящих вражеских танков.

8 и 9 июля немецкое командование, стянув основные силы танкового корпуса «СС» и 48-го танкового корпуса в район севернее Яковлева, сделало последнюю попытку прорваться к Курску по кратчайшему пути, через Обоянь, непосредственно вдоль шоссе Белгород — Курск. Но эта попытка также провалилась.

В результате ожесточённых пятидневных боёв к 9 июля противнику на Обояньском направлении удалось продвинуться в глубину нашей обороны на 30—35 км и выйти на рубеж Бубны, Завидовка, Сырцево, Береговое, Кочетовка, Красный Октябрь, Ясная Поляна, Петровский, Ерик. Однако в результате мужественного и упорного сопротивления наших войск, быстрого и целеустремлённого маневра резервами всех видов противнику ни на одном участке не удалось добиться свободы маневра, обеспечить себе хотя бы незначительный оперативный успех.

Несмотря на то что противнику удалось относительно глубоко вклиниться в нашу оборону, ежедневно к концу дневного боя его окружали подходившие к району боя наши резервы, занимавшие заранее подготовленные рубежи. Таким образом, с утра следующего дня немцы вынуждены были вести вновь затяжные, дорогостоящие для них бои для прорыва нашей обороны.

Кроме этого наши войска не раз переходили в контратаки во фланг и тыл наступавшей немецкой группировки. Активностью на других участках войска Воронежского фронта в значительной мере сковали силы врага, заставив немецкое командование часть дивизий из ударной группы перебросить на обеспечение флангов. Поэтому немецкое командование с каждым днём вынуждено было сокращать фронт своего наступления, а на ряде участков к 9 июля уже перейти к обороне.

Войска Воронежского фронта под командованием генерала Ватутина умело выполняли указания Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина — «измотать противника на подготовленных рубежах и не допустить его прорыва до тех пор, пока не начнутся наши активные действия на Западном, Брянском и других фронтах».

Немецкое командование, убедившись в бесплодности атак на Обояньском шоссе, к исходу 9 июля на этом направлении перешло к обороне, отказавшись от первоначального плана прорыва к Курску по кратчайшему пути. Этот день следует считать началом кризиса наступления белгородско-харьковской группировки немцев. Резервы, предназначавшиеся для развития наступления, командование 4-й немецкой танковой армии израсходовало. Для усиления белгородско-харьковской группировки были направлены 17-я танковая и 198-я пехотная дивизии немцев, до этого действовавшие против нашего Югозападного фронта.

Одновременно с боями на Обояньском направлении развернулись не менее напряжённые бои и на Корочанском направлении, где наступали 3-й танковый и 11-й армейский корпуса, имевшие задачей обеспечить правый фланг основной группировки 4-й танковой армии. Наступление немцев здесь производилось в северо-восточном направлении с целью прорыва в район Корочи. Но всюду они встречали упорное сопротивление наших войск. Гвардейцы генерала Шумилова, отражая атаки врага, переходили в контратаки. Борьба шла за каждую высоту, за каждую балку, за каждый колхоз.

Описывая бой на этом направлении, командир 19-й танковой немецкой дивизии генерал Шмидт в своём отчёте писал: «Мы слишком мало знали до начала наступления об укреплениях русских в этом районе.

Мы не предполагали здесь и четвертой части того, с чем нам пришлось встретиться. Каждый кустарник, каждый колхоз, все рощи и высоты были превращены в опорные пункты. Эти пункты были связаны системой хорошо замаскированных траншей. Всюду были оборудованы запасные позиции для миномётов и противотанковых орудий. Но труднее всего было представить упорство русских, с которым они защищали каждый окоп, каждую траншею».

К исходу третьего дня боя немецкому командованию стало очевидно, что план наступления с целью выхода в район Корочи провалился, а поэтому с утра 8 июля оно вынуждено было перейти к более ограниченной операции — наступлению на север для расширения к востоку мешка, образовавшегося в результате наступления главной группировки немцев.

К исходу 9 июля немцы узким клином вышли в район Мелихово. Таким образом, наступление главной группировки немцев на Курск через Обоянь захлебнулось. Никаких результатов не дало и наступление на Корочанском направлении. Следует напомнить, что наступление немцев на Курск из района Орла на участке Центрального фронта к этому времени окончательно провалилось.

Тем не менее гитлеровское командование и после 9 июля не отказалось от попыток прорваться в район Курска с юга. Оно лишь переменяло направление главного удара, перенеся его с Обояньского направления на Прохоровку, т. е. с севера на северо-восток.

На этот раз немецкое командование рассчитывало прорвать нашу оборону на Прохоровском направлении двумя одновременными ударами: из района западнее Прохоровки на северо-восток силами главной группировки, ранее наступавшей на Обоянь, и из района Мелихова в северном направлении силами 3-го танкового и 11-го армейского корпусов.

11 и 12 июля на Прохоровском направлении происходили ожесточённые танковые бои. В течение 11 июля противнику в результате ожесточённых, кровопролитных боёв удалось несколько продвинуться к Прохоровке с запада и с юга. С утра 12 июля наше командование силами гвардейцев генерала Жадова и танкистов генерала Ротмистрова нанесло в районе Прохоровки контрудар по рвавшейся к Прохоровке немецкой группировке. На подступах к этому селению произошло невиданное по своему размаху танковое сражение. В нём с обеих сторон участвовали около 2 тыс. танков и крупные силы авиации. Потеряв за день боя 400 танков, противник ни на одном направлении не продвинулся ни на шаг. Наступление немцев полностью захлебнулось. Немецкое командование вынуждено было окончательно отказаться от своих наступательных планов и перейти к обороне и на южном фланге Курского выступа.

12 июля является днём окончательного кризиса наступательной кампании немцев летом 1943 года. 12 июля является днём, когда Красная Армия после небольшого перерыва снова взяла инициативу в свои руки.

К 16 июля немецкие войска перешли к обороне перед всем нашим Воронежским фронтом. С утра 17 июля войска левого крыла Воронежского фронта перешли в наступление против вклинившегося в нашу оборону противника. К 23 июля наши войска вышли на рубеж, занимавшийся ими до начала немецкого наступления, и полностью очистили от врага всю территорию, занятую им в ходе десятидневного наступления.

Попытка немцев захватить стратегическую инициативу в свои руки закончилась позорным провалом. Обанкротились планы гитлеровского командования организовать новый поход на Москву летом 1943 г. и взять «реванш» за Сталинград.

В оборонительных боях под Курском войска Центрального и Воронежского фронтов в невиданно короткий срок сломили наступательную мощь двух сильнейших немецких группировок, богато оснащённых современными средствами ведения войны. Наступательная мощь немецкой орловской группировки была истощена за 3—4 дня сражения, а белгородско-харьковской — за 7—8 дней.

В этом сражении войска 9-й пехотной и 4-й танковой немецких армий понесли колоссальные потери. Всего за период своего наступления на Курск враг потерял 70 тыс. солдат и офицеров, 2950 танков, 195 самоходных орудий, 844 полевых орудия, 1392 самолёта и более 5 тыс. автомашин.

В ходе оборонительного сражения под Курском были разгромлены 9-я пехотная и 4-я танковая армии врага и были созданы исключительно благоприятные условия для последующих наступательных операций Красной Армии, которые начали войска Западного и Брянского фронтов 12 июля.

II. НАСТУПЛЕНИЕ КРАСНОЙ АРМИИ И РАЗГРОМ ОРЛОВСКОЙ И БЕЛГОРОДСКО-ХАРЬКОВСКОЙ ГРУППИРОВОК НЕМЦЕВ

Как уже указывалось выше, командование Красной Армии, готовясь к упорной обороне Курского выступа, одновременно подготавливало войска для перехода в наступление с целью разгрома основных группировок врага, действовавших в южном секторе советско-германского фронта.

Наступательная операция по окончательному разгрому орловской и белгородско-харьковской группировок противника охватывает период с 12 июля по 23 августа. Она началась наступлением войск Западного и Брянского фронтов против 9-й и 2-й армий врага в общем направлении на Орёл и завершилась освобождением Харькова и разгромом 4-й танковой немецкой армии, который был осуществлён войсками Воронежского и Степного фронтов.

В стратегических планах немецкого командования орловский плацдарм занимал особое место. Во-первых, он являлся выгодным трамплином для броска немецких войск на Москву; во-вторых, занимая район Орла, немецкие войска имели выгодное фланговое положение по отношению к нашим войскам, оборонявшим северную половину Курского выступа. Немецкое командование приняло все меры к тому, чтобы обеспечить этот плацдарм от возможных ударов наших войск.

Почти два года немцы строили и совершенствовали оборону орловского плацдарма. За этот период было сооружено несколько эшелонированных в глубину оборонительных полос. Реки Ока, Оптуха, Неручь, Ресета, Вытебеть, Десна и др., представляющие собой естественные оборонительные рубежи, были использованы немцами для создания на них мощных оборонительных рубежей. Все крупные населённые пункты были превращены в мощные узлы сопротивления. Особенно хорошо были подготовлены к обороне Мценск, Болхов, Кромы, Дмитровск-Орловский и Орёл; вокруг последнего был создан мощный кольцевой оборонительный пояс.

На орловском плацдарме немецкое командование сосредоточило основные силы 2-й танковой и 9-й пехотной армий, в состав которых входило более 40 дивизий, в том числе 7 танковых и 3 моторизованных. Непосредственно перед левым крылом Западного фронта и Брянским фронтом была развёрнута 2-я танковая немецкая армия, на которую была возложена оборона северной и восточной частей орловского плацдарма. На 12 июля эта армия имела в своём составе до 18 дивизий.

В период наступления наших Западного и Брянского фронтов 2-я танковая армия немцев была усилена за счёт переброски ряда дивизий с

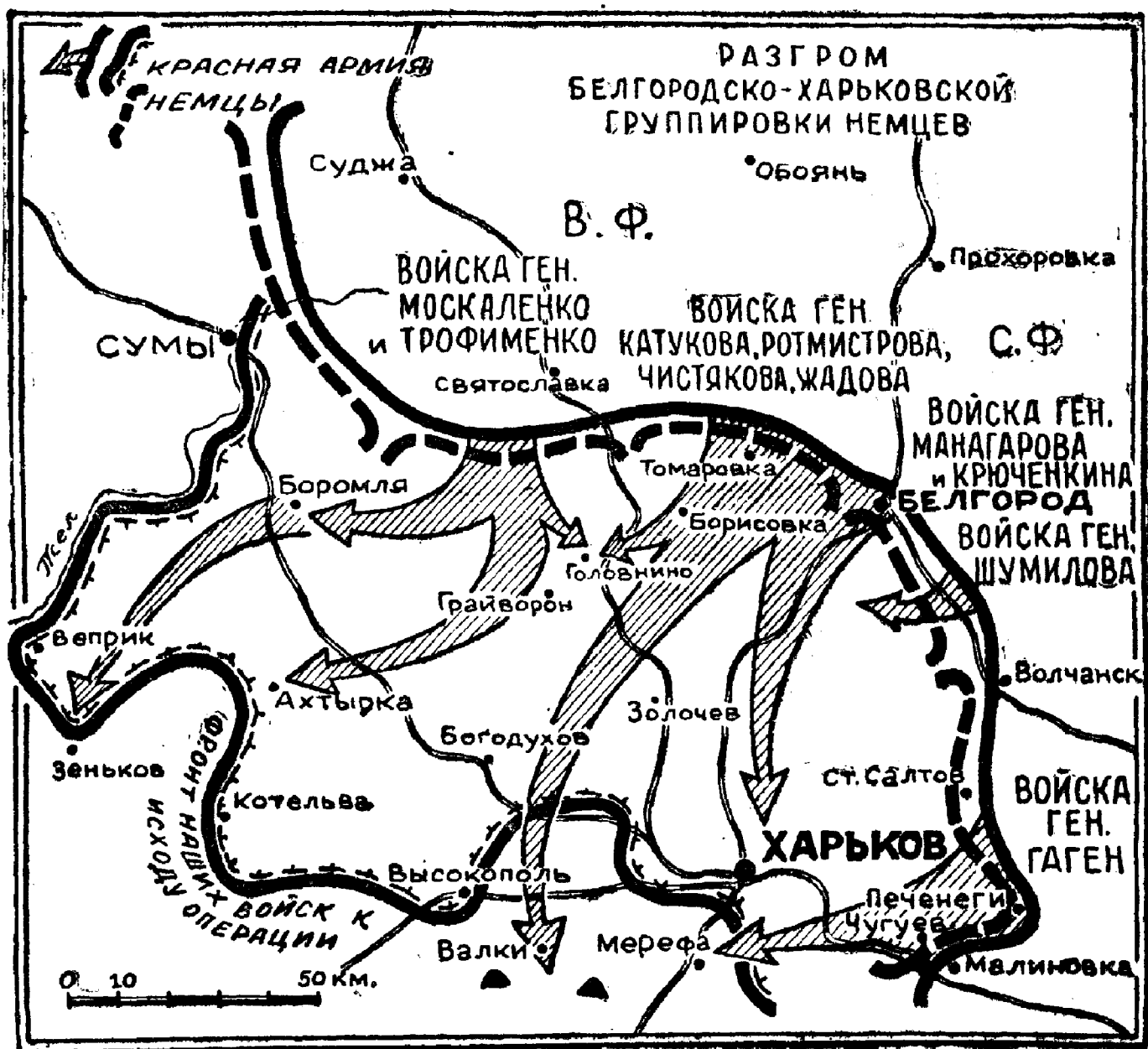

Схема № 3

других участков фронта. Достаточно сказать, что за время с 13 по 27 июля только с участка Центрального фронта немецкое командование перебросило до 13 дивизий. Танковая дивизия «СС» «Великая Германия» была перебросена под Орёл с участка Воронежского фронта.

Наше командование, готовя наступательную операцию по ликвидации орловского плацдарма, решило разгромить орловскую группировку немцев нанесением сильных ударов с нескольких направлений, чтобы с самого начала операции рассеять немецкие войска на ряд отдельных группировок, а затем начать их уничтожение. Вся операция строилась на максимальном использовании маневра и на взаимодействии всех родов войск.

Наше командование создало основные ударные кулаки в районе Чернышино, Колосово (войска генерала Баграмяна), в районе Будоговищи, Тислыково (войска генерала Белова), в районе севернее и юговосточнее Новосиль (войска генералов Горбатова и Колпакчи). Кроме того с развитием наступления войск Западного фронта с севера и Брянского с востока правое крыло Центрального фронта должно было перейти в наступление с юга в направлении на Кромы (схема № 2).

Наше командование в результате произведённой перегруппировки войск создало на направлениях главных ударов значительное превосходство сил над противником.

На ряде направлений плотность насыщения артиллерией и миномётами достигала 250 стволов на один километр фронта.

Стремление противника во что бы то ни стало, сохранить орловский плацдарм определило исключительно ожесточённый характер боёв, происходивших здесь в период нашего наступления. Глубоко эшелонирован-

ная, заранее подготовленная оборона дала немцам возможность оказывать упорное сопротивление нашим наступающим войскам. За каждую высоту, за каждый населённый пункт шли ожесточённые бои. Противник переходил в яростные контратаки с участием большого количества танков и при поддержке значительных групп авиации.

В период нашей наступательной операции по ликвидации орловского плацдарма шли сильные дожди, что затрудняло действия нашей авиации, танков и артиллерии.

Наступление войск Западного и Брянского фронтов началось утром 12 июля. А через несколько дней перешли в наступление и войска правого крыла Центрального фронта. Несмотря на ожесточённое сопротивление немцев, в первые же дни боёв оборона противника была прорвана в трёх местах — севернее, восточнее и южнее Орла.

Войска генералов Баграмяна и Белова, ломая сопротивление противника на следующих рубежах, к 19 июля ударами своих частей по сходящимся направлениям зажали болховскую группировку врага в железные тиски. Немцы с отчаянием смертников защищали Болхов, который являлся важнейшим бастионом немецкой обороны, прикрывавшим Орёл с севера. Но несмотря на упорное сопротивление врага бои с каждым днём приближались к городу. И, наконец, 29 июля войска генерала Белова штурмом овладели Болховом.

В боях за Болхов с 12 по 30 июля немцы потеряли десятки тысяч солдат и офицеров убитыми, более 100 танков, около 600 орудий и миномётов и свыше 1000 автомашин. Нашими войсками было захвачено свыше 5 тыс. пленных.

К 20 июля наши войска ликвидировали также сильный аванпост противника на подступах к Орлу — Мценск. С захватом нашими войсками Мценска и Болхова система обороны противника была в значительной степени нарушена.

Наш блестящий успех на этом участке predetermined исход сражения под Орлом, открыв для наших войск пути наступления на Орёл с севера и северо-востока.

Войска генерала Баграмяна содействовали выходу в район Болхова с запада и захвату его частями генерала Белова. Наши части, развивая после прорыва неприятельского фронта наступление в южном направлении и прорвав несколько неприятельских оборонительных полос, приблизились к основным магистралям, связывавшим Орёл с оперативным тылом немцев. Они находились в 20—25 км от важного опорного пункта, узла дорог и крупной базы снабжения противника — Хотынца.

Одновременно с развитием операций в северной части орловского плацдарма шли ожесточённые бои восточнее Орла. На войска генералов Горбатова и Колпакчи была возложена задача овладеть Орлом ударами с северо-востока и юго-востока.

Наши наступавшие войска с упорными боями преодолели ряд сильных оборонительных неприятельских рубежей, в частности форсировали подготовленные к обороне реки Зуша, Олешня, Оптуха и Ока. Только благодаря высокой организованности наших войск, хорошо налаженному взаимодействию пехоты, танков, артиллерии, авиации, твёрдому непрерывному управлению боем и величайшей храбрости и героизму наших бойцов и офицеров была успешно решена эта трудная задача.

К 3 августа наши части с ожесточёнными боями форсировали Оку и завязали бои на ближних подступах к Орлу. 4 августа наши войска ворвались в город с нескольких сторон. Начались ожесточённые уличные бои, которые продолжались до 5 августа, — в этот день город был окончательно очищен от противника.

В боях за Орёл противнику были нанесены огромные потери. Наши войска захватили около 4 тыс. пленных, 135 танков, до 2 тыс. пулемётов

и большое количество другого военного имущества. Остатки орловской группировки немцев, опасаясь полного окружения нашими войсками, приближавшимися к Хотынцу, стали поспешно отходить на запад. Наши части преследовали отходившие части врага. Этот процесс преследования перерос в операцию по овладению новым важным опорным пунктом — железнодорожным узлом и узлом сопротивления противника Брянском.

К середине августа орловский плацдарм был очищен от немецких войск и как таковой перестал существовать.

Боевые операции по ликвидации белгородско-харьковского плацдарма начались 3 августа, т. е. вскоре после того, как войска Воронежского фронта, обескровив немецкие части в оборонительном сражении, контрударом отбросили их и восстановили положение, бывшее до начала немецкого наступления. Эти операции были осуществлены войсками Воронежского и Степного фронтов за 20 дней — с 3 по 23 августа. 23 августа наши войска штурмом овладели второй столицей Украины — Харьковом.

Белгородско-харьковский плацдарм имел для немецкого командования не менее важное значение, чем орловский. Он являлся наиболее сильным «бастионом обороны на востоке», по выражению одного из представителей немецкого командования, «воротами, запиравшими путь для русских армий на Украину». Вследствие этого гитлеровское командование исключительно большое внимание уделило инженерному оборудованию этого плацдарма. Здесь немцы заранее подготовили ряд мощных оборонительных рубежей: с севера Харьков прикрывался шестью рубежами, с востока — четырьмя; кроме того город был опоясан двумя мощными кольцевыми обводами.

Немецкая оборона опиралась на ряд мощных опорных пунктов и узлов сопротивления, в которые были превращены почти все населённые пункты. Наиболее крупными узлами сопротивления являлись Белгород — «северный неприступный бастион Украины», — Харьков — «замок, замыкавший украинские пространства, центральная опорная точка юговосточного фронта». — Томаровка, Борисовка, преграждавшие путь наступлению наших войск на Харьков с севера, и многие другие.

Белгородско-харьковский плацдарм обороняла крупная группа немецких войск в составе 15 пехотных и 6 танковых дивизий. Кроме того несколько дивизий, в том числе четыре танковые, были переброшены в район боёв с других участков фронта, в частности из района Донбасса.

План командования Красной Армии по разгрому немецкой группировки в районе Белгорода и Харькова заключался в следующем: нанести по обороне противника несколько сильных ударов, раздробить оборонительный фронт врага на несколько изолированных частей, а затем окружить и уничтожить их (схема № 3).

Главная группировка наших войск была создана севернее и северозападнее Белгорода — в районе Дмитриевки, Яковлева, Гостищева, Быковки. Она состояла из войск правого крыла Степного фронта генерала Конева (ныне маршала Советского Союза) и левого крыла Воронежского фронта генерала армии Ватутина. Перед ней была поставлена задача разгромить главную группировку немцев в районе Белгорода и Харькова и освободить эти города.

Ближайшей задачей войск генералов Мангарова, Крюченкина и Шумилова, входивших в эту группировку, являлось: концентрическими ударами с севера и востока окружить и разгромить белгородскую группировку немцев и после освобождения Белгорода наступать вдоль западного берега Северного Донца на юг, разгромить немецкие войска, оборонявшие Харьков, и овладеть им.

Наше командование предусматривало удар части войск генерала армии Малиновского из района северовосточнее Чугуева на запад с целью выхода к югу от Харькова и содействия войскам генерала Конева в борьбе за Харьков.

Соединения генералов Чистякова и Жадова совместно с танкистами генералов Катукова и Ротмистрова должны были развивать удар в обход Харькова с запада. Наше командование учитывало, что немцы будут не только упорно сопротивляться нашему наступлению, но и будут пытаться переходить в контратаки крупными силами против открытого правого фланга нашей ударной группировки с запада. Поэтому одновременно с подготовкой мощного удара на Харьковском направлении перед частями войск генерала Ватутина была поставлена задача — наступлением в югозападном направлении на Ахтырку обеспечить правый фланг нашей главной группировки и расширить прорыв неприятельской обороны. Такое распределение сил позволило нашему командованию под Харьковом, как и под Орлом, на решающих направлениях создать значительное превосходство над противником.

Бои в районе Белгорода и Харькова, как и под Орлом, отличались исключительной ожесточённостью, наше наступление развивалось в очень трудной обстановке. Наши войска в ходе операции были вынуждены последовательно прорвать до восьми заранее подготовленных оборонительных рубежей, не считая промежуточных оборонительных полос, которые немцы создавали в ходе сражения. Для строительства этих полос немцы использовали женщин, детей, стариков, сгоняя их из окрестных населённых пунктов. Благодаря хорошей подготовке наступления и сосредоточению на направлениях главных ударов большого количества техники, в первый же день боёв — 3 августа — фронт противника был прорван на всех намеченных направлениях.

Первые дни сражения характеризовались упорными боями за крупные узлы сопротивления — Томаровку, Белгород и Борисовку. Удерживая их, вражеское командование пыталось остановить наступление наших войск на Харьков. Томаровский узел был захвачен нашими войсками 5 июля. Большая часть гарнизона Томаровки была уничтожена. Остатки немецких войск, опасаясь полного окружения, отошли в сторону Борисовки.

Ликвидация томаровского узла сопротивления дала нашим войскам возможность произвести смелый маневр с запада против белгородской группировки немцев. До сих пор наличие на правом фланге наших войск, наступавших на Белгород с севера, томаровского узла мешало осуществлению этого маневра.

В тот же день — 5 июля — части 98-й гвардейской и 305-й дивизий, сломив ожесточённое сопротивление врага, ворвались в Белгород с севера и северозапада. Танкисты генерала Соломатина к этому времени перерезали железную дорогу и шоссе Белгород—Харьков. Перешедшие в наступление с востока части генерала Шумилова вышли на восточную окрестность города.

Таким образом, группировка немцев, оборонявшая Белгород, оказалась под угрозой полного окружения и под ударами наших войск, бросая оружие, в панике бежала на юг, в сторону Харькова. К исходу дня Белгород был полностью очищен от немецких войск.

Бой за Белгород стоил немцам громадных потерь. Только на улицах города немцы оставили 3200 трупов своих солдат и офицеров. Наши войска захватили большое количество пленных и много различных трофеев.

Борисовский узел сопротивления обороняла крупная группировка немецких войск. После прорыва нашими войсками главной оборонительной полосы и разгрома томаровского узла сопротивления немцы сгруппировали в районе Борисовки части 57-й, 255-й и 332-й пехотных, 19-й и 11-й

танковых дивизий. Для ликвидации этой группировки немцев и захвата борисовского узла сопротивления наше командование использовало часть сил из состава войск генералов Трофименко, Чистякова и Жадова.

Днём 6 августа Борисовка была окружена нашими войсками с запада, севера и востока. Однако враг продолжал оказывать упорное сопротивление. Тогда по приказу командования гвардейцы генерала Родимцева смелым броском выдвинулись к югу от Борисовки и во второй половине дня, прорвавшись в район Головчино, перерезали последние пути отхода немцев. Кольцо окружения вокруг немецкой группировки замкнулось. Немцы, как затравленные волки, заметались во все стороны, пытались найти лазейку, через которую они смогли бы вырваться из кольца. Однако все их попытки оказались тщетными. Повсюду они наталкивались на удары и огонь наших частей.

В течение всего вечера 6 августа и ночи на 7-е шли бои по уничтожению окружённых немецких войск. К утру Борисовка была в наших руках.

В районе Борисовки немцы оставили 5 тыс. трупов своих солдат и офицеров, наши части захватили много пленных, около 100 тяжёлых танков типа «тигр», значительное количество орудий, автомашин, пять груженых боеприпасами железнодорожных составов. Среди убитых немцев был найден труп командира 19-й танковой дивизии генерал-лейтенанта Шмидта.

В боях в районе Борисовки были окончательно разгромлены 57-я, 255-я и 332-я пехотные и 19-я танковая дивизии немцев. Только отдельным небольшим группам немецких солдат удалось просочиться через боевые порядки наших частей и избежать пленения или уничтожения.

После разгрома немцев под Томаровкой, Белгородом и Борисовкой наши войска начали развивать наступление на Харьков и, прорывая последовательно оборонительные рубежи, к 11 августа подошли вплотную к внешнему обводу, опоясывавшему Харьков. 9 августа перешли в наступление на запад из района северовосточнее Чугуева соединения генерала Гагена из состава войск генерала армии Малиновского.

С 12 августа начались ожесточённые бои за Харьков. Напряжённые бои развернулись западнее Харькова.

Одновременно с развитием наступления на Харьков часть войск Воронежского фронта соединения генералов Москаленко, Трофименко и танкисты генералов Катукова и Ротмистрова, опрокидывая немецкие части и ликвидируя большое количество узлов сопротивления, развивали наступление в югозападном направлении. К середине августа они овладели Ахтыркой, Котельной, Краснокутском, Богодуховом, разгромив ряд крупных группировок неприятеля в районе Золочёва, Грайворона, Богодухова.

В результате столь быстрого и успешного наступления Воронежского фронта над главной харьковской группировкой немцев нависла угроза полного окружения. Немецкое командование поспешно сформировало в районе западнее Ахтырки и юговосточнее Богодухова крупные группировки, состоявшие в основном из танковых дивизий, перебросило в эти районы значительное количество авиации. Всего немецкое командование стянуло в район Харькова и западнее его танковый корпус «СС», дивизию «Викинг», 10-ю мотодивизию и две — три пехотные дивизии. Большая часть этих войск была переброшена с рубежа Миус — Барвенков.

Стремясь любой ценой удержать в своих руках белгородско-харьковский плацдарм и предотвратить развитие нашего наступления на запад, немецкое командование контрударами на Богодухов, Краснокутск, а затем на Ахтырку сделало попытку разгромить войска Воронежского фронта, действовавшие на этих направлениях, обнажить фланг нашей группировки, наступавшей на Харьков, и последующими ударами разгро-

мить её. Однако все эти попытки врага оказались тщетными. Немцам удалось лишь несколько потеснить наши части, но изменить общую оперативную обстановку, сложившуюся в районе Харькова к середине августа, они не смогли.

Встречные мощные удары танковых соединений Ротмистрова и Катюкова ликвидировали наступательные возможности немцев и заставили их отказаться от выполнения задуманного плана. А успешное наступление частей генералов Москаленко и Корзуна вдоль реки Псел на юг и выход их во второй половине августа на рубеж Веприк — Олешня поставили ахтырскую группировку немцев под фланговый удар и под угрозу нового окружения.

В результате бешеных атак немцы израсходовали все свои последние резервы, в том числе и те танковые соединения, которые они перебросили сюда в ходе боёв с других участков фронта и из Западной Европы.

Непосредственно под Харьковом во второй половине августа бои продолжались с прежней интенсивностью. Прорвав кольцевые обводы немцев, наши части с севера подошли вплотную к городу.

К 20 августа войска генерала Манагарова, усиленные танками, сломив сопротивление немцев, в результате стремительного удара прорвались в район Песочина, Коротина, к западу от Харькова, и перерезали все дороги, ведущие от Харькова на запад. К этому времени подошли к городу и соединения генерала Гагена, наступавшие на Харьков с востока. В распоряжении немцев, находившихся в Харькове, остались лишь одна железная и одна шоссейная дороги, шедшие на юг. Боясь подвергнуть свою харьковскую группировку участи, постигшей немецкие дивизии под Борисовкой, гитлеровское командование начало отход от Харькова. Этот отход происходил под непрерывными ударами наших войск на земле и авиации с воздуха. После ожесточённых уличных боёв 23 августа Харьков был очищен от фашистской нечисти и вновь стал советским.

С освобождением Харькова прекратила своё существование белгородско-харьковская группировка немцев и был ликвидирован этот важнейший плацдарм. Германская армия лишилась самого важного устоя своей обороны на советско-германском фронте. Разгром немцев под Харьковом не только дал возможность нашим войскам развивать наступление на запад, но и сыграл значительную роль в освобождении Красной Армией Донбасса. Не прекращая операции, войска Красной Армии неотступно преследовали отходящего врага. Это преследование переросло в мощное наступление и привело наши войска после освобождения Левобережной Украины к берегам Днепра, а затем и на Правобережье.

Значение наших побед под Орлом и Харьковом трудно переоценить. В ходе этих сражений врагу были нанесены тяжчайшие, невозможные потери. За месяц боёв, с 5 июля по 6 августа, на обоих направлениях немцы потеряли только убитыми 120 тыс. солдат и офицеров; нашими войсками было уничтожено 4605 танков, 1623 орудия, 11 тыс. автомашин, 2492 самолёта. Кроме того за это же время наши войска захватили 521 танк, 875 орудий, 2521 пулемёт и взяли в плен 12 418 немецких солдат и офицеров.

В боях под Курском, Орлом и Харьковом германское командование израсходовало свои основные резервы. Это обстоятельство, естественно, в сильной степени способствовало дальнейшему победоносному наступлению наших войск в течение осени и зимы 1943 года.

В боях под Курском, Орлом и Харьковом был окончательно похоронен сумасбродный план гитлеровского командования нового похода на Москву. Германия оказалась перед неминуемой катастрофой. Немецкая военная машина получила новый сокрушительный удар. На всём совет-

ско-германском фронте германское командование вынуждено было перейти к стратегической обороне.

В ходе боевых действий под Курском, Орлом и Харьковом перед всем миром ещё раз была продемонстрирована порочность немецкой стратегии, основанной на переоценке своих сил и недооценке сил и возможностей Красной Армии.

Сражения под Курском, Орлом и Харьковом явились новым торжеством сталинской стратегии. Из анализа этих сражений ясно видно, как последовательно и полно проводился в жизнь гениально задуманный Верховным главнокомандованием Красной Армии план полного разгрома и уничтожения основных немецких группировок, предназначавшихся гитлеровским командованием для похода на Москву.

Эта величайшая победа была достигнута в результате успешно осуществлённого взаимодействия между пятью фронтами. Эту труднейшую задачу — осуществить такое взаимодействие в исключительно сложной обстановке боёв, развернувшихся в июле — августе 1943 г., — наше командование выполнило блестяще.

В этих сражениях Красная Армия показала возросшую боевую выучку, умение бороться один на один с сильным и коварным врагом и наносить ему сокрушительные удары.

В этих сражениях «Красная Армия опрокинула расчёты немцев, отбила их наступление, сама перешла в наступление и погнала немцев на Запад, растоптав тем самым авторитет немецкого оружия» (С т а л и н).

В оборонительных боях под Курском Красная Армия блестяще выполнила поставленные перед ней задачи. «Проведённые бои по ликвидации немецкого наступления показали высокую боевую выучку наших войск, непревзойдённые образцы упорства, стойкости и героизма бойцов и командиров всех родов войск, в том числе артиллеристов и миномётчиков, танкистов и лётчиков» (С т а л и н).

В ходе Великой отечественной войны Красная Армия неоднократно демонстрировала всему миру свою способность упорной обороной останавливать наступление численно превосходящих сил врага и срывать наступательные планы немцев.

Под Смоленском в 1941 г. обороной Красной Армии немецкие войска были остановлены на два месяца. Под Смоленском был похоронен план «блицкрига», план молниеносного разгрома Красной Армии и выхода СССР из войны.

Под Москвой в результате упорных сражений, тянувшихся два месяца, не только были остановлены и обескровлены немецко-фашистские армии, но были созданы предпосылки для общего наступления, которое привело к разгрому немецких армий, к очищению громадной территории и провалу всей зимней кампании немцев 1941—1942 года.

Под Севастополем наши войска, в несколько раз уступавшие по силе немцам, в исключительно тяжёлых условиях окружения оборонялись в течение восьми месяцев. Они нанесли противнику огромные потери и на несколько месяцев задержали начало наступления немцев на главном стратегическом направлении.

Под Ленинградом в результате героической обороны наши войска сумели остановить наступление немцев. В течение всего истекшего периода войны в исключительно трудных условиях они отстаивали Ленинград, сковывая на этом фронте крупные силы немцев.

Под Сталинградом наши войска в результате искусно осуществлённой обороны в течение пяти месяцев сдерживали наступление немецких армий, обескровили их и создали выгодные условия для перехода в общее наступление, закончившееся окружением и уничтожением 330-тысячной группировки немцев.

В оборонительном сражении под Курском была истощена наступательная мощь двух основных немецких группировок и вновь созданы условия для перехода Красной Армии в общее наступление.

В ходе оборонительного сражения под Курском Красная Армия показала, что правильно организованная и проводимая оборона при наличии стойкости и высокого морального духа войск является непреодолимой для противника, как бы силен он ни был. *

В ходе наступательных операций под Орлом и Харьковом Красная Армия показала высокую оперативную подготовку своего командного состава, умение его в сложных условиях успешно выполнять замыслы Верховного главнокомандования и осуществлять маневр как в оперативном масштабе, так и на поле сражения.

Одной из наиболее замечательных и характерных особенностей операций под Орлом и Харьковом являлось то, что наши войска не просто гнали немцев с захваченной территории, но широким и смелым маневром окружали и уничтожали группировки противника, а затем враг не вытеснялся, а уничтожался.

В боях за Орёл и Харьков наши войска наступали при наличии у противника большого количества заранее подготовленных оборонительных рубежей. И в то время как немецкие войска в результате упорных боёв под Курском в течение десяти дней с трудом преодолели лишь два наших рубежа и не смогли прорвать систему нашей армейской обороны, войска Красной Армии в течение августовских наступательных боёв успешно прорвали все немецкие оборонительные рубежи. (Напомним, что под Харьковом таких оборонительных рубежей было восемь.)

Равным образом при дальнейшем развитии наступления Красной Армии на запад немцам не помог ни один их пресловутый «вал», в том числе и мощный оборонительный рубеж на Днестре.

Блестящих результатов как в оборонительных, так и в наступательных боях Красная Армия добилась в результате умело организованного и непрерывно осуществлявшегося взаимодействия всех родов войск.

В битве под Курском был разрушен созданный гитлеровской пропагандой миф о «сезонности» стратегии. Красная Армия показала, что она бьёт немцев с одинаковым успехом во все времена года. В битве под Курском была ликвидирована последняя попытка немцев взять «реванш» за Сталинград и вернуть утраченную под Сталинградом стратегическую инициативу.

Битва под Курском, как и битва под Сталинградом, войдёт в сокровищницу военной истории и в историю Великой отечественной войны, как одна из её наиболее ярких страниц.

ОТКЛИКИ В РОССИИ НА КНИГУ К. МАРКСА «К КРИТИКЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ» (1860 — 1890 гг.)

Проф. А. Реуэль

В литературном наследстве основоположников марксизма — Маркса и Энгельса — одно из первых мест принадлежит работе Маркса «К критике политической экономии». Ленин показал огромное значение этой работы Маркса в обосновании материалистического понимания исторического процесса.

Западноевропейская наука и публицистика встретили книгу Маркса «К критике», равно как и другие его работы, полным молчанием. Даже такой видный политический деятель, как Вильгельм Либкнехт, не понимал подлинного значения этой книги. Между тем в России она имела большой успех и широкое распространение. В письме от 15 сентября 1860 г. Маркс писал: «В России моя книга вызвала большой шум, и один профессор прочёл о ней в Москве лекцию. Кроме того, я получил от русских множество дружеских писем по поводу неё, а также и от французов, понимающих по-немецки»¹.

Маркс был осведомлён о публичном выступлении известного либерального профессора Бабста². Бабст читал курс публичных лекций по политической экономии. Первая лекция свидетельствует о влиянии книги Маркса «К критике» на его взгляды. Бабст говорил: «Не в наше ли время, время великих общественных битв и переворотов, двинулись вперёд история и наука права, не в наше ли время по преимуществу материальных интересов понято, что в юридических формах известного народа выражается его хозяйственная жизнь, что нельзя понять историю народа, не зная его хозяйственных отношений, и что законодательство необходимо должно изменяться рука об руку с изменением народного хозяйства?»³.

На приведённом высказывании Бабста явно отразилось влияние идей работы Маркса «К критике» об экономической структуре

общества как реальном базисе, на котором возвышается юридическая надстройка. Отметим ещё одно место лекции Бабста, которое также свидетельствует о влиянии на взгляды Бабста предисловия к «К критике». Бабст говорил: «Одного хозяйственного идеала быть не может. Каждая форма народного хозяйства соответствует потребностям известного народа в данное, определённое время. Держится она долее, чем того требуют условия, среди которых она выросла, и держится ещё вдобавок насильственно, то отсюда проистекает неловкость, часто и совершенное расстройство народного хозяйства. Каждая, следовательно, эпоха исторической жизни необходимо имеет и свои формы народного хозяйства»⁴.

Вообще же лекция Бабста была выдержана в либеральном духе. Лектор подвергал критике существующие формы собственности, главным источником которых везде в Европе являются, по его мнению, завоевание и насилие. Бабст ратовал за общность интересов капитала и труда, за «нормальные» и «свободные» отношения между ними. Лекция Бабста имела большой успех. Различные общественные круги оценивали её по-разному. Так например «Указатель экономический» писал: «Первая публичная лекция проф. Бабста... произвела на нас страшное впечатление. В новом блестящем изложении почтенного профессора мы встретили, между прочим, нечто вроде протекционизма, прикрытого удобным покровом исторического направления»⁵.

В журнале «Gazette du Nord» в сообщении из Петербурга от 25 февраля 1860 г. Маркс рассматривался как один из виднейших представителей экономической науки. Говоря о популярном в то время вульгарном экономисте Молилари, автор корреспонденции сомневался, чтобы сам Молилари считал себя достаточно сильным в области «науки политической экономии, которая насчитывает теперь среди своих представителей Карла Маркса, Стюарта Милля, Кэри, Прудона и многих других оригинальных исследователей»⁶. Об этих откликах на книгу «К критике» и о публичной лекции Бабста Н. И. Сазонов, русский журналист, эмигрант во Франции и Швейцарии, написал Марксу.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXV, стр. 371.

² И. К. Бабст (1824—1881) — экономист, публицист. Ученик Грановского. Докторская диссертация (1852) — «Джон Ло, или финансовый кризис Франции в первые годы регентства»; профессор политической экономии в Московском университете (с 1857 г.). Сторонник «исторической школы» политической экономии.

³ «Московские ведомости» № 19 от 24 января 1860 года.

⁴ Там же.

⁵ «Указатель экономический» № 162 за 1860 г., стр. 100.

⁶ «Gazette du Nord», nr. 18, 5 mai 1860

Маркс опубликовал это письмо в своём знаменитом памфлете «Господин Фогт» как письмо «известного русского писателя». В этом письме от 10 мая 1860 г. Сазонов писал Марксу: «Вы дали учёному миру первую часть прекрасного труда, который призван преобразовать экономическую науку и построить её на новых, более солидных основах... Вы пользуетесь огромным успехом среди мыслящих людей, и если Вам может доставить удовольствие узнать, какое распространение Ваше учение находит в России, я могу Вам сообщить, что в начале этого года профессор... прочёл в Москве публичный курс политической экономии, первая лекция которого представляла не что иное, как изложение Вашего последнего произведения. Пошлю Вам номер «Gazette du Nord», который Вам покажет, каким уважением окружено Ваше имя в нашей стране»¹.

К 60-м годам относится обзор П. Ткачёва, посвящённый Г.-Д. Маклсоду и Ю. Жуковскому, в котором он дал отзыв на книгу Маркса «К критике политической экономии»².

Единственно правильным методом изучения социальных явлений Ткачёв считал метод, сформулированный Марксом в книге «К критике политической экономии», который «сделался почти общим достоянием всех мыслящих людей». Однако Ткачёв обнаруживал непонимание метода Маркса. Метод Маркса представлялся Ткачёву критическим методом изучения социальных явлений в противоположность объективному методу естествознания. Взгляд Ткачёва на метод Маркса находился в тесной зависимости от проводимого им разграничения между естественными и общественными науками. К явлениям природы, полагал Ткачёв, следует относиться объективно, к явлениям же общественной жизни — критически. Если явления природы можно возводить в общие правила и более или менее безусловные законы, то «явления общественные не могут и не должны быть возводимы в законы: возводить их в закон — значит узаконять многое множество нелепостей, облачённых в принципы, благодаря ничем не возмущающейся рутине»³.

По Ткачёву, изучать объективные закономерности — значит признавать нормальным существующий социально-политический режим. Он совершал здесь ошибку, типичную вообще для народничества, которое не понимало, что, лишь став на точку зрения объективной действительности и познав её при помощи диалектического метода, можно с успехом бороться за изменение существующего строя.

На всех высказываниях Ткачёва по социологическим вопросам заметно влияние идей экономического материализма в эклектиче-

ском сочетании с воззрениями буржуазной социологии.

Ткачёв неоднократно говорил о примате экономики по отношению к праву, нравственности, государству и т. п. Однако это у него уживалось с утилитаристскими воззрениями и с признанием также движущей силой исторического процесса людских аффектов, принципа войны и т. п. По своим социологическим воззрениям Ткачёв — типичный эклектик. Он пытался сочетать ряд враждебных марксизму концепций и в то же время находился под влиянием Маркса, под влиянием идей «Капитала».

В лице Н. И. Зибера русская экономическая мысль 70—80-х годов выдвинула крупного пропагандиста марксизма. Перу Зибера принадлежат ряд крупных работ и множество статей, в которых он выступает как сторонник экономического учения Маркса.

Хотя Зибер в своих работах опирался главным образом на «Капитал» Маркса, однако у него встречаются и высказывания о книге Маркса «К критике». Зибер широко пользовался этой замечательной книгой при разборе домарксовской политической экономии. Так например, говоря о полемике, которую вызвало среди экономистов определение Рикардо меновой стоимости рабочим временем⁴, Зибер перевёл почти целую страницу из книги Маркса «К критике»⁵ и вставил её в свою работу. При рассмотрении воззрений Джемса Милля на равновесие между продавцами и покупателями⁶ он снова ссылаясь на высказывания Маркса в книге «К критике»⁷.

Однако отражение идей «К критике» в основной работе Зибера не ограничивается указанными примерами, которые сводятся к включению ряда высказываний Маркса в соответствующие разделы работы. «К критике» оказала непосредственное влияние на формирование экономических воззрений Зибера, на более глубокое усвоение экономических воззрений Маркса. Сопоставление текстов 1-го и 2-го изданий основной работы Зибера «Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях» показывает, что в 1-м издании Зибер ещё не пользовался в своих теоретических выводах высказываниями Маркса в «К критике». Сопоставление текстов этих двух изданий наглядно показывает, как Зибер под влиянием дальнейшей своей работы над произведениями Маркса, в частности над книгой «К критике», освобождался от влияния Конта с его различием статических и динамических явлений и категорий. Эта книга не только способствовала более глубокому пониманию Зибером методологии политической экономии, но благодаря ей

⁴ См. Зибер Н. Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях, стр. 88. Соцэкгиз. М. 1937. В дальнейшем название этой книги будет даваться сокращённо.

⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XII. Ч. 1-я, стр. 48—49.

⁶ См. Зибер Н. Давид Рикардо и Карл Маркс, стр. 197.

⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XII. Ч. 1-я, стр. 82.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XII. Ч. 1-я, стр. 268.

² См. Ткачёв П. Рецензия на книгу Ю. Жуковского. Избранные сочинения. Т. I, стр. 69. Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев. М. 1932.

³ Там же, стр. 70.

Зибер стал лучше понимать марксистскую теорию товара и учение о деньгах, что рельефно видно при сопоставлении текстов обоих изданий его работы. Так например в работах Зиберы мы встречаем ряд высказываний об абстрактном труде, свидетельствующих о его понимании этой категории как категории социальной и исторической¹. Содержательна также у Зиберы характеристика категории общественного труда: он различает труд непосредственно общественный и скрыто общественный².

По вопросу о заслугах Маркса в разработке теории денег Зибер отмечал, что Маркс сделал два крупных вклада в науку: «Выяснение генетического развития денежного обмена и строгое обособление в исследовании специальных свойств различных денежных функций»³. Эти высказывания Зиберы, вне всякого сомнения, являются результатом глубокого изучения книги Маркса «К критике». Под её влиянием формировались и социологические воззрения Зиберы. Так например Зибер указывал на примат экономики по отношению к праву. Он писал: «Право всегда делает только то, что представляет санкцию господствующих общественно-экономических отношений. Третьего дня среди завоевателей оно санкционировало право собственности на рабов, вчера — на работу крепостных, сегодня — на добавочную работу батраков, потому что общественное служение требовало изменения форм власти»⁴. По Зиберу, «право есть не более, не менее, как юридическое отражение соответствующего экономического строя»⁵. Во всех этих высказываниях Зибер подчеркивал производную роль права по отношению к экономике — одно из важнейших положений исторического материализма. Зибер защищал также идеи «К критике» и в дискуссии, которая разыгралась в России в 70-х годах вокруг «Капитала» Маркса и в которой участвовали Ю. Жуковский, Н. Михайловский, Б. Чичерин и Н. Зибер.

Хотя непосредственным предметом этой дискуссии был «Капитал» Маркса, участники этого интересного теоретического турнира подвергали разбору и книгу Маркса «К критике политической экономии». Ю. Жуковский рассматривал Маркса как представителя формалистического течения политической экономии, ограничивающего своё исследование исключительно формальной, «морфологической» стороной общества, т. е. правовыми отношениями. Жуковский прямо заявлял, что «анализ общественного вопроса, который представляет Маркс, ограничивается чисто формальными юридическими и политическими его основаниями»⁶.

Ю. Жуковский пытался подтвердить свои высказывания ссылками на предисловие

Маркса к «К критике». Маркс говорил: «Человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия её решения уже существуют или, по крайней мере, находятся в процессе становления»⁷.

Ю. Жуковский полагал, что это положение Маркса не соответствует современным научным воззрениям. «Юридические формы, — восклицал Ю. Жуковский, — могут вырастать на экономической почве и действительно вырастают на ней, это неоспоримо, но следует ли отсюда, чтобы в самом сознании человека могли возникать только формы, для осуществления которых есть готовые материальные средства, — это другой вопрос»⁸. Маркс говорит о человечестве, которое ставит себе только разрешимые задачи; Жуковский вместо коллективного сознания подставляет изолированного человека, в сознании которого могут возникать представления, для осуществления которых нет соответствующих предпосылок.

Жуковскому возражал Михайловский в статье «Карл Маркс перед судом г. Ю. Жуковского», напечатанной в октябрьском номере «Отечественных записок» за 1877 год.

Обвинение Жуковского, будто Маркс игнорирует материальные условия общества и изучает только юридическую и политическую его сторону, Михайловский отвергал, считая неправильным причислять Маркса к «формалистам», которые обходят прямое исследование материальных условий юридических отношений «В действительности, — утверждал Михайловский, — ни «Капитал», ни другое цитируемое г. Жуковским сочинение Маркса — «Zur Kritik» — отнюдь такой цели в виду не имеют... Конечная цель этого сочинения — показать экономический закон развития новейшего общества — и строго выдерживает эту программу»⁹.

«Капитал» и «К критике», по Михайловскому, целиком посвящены «анализу условий производства и экономических отношений»¹⁰. В отличие от Жуковского Михайловский полагал, что в «Капитале» дан «превосходно разработанный материал для решения общего вопроса об отношении форм к материальным условиям их существования и превосходная постановка этого вопроса для частной области»¹¹. Таким образом, в отличие от Жуковского, который воспринимал «Капитал» и «К критике» как формальное исследование, где исторический процесс рассматривается как игра случайностей, Михайловский видел в этих произведениях Маркса изучение закономерностей капиталистического общества, хотя Михайловский также не понимал и не разделял основных идей Маркса.

Более резкую отповедь Жуковскому дал

¹ См. Зибер Н. Давид Рикардо и Карл Маркс, стр. 233.

² См. там же, стр. 230.

³ См. там же, стр. 212.

⁴ Зибер Н. Немецкие экономисты сквозь очки г. Б. Чичерина. Соч. Т. II, стр. 618.

⁵ Зибер Н. Карл Родбертус-Ягцов. Соч. Т. II, стр. 532.

⁶ «Вестник Европы». Т. 5 за 1877 г., стр. 70.

⁷ К. Маркс. К критике политической экономии, стр. 7. Госполитиздат. 1939.

⁸ «Вестник Европы». Т. 5 за 1877 г., стр. 68.

⁹ «Отечественные записки» за октябрь 1877 г., стр. 336.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, стр. 339.

Зибера. «Мы остаёмся при том убеждении, — заявлял Зибера, — что исследование задачи материальной всюду предшествует у Маркса формальной стороне его работы... Маркс шаг за шагом ведёт своих читателей по лабиринту капиталистического производства и, анализируя все составные его элементы, даёт нам понять временный его характер... Не подлежит сомнению, что у отдельных личностей и групп рождаются во множестве идеи неосуществимые, фальшивые и неестественные. Но когда речь идёт о человечестве или, по меньшей мере, о всей Европе, тут просчитаться трудно, если не вовсе невозможно»¹.

Рецензии на «Капитал» К. Маркса, работы Н. И. Зиберы, полемика вокруг «Капитала» в России 70-х годов представляют собой важный этап в истории русской экономической мысли. В то время как на Западе работы Маркса замалчивались и официальная наука и публицистика не пытались даже понять того круга идей, который развил автор «Капитала», в России 70-х годов «К критике» и «Капитал» привлекли внимание крупнейших публицистов и учёных. Вокруг этих работ Маркса происходили дискуссионные турниры.

Под влиянием идей «К критике» и «Капитала» находились в России 80-х годов такие видные деятели университетской науки, как А. Чупров и И. Иванюков. Приведём их высказывания о книге Маркса «К критике политической экономии». В некрологе, посвящённом Марксу, Чупров характеризовал Маркса как одного из «наиболее крупных и видных представителей современной экономической науки»². Говоря, что имя Маркса и его труды «пользуются большой известностью в учёном мире» России, Чупров отмечал противоречивость суждений об экономическом учении Маркса. «Но уже самая ожесточённость нападок и восторженность отзывов доказывают, что речь идёт о личности выдающейся, характере крупном, об учёном, которые встречаются не часто»³.

Чупров писал, что книга Маркса «К критике политической экономии» представляет собой «развитие того учения о ценности, которое легло краеугольным камнем в здании экономической теории Маркса». Кроме того, по мнению Чупрова, это произведение Маркса представляет собой «довольно подробное изложение истории теории денег и довольно обстоятельное изложение самого

учения о деньгах». В этом же произведении, утверждал Чупров, дано «главное теоретическое обоснование для практической пропаганды Ф. Лассаля»⁴. Чупров говорил, что «Капитал» Маркса — «самое капитальное из его произведений... давшее научную основу социализму»⁵.

Чупров отмечал особенности не только воззрений Маркса, но и его «методологических приёмов». «Маркс, — писал Чупров, — рассматривает все экономические явления как преходящие, чем и отличается от представителей классической политической экономии, которые существующие экономические отношения считали вечными и неизменными и применяли положения, касающиеся современного европейского экономического строя, к быту диких народов. Задача экономической науки, по учению К. Маркса, состоит в том, чтобы изучить преемственность явлений и найти законы, управляющие экономическими отношениями каждой данной стадии развития»⁶.

Но если, продолжал Чупров, представление о преемственности явлений сложилось у Маркса под влиянием философии Гегеля, то «представление о самых законах, управляющих движением общественных отношений, есть самостоятельный продукт К. Маркса. Он поставил своей задачей изобразить историческое происхождение современного способа производства, который именует капиталистическим, и изложить законы, им управляющие»⁷.

Чупров объявлял Маркса «крайним врагом учений, видящих в насилии единственное средство изменения экономических отношений»⁸. Он рисовал Маркса как эволюциониста. По Марксу, писал Чупров, переход к социализму должен совершиться в силу «развития внутренних отношений самого капиталистического производства», а это, мол, исключает насилие. Революционное учение Маркса о неизбежной гибели капитализма превращается в интерпретации Чупрова в мирный процесс, без революционного скачка; спокойный ход истории приведёт, по мнению Чупрова, в тихую гавань нового социального строя, где средства производства перейдут в руки общества.

Некролог Чупрова — это оценка экономического учения Маркса, данная видным либеральным буржуазным экономистом, публицистом. Чупров — типичный эклектик, примыкавший в основном к историко-этической школе. Ленин подвергал резкой критике аграрные работы Чупрова за их реакционность, прикрытую либеральными фразами.

Под большим влиянием идей Маркса, изложенных в «К критике» и «Капитале», находился проф. И. Иванюков, видный либе-

¹ «Отечественные записки» за ноябрь 1877 г., стр. 6—7.

² «Юридический вестник» № 4 за апрель 1883 г., стр. 715. Некролог, помещённый в «Юридическом вестнике», в основном совпадает с сообщением, сделанным А. Чупровым в статистическом отделении Московского юридического общества. См. «А. Бертульон и К. Маркс», сообщение, сделанное А. Чупровым 16 марта на заседании статистического отделения Московского юридического общества. «Русские ведомости» № 81 от 23 марта 1883 года.

³ «Юридический вестник» № 4 за апрель 1883 г., стр. 715.

⁴ Там же, стр. 716.

⁵ Там же, стр. 716—717.

⁶ Там же, стр. 717.

⁷ Там же.

⁸ Там же, стр. 719. В таком же духе изображал Чупров учение Маркса о гибели капитализма в своих публичных лекциях, которые он читал в 1889—1890 гг., и в университетских лекциях 1891 года. См. Чупров А. История политической экономии. Лекции, стр. 213—214. М. 1892.

ральный экономист России 80-х годов. В своей основной работе «Политическая экономия как учение о процессе развития экономических явлений» Иванюков писал: «Одновременно с разработкой немецкими экономистами исторического материала явились замечательные труды Карла Маркса, из коих важнейшие: «Zur Kritik der politischen Oekonomie» (1859), «Das Kapital» (1867)»¹. В работе Иванюкова мы встречаем как общую оценку Маркса, так и интерпретацию ряда теоретико-экономических проблем, освещённых в «К критике» и «Капитале». Иванюков разделял взгляды Маркса на экономическую структуру общества. Он писал: «Экономическая структура данного общества составляет всегда базис, который мы должны изучить, чтобы понять надстройки социального здания в виде учреждений юридических, политических и различные философские, нравственные и другие воззрения. А отсюда само собой следует, что если мы хотим найти коренные причины той или другой социальной метаморфозы, их надо отыскивать не в умах людей, а в совершившихся изменениях в области производства и обмена,— словом, не в философии, а в экономике изучаемой эпохи. Метаморфозы в экономических отношениях предшествуют изменениям идей, а не наоборот. С целью обосновать эту мысль Маркс рассматривает причины, разложившие средневековый быт и создавшие современный социальный строй Западной Европы. И нельзя не согласиться, что, по крайней мере, на европейской истории последних пяти столетий положение об экономике как основном факторе развития вполне оправдывается»².

Считая себя сторонником материалистического понимания истории, Иванюков, однако, подвергал воззрения Маркса такой своеобразной «обработке», что они становились вполне созвучными идеям катедер-социализма. Переходя к более конкретному анализу метода Маркса, Иванюков характеризовал его как метод исторической школы, посредством которого Маркс исследует статику и динамику капитализма. Несуразность отождествления метода Маркса с методом исторической школы была настолько очевидна, что даже буржуазный экономист М. Герценштейн был вынужден выразить своё недоумение по этому поводу. Он писал: «Когда же г. Иванюков говорит нам о Марксе, что он «примыкал в методологическом отношении к исторической школе», то мы на это можем смотреть только как на случайную ошибку или недосмотр автора»³.

Отожествив метод Маркса с методом исторической школы, Иванюков соответствующим образом комментировал также марксовский анализ тенденций капиталистического развития.

Оказывается, стоит только «противодействовать» концентрации средств производства и способствовать развитию «ассоциированных форм», и прогноз Маркса о гибели ка-

питализма не будет осуществлён — капитализм останется жив-живехонек. Стоит только, по Иванюкову, «противодействовать» законам развития капитализма, установленным Марксом, мерами «социальной политики» — и теория Маркса не претворится в практику. Объявив себя сторонником идей, изложенных Марксом в «К критике» и «Капитале», и сторонником материалистического понимания истории, Иванюков на деле превратил Маркса в представителя катедер-социализма, в теоретика буржуазного реформизма.

В связи с переводом книги Маркса «К критике политической экономии» на русский язык в 90-х годах появилось несколько отзывов об этой работе. А. А. Мануилов в предисловии к русскому переводу, выполненному под его редакцией, рассматривал Маркса как непосредственного продолжателя идей А. Смита и Д. Рикардо.

А. Мануилов писал, что первая глава «К критике», посвящённая проблеме товара, «заключает изложение этого предмета, замечательное своей сжатостью, определённой суждений и логической силой»⁴. Мануилов дал следующую общую оценку «К критике»: «Zur Kritik der politischen Oekonomie» — блестящая монография, имеющая первостепенное научное значение для истории политической экономии и для её теории. Обширная эрудиция, превосходное знакомство с экономической литературой не только нового, но и старого времени, глубокое понимание экономической жизни современного общества, тонкий диалектический ум, подготовленный философскими понятиями, и сильный язык — вот те качества автора, которые в высокой степени обнаружались в настоящем сочинении. Строгое разграничение понятий и глубина мысли, свойственные вообще научным произведениям Маркса, и в том числе настоящему, особенно ценны ввиду современного упадка теоретических исследований в области политической экономии, явившегося отрицательным результатом так называемой историко-этической школы»⁵.

Отдавая дань Марксу как крупному экономисту-теоретику, А. Мануилов в то же время интерпретировал социологические воззрения Маркса в духе «экономического материализма». О предисловии Маркса к «К критике» Мануилов писал: «Автор формулирует в нём свои общие взгляды на роль экономических факторов в социальной жизни и её историческом развитии»⁶.

Таким образом, марксову революционную теорию исторического процесса, включающую «алгебру» социальных революций вообще, пролетарской революции в частности, Мануилов сводил к роли «экономических факторов» в общественной жизни. Перед нами типичная для многих буржуазных пуб-

¹ Иванюков И. Политическая экономия как учение о процессе развития экономических явлений, стр. 41. СПб. 1885.

² Там же, стр. 42.

³ «Русская мысль», кн. V, стр. 61. М. 1885.

⁴ Мануилов А. Предисловие к русскому переводу Карла Маркса «Критика некоторых положений политической экономии», стр. V—VI. М. 1896

⁵ Там же, стр. VI.

⁶ Там же, стр. VII.

лицистов и экономистов трактовка марксизма, игнорирующая его революционную сущность. Не лишено интереса также следующее высказывание Мануилова: «С выходом третьего тома «Капитала» явилась необходимость пересмотреть учение Маркса и подвести итоги его исследованиям. Для успешного выполнения этой работы ознакомление с «Zur Kritik», как с сочинением, в котором основа всей системы Маркса — его учение о ценности — получила блестящую формулировку, весьма существенно»¹.

Отзыв Мануилова о книге Маркса «К критике» типичен для либеральных кругов России 90-х годов, воспринявших марксизм в духе критики марксизма западноевропейским ревизионизмом.

Русскому переводу «К критике» посвятил специальную статью и «легальный марксист» П. Б. Струве. Он видел научную заслугу Маркса в том, что Маркс дал в «К критике» «глубокое, чисто философское, в лучшем смысле этого слова, построение»² основных начал политической экономии, что он в «К критике» «окончательно разрушил в этой науке (т. е. в политической экономии.—А. Р.) господство здравого смысла»³.

«Историческую философию», которую Маркс выдвинул в «К критике», Струве интерпретировал как применение эволюционной точки зрения к общественным явлениям. Он писал: «Относительную изменчивость и неустойчивость всего человеческого признавал всегда и «здравый смысл», но он никогда сознательно не смотрел на людскую жизнь с этой эволюционной точки зрения. Вечная (конечно, тоже относительно) зависимость человека от природы, которая выражается в необходимости трудиться для того, чтобы существовать,— и перед глазами исследователей заслоняла историческую изменчивость отношений между людьми»⁴. Таким образом, Маркс в глазах Струве был представителем эволюционного направления. Эта оценка была типична для представителей «легального марксизма».

Переходя к оценке того нового, что внёс Маркс в экономическую науку, Струве видел разницу между экономическим учением Маркса и классической школой в том, что последней было чуждо понимание овеществления общественных отношений, которое Маркс вскрыл в своей теории товарного фетишизма.

«Учение об экономических категориях,— писал П. Струве,— как об исторически определённых общественных отношениях людей в процессе производства, есть самое существенное из того нового и самостоятельного, что дал экономической теории автор «Критики», — оно ключ ко всем его теоретическим построениям»⁵. Ставя в заслугу Марксу исторический подход к экономическим категориям, Струве, однако, историзм Маркса трактовал вульгарно, в духе буржуазного эволюционизма. Буржуазный пуб-

лицист Пётр Струве, этот маститый представитель «легального марксизма», в 90-х годах выступивший под маской сторожника Маркса, естественно, не мог дать такую характеристику метода Маркса, которая включала бы идею неизбежности гибели капитализма, ибо, как писал Маркс, если понята связь вещей, то рухнет всякая теоретическая вера в постоянную необходимость существующих производственных отношений, рухнет ранее того, чем они погибают на практике.

К «К критике политической экономии» Маркса неоднократно обращался в своих работах и Плеханов, сыгравший большую роль в пропаганде марксизма в России. В письме к Энгельсу от 30 октября 1894 г. Плеханов писал: «Я считаю задачей всей моей жизни пропаганду ваших и Маркса идей»⁶. Известен отзыв Энгельса о книге Плеханова «Наши разногласия»: В письме к В. Засулич Энгельс писал: «Я горжусь тем, что среди русской молодёжи существует партия, которая искренне и без оговорок приняла великие экономические и исторические теории Маркса и решительно порвала с анархическими и несколько славянофильскими традициями своих предшественников. Сам Маркс был бы так же горд этим, если бы прожил немного дольше. Это прогресс, который будет иметь огромное значение для развития революционного движения в России»⁷.

О выдающемся международном значении философских работ Плеханова Ленин в 1914 г. писал: «Его личные заслуги громадны в прошлом. За 20 лет, 1883—1903, он дал массу превосходных сочинений, особенно против оппортунистов, махистов, народников»⁸. Перед X съездом партии, во время профсоюзной дискуссии, Ленин писал: «Нельзя стать сознательным, настоящим коммунистом без того, чтобы изучать — именно изучать — всё, написанное Плехановым по философии, ибо это лучшее во всей международной литературе марксизма»⁹. Плеханов был великим патриотом, он верил в творческие силы русского народа, он гордился его борьбой за торжество свободы в России. «Как русский,— писал Плеханов в 1901 г.,— я горжусь возможностью засвидетельствовать перед цивилизованным миром, что жестокий деспотизм, тяготеющий над нашим народом уже целые столетия, не смог омертвить его, что он пробуждается к новой жизни и становится всё более и более достойным той свободы, в которой ему отказывали, в которой ему всё ещё отказывают с таким упорством и которую он сумеет вырвать, чего бы это ему ни стоило. Как социалист, я не меньше горжусь возможностью с глубоким убеждением заявить, что главную часть нашей револю-

¹ Мануилов А. Указ. соч., стр. VI.

² «Мир божий» за декабрь 1896 г., стр. 106.

³ Там же, стр. 107.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 112.

⁶ «Литературное наследие Г. В. Плеханова». Сборник VIII. Ч. 1-я, стр. 266. М. 1940.

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVII, стр. 461—462.

⁸ Ленин. Соч. Т. XVII, стр. 415—416.

⁹ Ленин. Соч. Т. XXVI, стр. 135.

двойной армии уже и сейчас составляет рабочий класс»¹.

Несмотря на ошибки Плеханова как теоретика и политического деятеля Ленин считал его крупнейшим деятелем нашей родины. Накануне первой мировой войны Ленин писал: «Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре. Есть великорусская культура Пуришкевичей, Гучковых и Струве,— но есть также великорусская культура, характеризующаяся именами Чернышевского и Плеханова»².

Плеханов писал, что Маркс и Энгельс ещё в своих ранних работах прекрасно формулировали и ясно изложили черты нового понимания истории. «Но его систематическое, хотя и краткое, изложение мы находим в книге Маркса «К критике политической экономии»³. Эту же мысль Плеханов отстаивал и в своей полемике с Н. Михайловским. На утверждение Михайловского, что Маркс в шестой главе «Капитала» под рубрикой «Так называемое первоначальное накопление» дал целую философско-историческую теорию, Плеханов отвечал: «Это, повторяем, совсем пустяки: историческая философия Маркса изложила в непонятном г. Михайловским предисловии к «Zur Kritik der politischen Oekonomie» в виде «нескольких обобщающих, теснейшим образом связанных между собой идей»⁴. На утверждение Михайловского, что самые основы «экономического материализма» до сих пор остаются между собой несвязанными и фактически непроверенными, Плеханов отвечал: «Что самые основания теории экономического материализма остаются не связанными между собою,— это голая неправда. Стоит только прочесть предисловие к «Zur Kritik der politischen Oekonomie», чтобы видеть, до какой степени стройно и тесно связаны они между собою. Что эти положения не проверены,— это тоже неверно: они проверены с помощью анализа общественных явлений и в книге «18-ое Брюмера», и в «Капитале»⁵. Материалистическое понимание истории Плеханов рассматривал как одно из величайших открытий современной эпохи, ибо только благодаря

этому открытию общественная наука получила прочную основу. Переворот, произведённый Марксом в социальной науке, Плеханов сравнивал с переворотом, произведённым Коперником в астрономии. Если до Маркса социальная наука исходила из «человеческой природы», то Маркс стал на прямо противоположную точку зрения, — что «человеческая природа видоизменяется под влиянием исторического движения»⁶.

Плеханов неоднократно отмечал тесную связь экономических взглядов Маркса с его взглядами на ход исторического процесса. Плеханов подчёркивал: не подлежит ни малейшему сомнению то обстоятельство, что экономические взгляды Маркса «представляют собой лишь необходимую составную часть учения, называемого историческим материализмом»⁷. «Чтобы хорошо понять «Капитал»,— писал Плеханов,— безусловно необходимо сначала хорошо вдуматься в знаменитое предисловие к «Zur Kritik der politischen Oekonomie»⁸. В своей знаменитой статье «К шестидесятой годовщине смерти Гегеля» Плеханов сопоставлял Гегеля с Сэем. Гегель рассматривал противопоставление истины заблуждению как одну из нелепостей «рассудочного» мышления. Сэй же считал бесполезным изучение истории политической экономии, потому что до Адама Смита вся экономическая наука выдвигала ошибочные теории. «И если, возвращаясь к истории политической экономии,— продолжал Плеханов,— мы спросим себя, с какой точки зрения мы должны смотреть на неё в настоящее время, то немедленно увидим, насколько мы ближе к Гегелю, чем к Ж.-Б. Сэю. Вот, например, с точки зрения Сэя,— т. е. с точки зрения абстрактной противоположности между истиной и заблуждением,— меркантильная система, или даже система физиократов, должна была представляться, и действительно представлялась, не более как случайно попавшему в человеческие головы нелепостью. Но мы знаем теперь, до какой степени каждая из названных систем являлась необходимым продуктом своего времени»⁹. И в подтверждение своей точки зрения Плеханов приводил высказывания Маркса в «К критике» об исторической обусловленности взглядов представителей монетарной и меркантильной систем на всемирную торговлю как на единственные источники богатства или денег¹⁰. Таким образом, мы видим, что для обоснования вопросов философско-исторического характера Плеханов постоянно обращался к замечательной книге Маркса «К критике политической экономии».

Плеханов ссылаясь на эту работу Маркса и в своих экономических работах. В работе, посвящённой Чернышевскому, в главе «Стоимость», Плеханов, прежде чем приступить к разбору взглядов Чернышевского, останавливался на теории стоимости Рикардо

¹ «Литературное наследие Г. В. Плеханова». Сборник II, стр. 57. Соцэкгиз. М. 1934.

² Ленин. Соч. Т. XVII, стр. 143.

³ Плеханов Г. Соч. Т. VIII, стр. 145—146.

⁴ Плеханов Г. Соч. Т. VII, примечание к стр. 260.

⁵ Плеханов Г. Соч. Т. VII, стр. 230. Употребляя термин «экономический материализм», Плеханов здесь, по существу, передавал слова Михайловского. «Выражение «экономический материализм»,— писал Плеханов,— крайне неудачно. Маркс никогда не называл себя «экономическим материалистом» (Плеханов Г. Соч. Т. VII, примечание к стр. 245). В своей полемике с народниками Ленин по этому вопросу писал: «Но где читали Вы у Маркса или Энгельса, чтобы они говорили непременно об экономическом материализме? Характеризуя своё мирозерцание, они называли его просто материализмом» (Ленин. Соч. Т. I, стр. 70).

⁶ Плеханов Г. Соч. Т. IV, стр. 179.

⁷ Плеханов Г. Соч. Т. XVIII, стр. 239.

⁸ Там же, стр. 238—239.

⁹ Плеханов Г. Соч. Т. VII, стр. 31.

¹⁰ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XII. Ч. 1-я, стр. 141.

и Смита. Он писал: «Рикардо решительнее и определённое всех других высказал ту мысль, что величина меновой стоимости предмета определяется количеством труда, нужного на его производство. Приближался к этой мысли и Адам Смит, но его сбило с толку распределение продуктов в современном обществе. Он думал, что в первобытном обществе (in early and rude state of society) меновая стоимость продуктов определялась единственно количеством труда, затраченного на их производство, а с тех пор, как явились капиталисты и лендлорды, дело происходит иначе»¹. Для доказательства этой мысли Плеханов ссылался на книгу «К критике», в которой Маркс писал: «Адам определяет стоимость товара содержащимся в нём рабочим временем, однако он относит действительность этого определения стоимости к до-адамовым временам»². Плеханов ссылался на книгу «К критике» и в своём разборе теории денег Чернышевского. Он показывал, что Чернышевский разделял господствовавшее среди буржуазных экономистов мнение, по которому цены товаров определяются количеством денег, обращающихся в стране. По Плеханову, в действительности как раз получается наоборот: количество денег, находящихся в обращении, определяется ценами товаров. Для подтверждения своих доводов Плеханов ссылался на высказывания Маркса в «К критике».

Плеханов, будучи сам блестящим стилистом, для популяризации того или иного теоретического положения иногда обращался к художественным образам, встречающимся в «К критике». Так например в своей работе о Чернышевском Плеханов, говоря о метаморфозах капитала, который в каждой фазе своего превращения остаётся таким же капиталом, каким был во всех предыдущих, привёл следующую выдержку из книги «К критике»: «Том сочинений Проперция и 8 унций нюхательного табаку могут быть одинаковой меновой стоимостью, независимо от различия потребительных стоимостей табака и элегий»³.

Итак, Плеханов широко привлекал работу Маркса «К критике» как в своих историко-философских, так и в экономических работах.

В заключение отметим высокую оценку, которую дал знаменитый русский естествоиспытатель К. А. Тимирязев книге «К критике». Отмечая, что появление в 1859 г. «Происхождения видов» Дарвина и «К критике политической экономии» Маркса знаменовало собой переворот в естествознании и общественных науках, Тимирязев писал: «В чём же заключалась общая сходственная черта этих двух революций, одновременно проявившихся в 1859 году? Прежде всего в том, чтобы всю совокупность явлений, касающихся в первом случае всего органического мира, а во втором — социальной жизни человека, и которые теология и метафизика считали своим исключительным делом, изъять из их ведения и найти для всех этих явлений объяснение, заключающееся «в их материальных условиях, констатируемых с точностью естественных наук»⁴.

Отклики на книгу Маркса «К критике политической экономии» в нашей стране за период 1860—1900 гг. свидетельствуют о её широком распространении в различных кругах русской общественной мысли. «Заговором молчания» встретили на Западе не только «Капитал» Маркса, но и его книгу «К критике политической экономии». Н. Зибер по этому поводу писал: «К стыду современной политической экономии в течение целой четверти столетия со времени появления этой работы («Zur Kritik etc.», 1859) не проявлялось в печати ни одной серьёзной попытки взвесить её достоинства, хотя в то же время чуть не ежедневно продолжали высказываться самые нелепые взгляды на этот предмет»⁵ (т. е. по вопросу о деньгах.—А. Р.).

В отличие от Запада русская наука и публицистика проявляли большой интерес к «К критике». Представители различных течений русской общественной мысли комментировали идеи Маркса, изложенные в книге «К критике политической экономии», исходя из своих социально-политических воззрений. Более того: русская наука выдвинула в то время таких замечательных пропагандистов идей «К критике», как Зибер и Плеханов. В нашу эпоху идеи «К критике» получили дальнейшее развитие в работах Ленина и Сталина.

¹ Плеханов Г. Соч. Т. VI, стр. 81—82.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XII. Ч. 1-я, стр. 46.

³ См. Плеханов Г. Соч. Т. VI, стр. 111.

⁴ Тимирязев К. Наука и демократия, стр. 467. Гиз. М. 1920.

⁵ Зибер Н. Давид Рикардо и Карл Маркс, стр. 214.

К ВОПРОСУ О ТЕОРИИ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА В КОНЦЕ XV И В XVI в.

Д. Лихачёв

С конца XV в. Русское государство стало лицом к лицу с Литвой, Польшей, Ливонией, Швецией, Турцией, Ираном. Москва стремилась завязать непосредственные отношения со всеми европейскими странами: Германией, Австрией, Венгрией, Венецией, Римом, Данией. Русское правительство искало в Западной Европе союзников, оно заимствовало отсюда технические знания, вызывало архитекторов, ремесленников, горноделов, оружейных мастеров. Непосредственные отношения с Западной Европой порождали в Новгороде и Москве движение «жидовствующих», переносивших на Русь некоторые идеи Возрождения и начатки научных западноевропейских знаний (астрология, логика и др.).

Но не только Россия была заинтересована в конце XV и в XVI в. в деятельных сношениях с европейскими странами. Западноевропейские государства также стремились к союзу с могущественной и ещё мало знакомой страной на востоке Европы.

Военные успехи Турции во второй половине XV в. вызывали ужас и смятение среди европейских народов. В 1453 г. после двухмесячной ожесточённой осады пал Константинополь. В 1459 г. — Сербия была завоёвана и обращена в турецкий пашалык. В 1460 г. турки завоевали Афинское герцогство и вслед за ним всю Грецию. В 1462 г. они захватили Лесбос и Валахию, в 1463 г. — Боснию, в 1467 г. — Албанию, а затем Герцеговину. В 1476 г. турки опустошили Молдавию, а в 1479 г. заключили победоносный мир с Венецией и Неаполем.

Расцвет турецкого могущества на Востоке совпал с ростом силы и международного престижа молодого Русского государства. Иван III завязывал деятельные сношения с западноевропейскими государствами. Западные европейские государства всячески стремились вселить Ивану III мысль о владычестве на Востоке, столкнуть Москву с Турцией и тем самым сделать молодое Русское государство послушным орудием своей политики. Одно из первых мест в сношениях Западной Европы с Москвой принадлежало папе. Маня и дразня Ивана III византийским наследством, римская курия стремилась вовлечь Москву в общеевропейский союз для борьбы с исламом. Именно с этой целью и был задуман в Риме брак Ивана III с Софьей Палеолог, племянницей последнего византийского императора Константина VIII. В пути византийскую принцессу сопровож-

дал легат папы. В Риме надеялись приобрести в лице супруга царицы не только нового союзника против Турции, но и, возможно, нового члена католической церкви. Вскоре после брака Ивана III и Софьи Палеолог сениория Венеции, всегда точная и осторожная в своих решениях, писала Ивану III, что Византия «за прекращением императорского рода в мужском колоне должна принадлежать вашему высочеству в силу вашего благополучнейшего брака»¹.

Но Иван III не был склонен к войне с турками ради интересов западноевропейских государств. Не византийское наследство, а необходимость охраны южных границ Русского государства и, в частности, борьба Русского государства с вассалами Турции — крымскими ханами — служили неоднократно поводом для столкновений между Москвой и Константинополем и в XVI и в XVII веках.

Попытки соблазнить Москву константинопольским наследием и вовлечь Русское государство из-за него в войну с Турцией особенно усилились при Василии III. В 1519 г. магистр прусского Ордена сообщил Василию III через своего посла Дитриха Шонберга о том, что римский папа «наипаче и непобедимейшего царя всеа Русии хочет короновати в христианского царя»², с тем только, чтобы Василий III принял участие в антитурецком союзе. В ходе переговоров Шонберг говорил о союзе «противу христианского врага Турка, кой держит наследие царя всеа Русии»³. Однако московские бояре отвечали Шонбергу, что Василий «хочет вотчины своея земли Русские»⁴, и не приняли во внимание «отчину константинопольскую»⁵, на которую указывал им Шонберг. Ни Иван III, ни Василий III, ни Иван IV не были склонны к войне с Турцией ради константинопольского наследства. Властители За-

¹ Успенский Ф., проф. Брак царя Ивана III. «Исторический вестник» № 12 за 1887 г., стр. 689; ср. также Пирлинг О. Россия и Восток, стр. 103, 166. СПб. 1892.

² Сборник Русского исторического общества (РИО). Т. 53, стр. 86. 1887.

³ Там же, стр. 91.

⁴ Там же, стр. 92.

⁵ Там же, стр. 86.

пада напрасно обольщали себя надеждой организовать совместно с Москвой крестовый поход против ислама. В Москве иначе смотрели на константинопольское наследие и нисколько не заботились о земельных приобретениях в Турции. Несмотря на всё своё ревнивое отношение к признанию своего царского титула на Западе Грозный не дал согласия императорскому посольству в 1576 г. на предложение «цесарства греческого» и титула «восточного цесаря» (царя Востока).

Идею «греческого наследия» ваушали русскому правительству не только западные державы. Греки, часто приезжавшие на Русь после падения Константинополя, и греческие церковные власти проводили в своих домогательствах ту же «греческую идею», суть которой заключалась в том, что с гибелью императорской власти в Византии единственным защитником православия и греков является московский великий князь, к которому и должны перейти все права и обязанности императора второго Рима — Византии. Греки — турецкие послы — всячески стремились мешать мирным отношениям Русского государства с Турцией; так было при султанах Селиме и Сулеймане Великолепном. Особенно известен был своей изменнической по отношению к Турции политикой турецкий посол, по происхождению грек, — Скиндер. Русские требовали смены Скиндера, но греческая партия в Турции была сильна, и Скиндер оставался на своём посту. Он сыграл большую роль в провале идеи союза с Турцией, что подтвердилось после его отъезда из Москвы в 1529 году.

Максим Грек систематически проводил идею освобождения Греции с помощью военной силы Русского государства, мотивируя её тем, что «бог грекам от отеческих престол наследника покажет»¹, т. е. той же мыслью о правах московских князей на константинопольское наследство.

Эта идея не чужда была и известной части русского монашества, издавна воспитанного в политических представлениях византизма. Именно в этой среде, близкой к грекам, зрела с конца XV в. мистическая теория движущегося Рима. Суть этой теории сводилась к следующему: в мире существует только одно христианское, богоизбранное государство, которое не может пасть до скончания века, — вечный Рим. Но Рим, по этой теории, — неподвижный Рим, связанный с определённой территорией. Первый Рим пал, уклонившись в нечестие, потеряв чистоту христианской религии; второй Рим — Византия, — примкнув в Флорентийской унии к первому, был завоёван турками. Отсюда родилась мысль, что вечный Рим живёт в каком-то новом государстве, оставшемся верным православию. И его искали то в Твери², то в Новгороде и наконец нашли в Москве, необычайно быстрый рост которой совпал по времени с гибелью Ви-

зантин. Естественно, что роль, которую играл в Византии император второго Рима как защитник церкви и глава всех христиан, с падением второго Рима переходила к главе третьего Рима — великому князю московскому. Эту теорию неоднократно ваушали Василию III представители церкви. Дважды её изложил в своих посланиях к Василию III старец Елеазарова монастыря Филофей. Соответственно обычному титулу византийских императоров «святой» Филофей называет Василия III³ «освящённая глава»⁴ и применяет к нему другие обычные титулы византийского императора: «браздодержатель святых божиих церквей», «святая православная христианская веры содержатель», и др.

Видя в Василии III главу всех ромеев (т. е. римлян), Филофей писал ему: «Едины ты во всей поднебесной христианом царь»⁵, а в другом послании: «Едины (есть.—Д. Л.) православный русский царь во всей поднебесной». Ещё резче идея всемирной власти великого князя московского выражена Максимом Греком (итальянцем по воспитанию и греком по происхождению). Василия III Максим Грек называл «благочестивейший царю не токмо Русии, но всея подсолнечныя»⁶.

Деятельные международные сношения Руси, рост национального самосознания в широких народных массах и, наконец, возникшая в отдельных кругах чёрного духовенства мистическая теория Москвы — третьего Рима — в значительной степени способствовали росту национально-политических идей Русского государства. Однако политическая теория Русского государства, выросшая в условиях новой международной расстановки сил, не шла на поводу ни у Западной Европы, ни у греков или псковского и новгородского чёрного духовенства. Те же внутренние причины, которые обусловили необычайный рост Русского государства в конце XV и в XVI в., вызвали рост национального самосознания и развитие политической теории Русского государства. Создавая свою теорию, московское правительство исходило из необходимости национального объединения Руси. Русское правительство деловитее, практичнее и ближе к национальным русским интересам решало проблемы, которые ставили и старец псковского Елеазарова монастыря Филофей и Максим Грек.

Несмотря на состоявшийся брак Ивана III с Софьей Палеолог надежды папской курии на то, что московские государи отныне будут считать себя наследниками византийских императоров, не оправдались. Московские государи ни разу не предъявляли своих прав на императорский титул, не-

³ По мнению некоторых исследователей, не Василия III, а Ивана IV.

⁴ М а л и н и н В. Старец Елеазарова монастыря Филофей, стр. 547. Киев. 1901.

⁵ Там же.

⁶ «Православный собеседник» за 1861 год. Ч. 2-я, стр. 297.

¹ Грек М. Соч. Слово VII. 1889.

² Л и х а ч ё в Н. Инока Фомы слово похвальное о князе Борисе Александровиче. СПб. 1906.

смотря на то что германский император Максимилиан I называл Василия III императором, и ни разу не обнаружили притязаний наследовать права Софьи Палеолог на Византию. Пересматривая многочисленные доказательства прав, которые предъявляли московские великие князья на царский титул, мы нигде не найдём ссылок на получение этих прав путём брака Ивана III с Софьей Палеолог. Обращаясь к восточным патриархам за утверждением царского титула, Иван IV говорил о своём родстве с византийскими императорами, но ни разу не упоминал о своей бабке — Софье Палеолог. Не упоминала о родстве московских великих князей с византийскими императорами через Софью Палеолог и официальная литература Москвы XVI в.: Никоновский летописный свод, Степенная книга, Сказание о великих князьях владимирских, повести о мономаховых регалиях и дипломатическая переписка Москвы.

В Москве склонны были видеть в Софье царственную сироту, нашедшую приют в могущественном государстве, а не могущественную наследницу державных прав империи. В Софийской II и Воскресенской летописях после описания похода Ивана III на Угру летописец поместил воззвание к потомкам хранить независимость своего отечества.

Это воззвание заканчивалось явным намёком на отца Софьи—Фому Палеолога — и на его сыновей, один из которых (Андрей) дважды безрезультатно приезжал на Русь торговать правами византийских императоров: «О храбрии, мужественни сынове Русьстии! потщитесь сохранити своё отечество, Русьскую землю, от поганых; не пощадите своих голов, да не узрят очи вашы пленения, и грабления святым церквем и домом вашим, и убиения чад ваших, и поругания женам и дочерем вашим. Якоже пострадаша инии великийи славнии земли от Турков, еже Болгаре глаголю и рекомии Греци, и Трапизонь, и Амория, и Арбанасы, и Хорваты, и Босна, и Манкуп, и Кафа и инии мнозии земли, иже не сташа мужественни, и погибоша и отечество своё изгубиша и землю и государство, и скитаются по чюжим странам бедни во истинну и странни, и много плача и слёз достойно, укоряеми и поношаеми и овлеаеми, яко не мужественни... Тако ми бога видех своим а очима грешныма великих государь, избегших от Турков со имением и скитающесе яко странни и смерти у бога просящих яко мздовъздающа от таковыа беды»¹. Ясно, что «избегшие от Турков» и «смерти у бога просящие» родственники византийских императоров не могли явиться основой величественной идеологии молодого Русского государства.

Точно так же и теория, изложенная Филофеем Василию III, резко отличалась от творческой политической теории, направленной меч великокняжеской власти. В противоположность наименованию московских

великих князей «единными государями во всей подсолнечной» официальная терминология точно и определённо называла их великими князьями (или царями) «всея Руси». «Блестящее марево всемирной власти», которое пытались открыть перед московскими государями в заманчивой дали сторонники теории Москвы — третьего Рима, — никогда не прельщало московское правительство, неуклонно стремившееся к близкой и конкретной цели—воссоединению «всея Руси»². Русские великие князья упорно настаивали на своих извечных правах на царство и не желали принимать свой царский авторитет от Византии, позорно утратившей независимость. Не по наследству, не по милости греков получили русские монархи царский титул. Русские князья — «изначала государи на своей земле». Эти идеи настойчиво проводились во всех официальных документах XV—XVI вв.: в Никоновской летописи, в Сказании о князьях владимирских, в дипломатической переписке, в посланиях, завещаниях, официальных речах и соборных постановлениях.

Не случайно Иван Грозный говорил Посевину: «Мы верим не в греков, а в Христа: мы получили христианскую веру при начале христианской церкви, когда Андрей, брат апостола Петра, пришёл в эти страны, чтобы пройти в Рим, таким образом мы на Москве приняли христианскую веру в то же самое время, как вы в Италии, и с тех пор доселе соблюдали её ненарушимою»³.

Официальная литература московского правительства осталась чужда теории третьего Рима, как осталась она чужда и идее византийского наследства через Софью Палеолог. Мечта о Москве — третьем Риме — никогда не была движущей силой московской дипломатии. Недаром Максим Грек упрекал русских

² Отличие теории Филофея от официальной идеологии московского правительства отмечал и В. Малинин. Он писал о Филофее: «У него с большею полнотой и определённоостью выступает теория мирового признания России как царства не только единственно православного, но и последнего, призванного существовать до конца вселенной. Отсюда в ином несколько обосновании выступает у него и теория царской власти» («Старец Елеазарова монастыря Филофей», стр. 616). Последующие исследователи грубо отождествили идеи Филофея с правительственной теорией, изложенной в Никоновском своде, Сказании о князьях владимирских и дипломатических документах

³ Suppl. ad Historica Russiae Monumenta, p. 102. Цитирую по Голубинскому у Е. История русской церкви. Т. I. Ч. 1-я, стр. 8. Предание о посещении апостола Андрея в XVI в. попадает в Степенную книгу (I, 95—97) и в другие исторические сочинения XVI в. Его особо отмечает С. Герберштейн («Записки о Московиях», стр. 44. 1-е изд.). Публицистическая мысль XVI в. всячески стремится доказать давнюю независимость Руси от второго Рима — Византии.

¹ Софийская II летопись под 1481 годом.

ских в том, что они только «своих си ищут, а не яже вышняяго»¹.

Особенно резко различия в воззрениях греков и русских на значение царской власти сказались на придворных обрядах. Русские великие князья не назывались «святыми», они не принимали участия в богослужении в качестве духовных лиц; они допускали, чтобы во время обряда венчания рядом с ними, как равный, сидел митрополит, а впоследствии патриарх. Между тем в Византии императору троекратно возглашалось «свят» во время обряда венчания; он занимал определённое место в богослужении как духовное лицо, благословлял народ и кадил в церкви. Он считался выше патриарха, стоявшего рядом с ним во время обряда венчания. В византийском обряде не было обмена речами между иерархом и монархом. Между тем в русском обряде венчания митрополит (а впоследствии патриарх) и государь обменивались речами, содержание которых знаменательно: после возглашения клиром многолетия венчанному государю митрополит (или патриарх) поучал царя «о полезных» — об обязанностях царя к богу, к церкви, к царской власти и к народу.

Настоящий толчок развитию теории Русского государства был дан изнутри — формированием русского национального государства, объединением русских земель и окончательным освобождением при Иване III от татаро-монгольской зависимости.

В течение XIV и XV вв. для многих русских людей освобождение от татарской зависимости и решительная борьба против татар были заветным желанием. В договорных грамотах и в княжеских завещаниях начиная с Дмитрия Донского постоянно оговаривалось: «а переменит бог орду» (или «а ци переменит бог татар»)». Летописи свидетельствуют, что когда Иван III колебался начать борьбу с Ахматом (1480), мать и дядя великого князя, митрополит и все бояре «молиша его великим молением, чтобы стоял крепко за православное христианство против бесерменству»².

Освобождение от татарской зависимости (1480) было грандиозным долгожданным событием, с которым связано развитие теории Русского государства. Сознание собственного достоинства, независимости от какой-либо земной власти и равноправия со всеми великими державами мира глубоко проникает в дипломатическую практику и политическую теорию русской монархии. Именно после освобождения от татар-

ской зависимости, а не после брака с Софьей Палеолог, Иван III начинает употреблять титул царя в международных отношениях с Любеком, Нарвой, Ревелем и магистром Ливонии³. Послу германского императора Николаю Поппелю, вторично явившемуся в Москву в 1489 г. с предложением королевского титула, Иван III велел ответить: «Мы божиею милостию государи на своей земле изначала, от первых своих прародителей, а поставление имеем от бога, как наши прародители, так и мы, а просим бога, чтобы нам дал бог и нашим детям и до века в том быти, как есмя ныне государи на своей земле, а поставления, как есмя наперед сего не хотели ни от кого, так и ныне не хотим»⁴. Перед иностранными властителями предстал государь, полный сознания достоинства и мощи своей страны. Именно после освобождения от татарской зависимости растёт пышность церемониала московского двора, появляются новые придворные должности⁵, новый посольский обряд. Увеличивается и забота Ивана III о том, чтобы русские послы не роняли достоинства Русского государства. Послы Ивана III — Плещеев, Голохвостов, Кутузов — держали себя при константинопольском дворе не по-азиатски, не становились на колени перед султаном, в то время как другие европейские послы вынуждены были преклонять колена перед султаном и подвергались оскорблениям и побоям. Ревниво оберегая честь молодого Русского государства, Иван III тщательно следил за равенством отношений с другими европейскими государствами и оказывал иноземным послам такой же приём, какой оказывали русским послам при дворах иноземных государей. Так создавался новый посольский обряд, основанный не на заимствованиях из Византии, а на дипломатической практике европейских государств.

Дипломатические отношения России с западноевропейскими государствами развивались в тесной связи с политической теорией Русского государства.

Московские дипломаты учитывали интерес Западной Европы эпохи Ренессанса к античности, сказавшийся не только в искусстве и литературе, но и в политике. Они создали теорию родства московских великих князей с императорами древнего Рима, которая подчёркивала древность и княжеского рода и управляемой им страны. Отсылая Юрия Грека послом к «цесарю», Иван III дал ему наказ: в случае если от «цесаря» последует предложение выдать дочь Ивана III за племянника «цесаря»,

¹ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными Т. I, стр. 46, 47, 59—61, 87, 96—98, 114. СПб. 1851.

² Там же, стр. 12.

³ В 1495 г. при дворе Ивана III появились новые чины: казначея, постельничего, ясельничего и с 1496 г. — конюшего. «Послужной список старинных бояр и дворецких, окольничих и некоторых других придворных чинов». Древняя Российская Вивлиофика. Т. XX, стр. 8. 1791. 2-е изд.

¹ Грек М. Соч. Слово VII. 1889.

² Собрание государственных грамот и договоров (СГГ и Д). Т. I, стр. 71, 73, 78, 81, 84, 87, 89, 92, 98, 101, 103, 108, 111, 114, 117, 120, 122, 125, 128, 131, 148, 161, 164, 167, 180, 184, 197, 201, 203, 229. М. 1813.

³ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). VI. 20 и 224; VII, 206; Никоновская летопись. VI. 112.

отвечать отказом, так как это не соответствует достоинству московского государя: «В всех землях то ведомо, а надемся, что и вам ведомо, что государь наш, великий государь, уроженый изначала от своих прародителей; а и наперед того от давних лет прародители его по изначальству были в приятельстве и любви с передними Римскими цари, которые Рим отдали папе, а сами царствовали в Византии»¹.

Историческая легитимация власти, desempenывавшая утвердить царское достоинство московских государей, была начата в весьма широких масштабах. При Иване III было предпринято создание официальной родословной московских великих князей. Эта родословная, оформленная в Сказание о князьях владимирских, начинается с рассказа о разделе земли между потомками Ноя, продолжается перечнем великих властителей, центральное место в котором занимают сведения об императоре Августе, а затем доказывается родство московских великих князей с императором Августом через его брата Пруса, которого Август посадил управлять на побережье Вислы. По имени этого Пруса земля на Висле стала называться «Прусской землей». Сюда пришли послы новгородцев по совету Гостомысла искать себе князя. Здесь они нашли Рюрика, «суща от рода римска цесаря Августа», положившего затем основу династии русских князей. Заканчивалось сказание рассказом о получении знаков царского достоинства Владимиром Всеволодовичем от Константина Мономаха. После победоносного похода Владимира Всеволодовича во Фракию Константин прислал ему дары — крест «от самого животворящего древа, на нем же распяты владыка Христос», «венец царский», «крабицу сердоликову, из нее же Август кесар веселяшеся», ожерелье, «иже на плещу свою ношаше», и др. «И с того времени, — сообщало сказание, — князь великий Владимир Всеволодович наречеся Мономах, царь великие России. И оттоле и донныне тем царским венцом венчаются великие князи владимирские, егда ставятся на великое княжение российское»².

В отличие от теории Москвы — третьего Рима, — не выходящей за пределы церковных кругов по преимуществу, фантастическая генеалогия русских князей и рассказ о происхождении царского достоинства великих князей от Владимира I и Владимира Мономаха имели широкое распространение в дипломатической практике XVI века. Успех этих идей развивался по мере того, как усложнялись иностранные сношения России, и по мере расширения дипломатических связей с иноземными государями, перед которыми московские великие князья никогда не хотели казаться худородными. Сведениями о

родстве великих князей и о венчании Владимира Мономаха полны все официальные памятники XVI в.: Четьи-Миней митрополита Макария, Степенная книга, Воскресенская летопись, Казанский летописец, Царственный летописец и т. д. Повесть о мономаховых регалиях была вырезана на дверцах царского места в Успенском соборе (1551). Генеалогия русских князей переводят на латинский язык, явно предназначая для распространения за границей. Ссылками на нее пекут дипломатические памятники XVI века.

Все эти официальные произведения XVI в. стремились подчеркнуть изначальность и Руси царской власти. С царским титулом русских государей связывались представления об их равноправности западноевропейским властителям, о равноправии Русского государства с державами мира. И это равноправие считалось исконным, а не перешедшим на Русь с падением второго Рима — Византии.

Были и особые причины, заставлявшие русское правительство с особенной настойчивостью относить принятие царского титула ко времени Владимира I и Владимира Мономаха. Значительная часть русских и украинских земель в XVI в. находилась под властью польско-литовского государства. Древнейшие русские города — Киев, Чернигов, Полоцк, Смоленск — были захвачены иноземными державами. Официальная правительственная теория Русского государства выросла в основном из потребностей окончательного объединения Русского государства — освобождения земель, принадлежавших «прародителям» московских государей: Владимиру I и Владимиру Мономаху. Согласно официальной правительственной теории XVI в., московские великие князья были наследниками киевских, а Москва — наследницей Киева, «вторым Киевом». Под знаком борьбы за киевское наследство проходят дипломатические отношения Русского государства с польско-литовским: «Киев и Полтеск, и Витепск и Волинская земля» рассматривались как «наши вотчины прародительские»³. Пропагандируя свои права на наследство Владимира Мономаха, московские великие князья требовали тем самым признания себя боговенчанными монархами «всея Руси», а следовательно, и тех русских и украинских земель, которые находились под властью польско-литовского королевства. Этим объясняются настойчивость, с которой московская дипломатия добивалась признания русской правительственной теории, и упорство польско-литовского государства, не желавшего признать право московских великих князей на царский титул.

Как видно из грамоты Сикста IV, написанной в 1484 г. польскому королю, в Польше серьезно опасались, чтобы папа не дал Ивану III титула императора или короля «всея Русии» («Imperialem sive regalem dignitatem in tota Ruthenica natione»), что

³ Сборник РИО Т. 59, стр. 575. СПб. 1887.

¹ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. I, стр. 17.

² Жданов И. Русский былевой эпос. Исследования и материалы. Т. I—V. СПб. 1895.

явилось бы санкцией на соби́рание московским государем русских земель¹. В грамоте 1493 г. к литовскому великому князю Александру Иван III впервые в своих сношениях с Литвой назвал себя государем «всёя Руси» и велел своему послу Дмитрию Загряжскому титуловать себя так во всех речах к литовскому князю. В случае вопроса, почему Иван III титулуется себя государем «всёя Руси», в то время как ни он, ни кто-либо из его предков не именовали себя так в сношениях с Литвой, Загряжскому наказано «молвити так: Государь мой со мною так приказал, а хто хочет то ведати, и он поедь на Москву, там ему про то скажут»².

Во второй половине XVI в. московское правительство особенно настойчиво подчёркивало свои права на киевское наследство и московским послам не приходилось более зазывать к себе в Москву иностранных дипломатов для объяснения по этому поводу. Отправляя в 1549 г. послов в Литву для присутствия при обряде крестного целования короля на перемирных грамотах, Иван Грозный наказал им передать королю: «Милостию бога вседержителя и родитель наших благословением, на свои государства царем есмь венчался прежде бывшим венчанием прародителя нашего царя и великого князя Владимира Мананаха. ...Мы то свое венчание взяли от прародитель своих, а не иным обычаем»³.

В 1550 г., отправляя к королю посла Якова Остафьева, Иван IV дал ему подробный наказ. На вопрос короля о титуловании Остафьев должен был отвечать: «Наш государь учинился на царстве по прежнему обычаю: как прародитель его, великий князь Владимир Мананах венчан на царство Русское, коли ходил ратью на царя греческого Костянтина Мананаха, и царь Костянтин Мананах тогда прародителю государя нашего, великому князю Володимеру, добил челом и прислал к нему дары, венец царьский и дядиму, с митрополитом ефесским кир Неофитом, и иные дары многие царьские прислал, и на царство митрополит Неофит венчал, и от (того.— Д. Л.) времени именован царь и великий князь Владимир Мананах; и государя нашего ныне венчал на царство Русское тем же венцом отец его Макарей митрополит, занже ныне землёю Русскою владеет государь наш один»⁴.

В 1554 г. в наказе послам боярину Василию Юрьевичу, казначею Фёдору Сукину и дьяку Ивану Бухарину снова было предложено добиваться признания царского титула и подробно обосновать эти требования, ссылаясь на повесть о мономаховых регалиях. В 1554 г., отправляя посла к королю с извещением о завоевании астраханского царства, Иван IV наказал ему напомнить королю, что мир между ними возможен только в случае

признания его царского титула⁵. Снова было наказано послу говорить, что предок царя, Владимир Мономах, венчался на царство и что и царь Иван IV венчался, следуя его примеру. Теория царского титула ещё раз выступает в переговорах 1555 года⁶, затем в переговорах 1556 г.⁷ и т. д. Не было таких переговоров с польско-литовским государством, во время которых не возникал бы вопрос о царском титуловании и русские не ссылались бы на родство своих государей с Августом кесарем и на царское венчание Владимира Мономаха. Споры по этому вопросу продолжались при Фёдоре Иоанновиче, Борисе Годунове, Василии Шуйском, Михаиле Фёдоровиче.

В течение двух столетий московские князья во внешней политике Русского государства отстаивали свои права на киевское наследство, что способствовало воссоединению русских земель и отвечало жизненным потребностям русского народа. Это была историческая легитимация объединительной политики Русского государства.

Замечательно, что теория киевского наследия выросла на почве идеализации Киева периода до монгольского ига, идеализации, которая была глубоко народна. Возведение царского титулования ко Владимиру I и Владимиру Мономаху совпадало с эпической идеализацией Владимира «Красное Солнышко» в русском былевом эпосе. Идея киевского наследия соответствовала воспеванию Киева в былинах как колыбели русского, украинского и белорусского народов.

Повесть о мономаховых регалиях, как это установлено в литературоведении⁸, пронизана фольклорными сказаниями. Легенда о дарах византийского императора Владимиру Мономаху была известна на Руси уже в XIII в.; в «Слове о погибели Рускыя земли» — памятнике XIII в. — сообщается о «великих дарах», которые послал Владимиру Мономаху император Мануил. На устно поэтическое происхождение легенды о венчании на царство Владимира Мономаха указывают и те фактические неточности, которые в ней имеются: Константин Мономах, который будто бы послал Владимиру знаки царского достоинства, в действительности умер в 1055 г., когда Владимиру Всеволодовичу было всего два года. Митрополит эфесский Неофит который должен был возложить на Владимира Мономаха венец и бармы, в списках эфесских митрополитов не значится. Эта народная основа официальной правительственной теории, на которой строилась объединительная политика Русского государства, весьма знаменательна.

Идеология Русского государства, его внешняя и внутренняя политика наложили резкий отпечаток прежде всего на внешний облик Москвы, ставшей столичным городом

¹ Theiner. Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae, t. II, Nr. 257. Romae. an 1861. Цитирую по Савва В. Московские цари и византийские василевсы, стр. 274. 1901.»

² Сборник РИО. Т. 35, стр. 82. СПб. 1882.

³ Сборник РИО. Т. 59, стр. 309.

⁴ Там же, стр. 345.

⁵ Там же, стр. 451.

⁶ Там же, стр. 474, 475.

⁷ Там же, стр. 504, 519.

⁸ «История русской литературы». Т. II, Ч. I-я, изд. АН (печатается); Седельников А. Эпическая традиция о Мануиле Комнине. «Slavia». 1925. R. III, S. 4.

большого европейского государства. Заботясь о внешнем благоустройстве Москвы, московские великие князья стремились придать ей национальный облик, воплотить в ней национальные идеалы красоты. В отличие от первых строителей Киева, стремившихся соперничать с Константинополем как в планировке, так и в устройстве отдельных зданий (София в Константинополе и в Киеве, Золотые ворота в Константинополе и в Киеве и др.), Москва организуется как русский город; при её строительстве учитываются по преимуществу русские традиции. Московские государи не стремились к воссозданию в Москве облика Рима или Константинополя.

Конец XV в. отмечен объединением областных, местных русских архитектурных школ. Объединительной политике московских великих князей и объединительной политике московских летописцев, соединивших в грандиозных сводах областное русское летописание, соответствуют объединительные тенденции в области русского искусства. В грандиозной строительной деятельности Москвы приняли участие мастера из Пскова, Новгорода, Твери, Владимиро-Суздальского княжества. Кроме русских строительных школ Москва обращалась к зодчим наиболее передовой в то время в архитектурном отношении страны Европы — Италии. В Москву вызваны были болонский архитектор и военный инженер Аристотель Фиораванти, Антон Фрязин, два Алевиза, Марко Рuffo, Пьетро Антонио Соларио, Бон Фрязин и др. В Москве сосредоточился обширный круг архитекторов эпохи Возрождения. Все они работали над созданием московского Кремля. Но итальянского архитектурного ансамбля в Москве не получилось. Планировка Кремля была основана на чисто русских архитектурных принципах. Ансамбль Кремля строился по-русски, открыто во внешнее пространство, на крутом берегу реки Москвы. Здания, построенные москвичами, итальянцами, псковитянами, стояли рядом, играя контрастными формами, группируясь по живописному принципу, чуждому ренессансной ясности соотношений.

Знаменательно, что и болонец Аристотель Фиораванти и миланец Алевиз Новый подпали в Москве под сильное влияние русского искусства и сохранили в своих постройках лишь немногие, новые для Руси архитектурные приёмы. Выстроенный Аристотелем Фиораванти в московском Кремле Успенский собор (1475—1479) развивал формы предшествовавшей ему русской архитектуры. Прежде чем приступить к постройке Успенского собора, Аристотель совершил большое путешествие по русским городам: на Успенском кремлёвском соборе сильно отразилось влияние архитектуры Успенского собора во Владимире и Софии Новгородской.

Русские формы Успенского собора, связь их с формами владимирского Успенского собора и Софии Новгородской не случайны. Иван III строил в Москве центральную святыню объединённого Русского государства. Успенский собор должен был быть символом русской церкви вообще, так же как София Константинопольская — греческой, храм

Воскресения в Иерусалиме — иерусалимской и т. д. В Успенском соборе хранилась главная святыня Русского государства — патрон Москвы — икона Владимирской Божьей матери. В Успенском соборе происходили венчание на царство московских государей и хиротония епископов всех областей; здесь при гробе митрополита Петра произносилась епископская присяга и т. д. Иосиф Волоцкий называл Успенский собор «земным небом, сияющим, как великое солнце посреди Русской земли»¹. Митрополит Филипп говорил об Успенском соборе, что он, как солнце, сияет благочестием «в всех русских землях»². В таких же выражениях говорил об Успенском соборе старец Филофей в своём послании Василию III и др.

Построение нового Успенского собора было отмечено составлением в 1479 г. грандиозного летописного свода как нового периода в русской истории. В последних частях этого свода подробно описаны новгородский поход Ивана III и присоединение Новгорода; заканчивается он описанием торжественного открытия нового центра вселенского православия.

Все окружающие собор постройки создавались, исходя из идеи Успенского собора как религиозного центра всея Руси. Успенский собор обстраивался целым «кустом» церквей и зданий, в построении которых принимали участие различные архитектурные школы. На месте обветшалых укреплений Дмитрия Донского заново отстраивались стены и башни московского Кремля. Стены были построены по последнему слову фортификационного искусства.

В XV и начале XVI в. московский Кремль был сильнейшей крепостью Европы, уступая лишь Миланскому замку, законченному строительством в 1459 году. Непрístupные укрепления Кремля символизировали силу и мощь молодого Русского государства. Пышное величие и церемониальная торжественность московского Кремля находятся в неразрывной связи с идеями государственной власти времени Ивана III.

Черты московского Кремля отразились при строительстве нижегородского Кремля, укреплений Серпухова, Тулы, Зарайска и многих других русских городов. Москва, став политическим центром объединённых ею областей, распространяла своё влияние и на искусство периферии.

Однако заботы об общем национальном русском облике Москвы этим не ограничились. Национальные задачи, которые стояли перед Русским государством, поставили перед архитектурой проблему перенесения форм народного деревянного зодчества в каменное зодчество. Русская архитектура XVI в. шла по пути создания каменного шатрового храма. Простой образец такого храма — деревянная церковь, в которой сплочь и рядом восьмигранный сруб увенчивался высокой кровлей с одной главой наверху.

¹ Иосиф Волоцкий Проветитель. Печатное издание Казанской духовной академии, л. 57.

² Русская историческая библиотека. Т. VI, стр. 723. СПб. 1880.

Этот новый тип каменного храма заимствовал свои формы из народного деревянного зодчества; постепенно усложняясь, он достиг необычайной декоративности, отвечающей народным вкусам.

Первые опыты перенесения форм деревянной архитектуры в каменную относятся к очень давнему времени. Их, по видимому, можно было найти на Руси до монгольского завоевания. Они были и в старой Москве (церковь Ивана Лестничника с колоколами наверху 1329 г.), и в Новгороде (круглая, «яко столп», церковь в Хутыне 1445 г.), и в Александровской слободе, и др.¹ Однако только в XVI в. проникновение в каменное зодчество форм народного деревянного зодчества приобретает широкие размеры и идейную целеустремлённость обращения к народным началам.

Каменный шатровый храм Вознесения в селе Коломенском, относящийся к 1532 г., является образцом русской народной архитектуры. Храм произвёл на своих современников огромное впечатление. Освящение его было отпраздновано Василием III необычайно торжественно. Летопись отметила красоту и «величество» храма: «Допрежь такой не было на Руси».

Высший образец народного шатрового стиля XVI в. — собор Василия Блаженного на Красной площади в Москве (1550—1560), выстроенный русскими зодчими Посником и Бармой как памятник покорения Казани. Народные формы его архитектуры не были случайными в строительной практике Русского государства. Иван IV строил собор, «сотворив совет благ» с инициатором ряда культурных начинаний XVI в. — митрополитом Макарием. Очевидно, авторитетное мнение

¹ См. «Архитектура СССР». Вып. 5-й. 1944. Статья Воронина Н. У истоков русского национального зодчества.

последнего было решающим при принятии нового типа храма. Собор представляет собой группу из девяти «столпов», частью увенчанных шатрами, и рассчитан не столько на пластическое, сколько на чисто живописное впечатление, требовавшее от зодчих особенно тонкого художественного чутья.

Храм Василия Блаженного — образец необыкновенного расцвета русского строительного искусства, особенно если принять во внимание, что в эпоху его создания ни в России, ни на Западе не были ещё известны основы математического расчёта устойчивости архитектурных сооружений.

Итак, и в политике, и в литературе, и в искусстве XVI в. русские стремились утвердить своё национальное содержание, свои национальные интересы. Россия вошла в ряд европейских стран как равноправное государство, со своей политической теорией и со своим искусством, стоявшими на одном уровне с европейскими и учитывавшими достижения Запада.

В отличие от других средневековых государств, существование которых в значительной мере было официально подкреплено отвлечёнными, мистическими и вненациональными принципами (Священная Римская империя, идея «града Божьего» в политических домогательствах папской курии и т. д.), Русское государство опиралось в обоснование своих прав на местные, национальные, народные традиции, ставило себе конкретные национально-объединительные задачи в грандиозных масштабах, обгоняя в этом отношении западноевропейские страны. Русское искусство, и в первую очередь архитектура, опиралось на народные, национальные начала опять-таки в таких масштабах, каких не знали ни искусство, ни архитектура Западной Европы.

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ САВИН*

С. Сказкин,
чл.-корр. АН СССР

Александр Николаевич Савин умер в 1923 г., в самом начале своей деятельности как советского учёного. Основные его труды и как учёного и как педагога принадлежат прошлому. Но у него есть чему поучиться и нам, живущим в счастливый период, когда закладываются основы великой советской исторической науки. Работами А. Н. Савина советская наука может с полным правом гордиться как образцовыми работами в мировой исторической литературе.

А. Н. Савин принадлежал к плеяде передовых русских людей 90-х годов минувшего столетия. Именно в это время складывалось его общее и научное мировоззрение. Он родился в 1873 г. и окончил университет в 1895 году. А. Н. Савин, следовательно, формировал свои исторические взгляды в тот период, когда в трудах передовой русской интеллигенции получили широкое распространение марксистские идеи. В области исторической науки, особенно среди историков, занимающихся всеобщей историей, новые марксистские идеи натолкнулись на жёсткий, безнадёжный эмпиризм буржуазной исторической науки второй половины XIX столетия. А. Н. Савин взял от исторического эмпиризма всё то хорошее, что можно было от него взять: тонкую и точную технику исторического исследования, любовь к источнику, умение критически извлечь из него всё, что он может дать, и, наконец, тенденцию к постоянному накоплению нового фактического материала. Но А. Н. Савин далёк был от тех крайностей, которые получили своё предельное выражение в формуле Шмоллера: «Факты и факты, воздержимся от широких обобщений, для них ещё не настало время». А. Н. Савин при всём его пристрастии к фактам, при всей его сдержанности в области обобщений никогда не был поклонником приведенной выше формулы Шмоллера. А. Н. Савин, конечно, не был марксистом, но он всегда был близок к идеям так называемого экономического материализма, он придавал первостепенное значение изучению экономической истории. В этом нашли выражение его глубокий реализм в науке и его политический радикализм.

Эмпиризм буржуазной исторической науки второй половины XIX в. с его отрицательным отношением к идее «всемирной» истории, с его глубоким недоверием ко всяким

широким концепциям единого исторического процесса расплыл историю на бесконечное множество тем. Всякие «лабораторные» методы исследования с их поистине «микроскопическими» результатами, изучение частных частных проблем и отказ от цельных концепций даже в пределах частных тем создавали иллюзию безупречной объективности исторического исследования. Но недостаток синтетических средств, используемых историками-эмпириками, мстил за себя. В одном случае в научное исследование вторгались социально-политические симпатии автора, определявшие оценку автором фактического материала, и под маской сугубой объективности сознательно или бессознательно проводилась знакомая нам точка зрения: история как политика, опрокинутая в прошлое. В другом случае давалось то изображение исторического процесса, логическую природу которого при довольно дружном протесте со стороны цеховых историков вскрыл Риккерт с его теорией конституирования предмета знания в истории как науки идеографической на основе принципа отнесения к ценности. Под ценностью подразумевался синтез современной автору культуры, рассматриваемой как совокупность экономических, социальных и политических учреждений и моральных постулатов, осуществление которых как бы подготавливалось соответствующими рядами предшествующего развития.

А. Н. Савин был далёк от этих теорий, либо наивных либо философски утверждающих невозможность изучения реального исторического процесса. Он был, пожалуй, скептиком, но не принципиально философски скептиком. Он скептически относился ко всяким поспешным обобщениям и беспочвенному социологизированию. Одновременно он был превосходно осведомлён обо всех теоретических построениях в области методологии истории как науки, был философски глубоко образованным человеком и отлично понимал, что без синтеза не может быть и истории как науки. Ему казалось лишь, и в этом отношении он был прав, что в истории слишком много грешили фразой, прикрывавшей часто простое незнание, грешили злоупотреблением непроверенной гипотезой, скрывавшей нежелание серьёзно работать, и заявляли сознательный отказ от объективности в интересах той или другой предвзятой, по преимуществу политической, точки зрения. Не следует забывать, что для его времени эта крити-

* Доклад, прочитанный на сессии Академии наук СССР 29 декабря 1943 года.

ческая позиция Савина была прогрессивным явлением. Для А. Н. Савина наука была жизненно важным, ответственным делом, высоким долгом. Он начал свою научную работу переводом трактата Локка «Опыт о человеческом разуме» (1898). В ранние годы своей преподавательской деятельности он написал работу «О законности и возможности нравственного удовлетворения» и продолжал считать историю строгой наукой в те времена, — к счастью, непродолжительные, — когда после революции 1905 г. среди русской интеллигенции начались политические и моральные шатания и сделался модным эстетствующий моральный нигилизм, свысока смотревший на всякое убеждение, — подлинный продукт разложения и питательная среда для всякого рода нищезантующего мешанства и просто литературной недобросовестности.

Отношение А. Н. Савина к исторической науке лучше всего характеризуется словами, которыми он заканчивает свою великодушную «Английскую деревню в эпоху Тюдоров»: «Я всё время старался расширить ту надёжную базу бесспорно опытного знания, которая одна даёт возможность делать разумный выбор между противоположными гипотезами и теоретическими построениями. Вот почему я позволю себе закончить книгу не широким обобщением, а детальным описанием «прогрессивной» деревни, хотя в то же время мне было бы больно, если бы компетентные критики упрекнули меня в отсутствии всяких общих точек зрения»¹.

Не бесконечное нагромождение фактов, а стремление к точному знанию, любовь к реальному, подлинному, живому, необычайная чуткость к чужим переживаниям — и современников и людей, давно отошедших в прошлое, — удивительное чутьё к прошлому — вот отличительные качества научного исследования Савина. И вместе с тем превосходный образный и одновременно изящный литературный стиль, гибкий и свободно следующий за малейшими поворотами его мысли, за самыми тонкими нюансами его переживаний. В конце своей «Английской секуляризации», наполненной бесконечными примерами, фактами, подсчётами, «утомительными», как он сам говорит, цифрами и итогами, он вдруг заявляет: «С сожалением расстаёшься с землями и людьми, с которыми после долгих подсчётов свыкаешься, точно добросовестный приказчик. Впрочем, — добавляет он, — утешение можно найти в других манорах, которые своими описаниями манят к себе нетерпеливого счётчика»². И он действительно буквально до последнего дня своей жизни занимался «другими манорами», и результаты его исследований, оставаясь всегда такими же точными, становились всё более интересными по своим всё более широким выводам.

А. Н. Савин занимался в основном историей английской деревни и историей Англии вообще.

Его больше всего интересовали судьбы английского крестьянства в критический период его существования, в XVI—XVIII веках. В Англии под влиянием капиталистического развития начиналось великое перемещение собственности, экспроприация английского крестьянства, его исчезновение как одного из основных классов феодального общества. Этот интерес большого историка не был просто случайным академическим интересом. А. Н. Савин принадлежал к лучшим, наиболее передовым людям своего времени. Его научные интересы, его неутомимое искание истины несколько не мешали ему быть патриотом, волноваться теми вопросами, которыми болело русское общество 80-х — 90-х годов.

Отшумели споры между народниками и марксистами. Было уже ясно, что русской деревне придётся вариться в капиталистическом котле, что все прекраснотушующие надежды на особый путь развития России рухнули. Но аграрный вопрос стоял попрежнему в центре внимания; российская деревня и в науке и в литературе возбуждала самые мрачные прогнозы; она, казалось, грозила гибелью всему обществу. Достаточно вспомнить, какое впечатление произвели чеховские «Мужики» и «Деревня» Бунина на общественное сознание того времени. Вполне понятно, какие импульсы передавались из общественно-политической сферы в область науки, преломляясь здесь в повышенный интерес к аграрной истории всех стран и народов, в особенности же к аграрной истории Англии, где перерождение деревни под влиянием развивавшегося капитализма было особенно ярко и показательно. О том, в какой мере думы о русском крестьянстве волновали русских учёных того времени, говорит А. Н. Савин в статье, посвящённой памяти М. М. Ковалевского: «Как ни велика научная важность вопроса о разнообразных формах коллективного землевладения и землепользования, как ни значительно было влияние западных историков деревенской общины — Маурера, Фюстеля, Мэна и Сибома, — нельзя понять этой постоянной тяги к одной и той же задаче, если не принять во внимание, что Ковалевский начал свою деятельность среди живых, порою страстных московских и всероссийских учёных и неучёных споров и гаданий о прошлом и будущем русского деревенского уклада. Специальный вопрос о жизнеспособности великорусской передельной общины после крестьянской эмансипации трудно понятным для последующих поколений образом волновал умы, пламенил сердца... сплетался с жгучими вопросами об особенностях русской судьбы, о русской, особенно русской крестьянской душе, об обходе злой страды капиталистического своекорыстия и насилия, о кратчайших стезях к царству социальной справедливости»³.

Аграрный вопрос, судьбы русского крестьянства продолжали в начале XX в. — пусть несколько по-иному — волновать умы русских людей; вспомним работы этого времени В. И. Ленина по аграрному вопросу.

¹ Савин А. Английская деревня в эпоху Тюдоров, стр. 485. М. 1903.

² Сборник в память А. Н. Савина. Труды института истории РАН ИОН. Т. I, стр. 27.

³ Исторические известия I, стр. 175—176. 1916.

Аграрная история Англии могла дать много поучительного в этом отношении. Так появились две капитальные работы А. Н. Савина: «Английская деревня в эпоху Тюдоров» и «Английская секуляризация». В первой из них А. Н. Савин дал картину происхождения и развития наиболее распространённой формы средневекового обычного держания в Англии, так называемого копигольда, и истории его исчезновения в связи с экспроприацией крестьянства, начавшейся в Англии в XVI в., во второй — рассказал историю конфискации монастырских земель в связи с реформацией и дальнейшего расхищения их господствующими классами.

Было бы, однако, неправильно думать, что А. Н. Савин был только историком Англии. Как и многие люди его круга и его времени, А. Н. Савин был по-русски образованным человеком, а это — нечто большее, чем «европейски образованный человек». Прекрасный филолог и знаток новых и древних языков, он был исключительно начитан в мировой исторической литературе, а интересы его были, можно сказать, всеобъемлющи. История Западной Европы и история арабских стран, правда под углом зрения европейца, американская археология и история Индии — таков диапазон его интересов, углубляемый его совершенно изумительной эрудицией, тонкостью исторического анализа, его исключительным пониманием особенностей чужих культур. «Общественный строй Иерусалимского королевства», «Положение земледельческого класса в Византии по юридическим памятникам V—VII столетий», «Критика политических воззрений Платона в «Политике» Аристотеля» — вот темы, с которых он начал своё изучение всеобщей истории. Работал он исключительно много, но печатал только законченное, отстоявшееся, безусловное. Он часто говорил своим ученикам, что спешить с печатанием своих произведений не следует. Поэтому и судить о его знаниях по напечатанному им нельзя. Черезвычайно требовательный к себе, даже слишком требовательный, до робости, он не выступал в печати, не проверив много раз написанное. Его печатные работы характерны поэтому своим мастерством и законченностью, безразлично, целая ли это книга, или статья для газеты, журнала, или даже просто популярная работа. Например, его статьи по истории Англии в «Книге для чтения по новой истории» — блестяще написанные маленькие исследования. Ненаписанных — если можно так сказать — работ у А. Н. Савина очень много. Тут мы переходим от А. Н. Савина-учёного к А. Н. Савину-учителю и прежде всего к профессору и лектору.

Скажем несколько слов об историческом факультете Московского университета и о преподавании на нём в те времена, когда там действовал А. Н. Савин, так как всё это тоже уже принадлежит истории. В те годы в университете царили так называемая предметная система преподавания и свободное посещение лекций. Каждому вступающему впервые в аудитории Московского университета вручалась маленькая книжечка, из которой он узнавал, что в течение четырёх лет нормального пребывания на фа-

культете (но можно было учиться сколько угодно лет, лишь бы вносились деньги за обучение) он должен прослушать такое-то количество и таких-то курсов, участвовать в семинарах (тоже указывалось их количество), сдать такие-то экзамены. После этого студент мог получить выпускное свидетельство и быть допущенным к государственным экзаменам. Время и порядок слушания и сдачи предметов и работы в семинарах были безразличны, и переходов с курса на курс не существовало. Одно было лишь обязательно: для того чтобы иметь право участвовать в семинарах, надо было сдать коллоквиум по соответствующему курсу, предварительно его, конечно, прослушав. И это — всё. Такая система требовала от студента известной зрелости, для юнцов она была трудна своей излишней свободой.

Большую свободу она давала и профессорам. Курсы, которые читались, делились на общие и специальные, но различия между ними никакой не было, особенно по всеобщей истории. Более или менее систематически излагались древняя история и история России. По остальным разделам истории все читавшиеся курсы, по существу, были специальными. Многие зависело от профессора. Он мог повторять из года в год одни и те же курсы, но мог и давать каждый раз нечто новое. И вот тут-то исключительная эрудиция и неутомимая работа А. Н. Савина творили чудеса. Меньше чем за 20 лет своего преподавания он создал не менее десяти специальных курсов, из которых каждый был целым исследованием. Вот их приблизительный перечень: 1. История Западной Европы в XVI веке 2. История Англии в XVII в. (первый набросок напечатанной после его смерти истории английской революции). 3. История Англии в XVI—XVIII веках. 4. История Западной Европы в XI—XIII веках. 5. Век Людовика XIV (тоже напечатана после его смерти). 6. История французской революции 7. Лекции по историографии французской революции. 8. История Западной Европы в XIV—XV веках. 9. Религиозная история Европы в эпоху реформации (двухгодичный курс). 10. История Германии в XIX веке.

Приходится сожалеть, что только некоторые из этих курсов, записанные студентами, были просмотрены самим автором и поэтому до известной степени отражают его мысль и манеру изложения.

Но это — далеко не самое серьёзное из того, что сделано А. Н. Савиным. Самый, на мой взгляд, его замечательный курс по религиозной истории Европы эпохи реформации, которому он и сам придавал большое значение и долго над ним работал, записан очень несовершенно только в своей первой части. Записывать за ним было вообще трудно, потому что А. Н. Савин не был блестящим лектором, способным увлечь аудиторию стройностью и ясностью изложения и прекрасной формой. Его лекции были весьма своеобразны. Вследствие своей крайней близорукости он не видел аудитории. Он смотрел в свои записки — собрание материалов — и вслух размышлял над фактами и теориями, вынося на кафедру все свои сомнения, все «про» и «контра», как будто он это делал

для самого себя. Это всегда было интересно, но далеко не всегда и не для всех доступно.

Эти особенности А. Н. Савина как преподавателя делали его исключительным руководителем семинаров, суровым критиком и отличным воспитателем научного мышления. Его семинары были так же многообразны по темам, как и его лекции: от «великой хартии вольностей» до «Парижской коммуны» включительно. В 1915—1916 гг. он вёл семинары по истории русско-германских отношений во второй половине XIX в. в связи с войной. Он любил эту форму преподавания. От его семинаров остались дневники-записи его замечаний к ходу семинаров. Здесь нам, преподавателям высших учебных заведений, есть чему поучиться. При всём разнообразии тем, по которым он вёл эти семинары, он готовился к ним с необычайной тщательностью. В сущности, он предварительно проделывал сам всю работу, которую он затем предлагал студентам. Требовательность его к студентам была очень велика, и, зная это, далеко не все отваживались принимать участие в савинских семинарах. Но те, кто всё-таки отваживался, получали в них настоящую школу и закалку для будущей работы. Незаметно его семинары перешли в научный кружок, в котором работали мы, его ученики, уже после окончания университета. Последние занятия такого рода мы проводили с ним после окончания первой мировой войны, знакомясь с материалами её истории, которые в 1920—1921 гг. хлынули, наконец, в нашу страну

из-за границы. К этому же времени А. Н. Савин, никогда не прекращавший своей исследовательской работы как один из организаторов вновь созданного Института истории, возобновил педагогическую работу и в университете и в Институте красной профессуры. Увы! Это была его последняя работа. В Лондоне, куда он отправился заканчивать своё новое исследование по аграрной истории Англии, заниматься «другими манорами», он умер, заразившись злокачественной формой испанки.

В лице А. Н. Савина мы имеем, или, скажем сожалея, имели не только великолепного учёного и преподавателя, но и благородного и чуткого человека, гражданина и патриота, безгранично любившего свою родину, страдавшего её недугами, но всегда и неизменно верившего, что она выйдет с честью из всех испытаний и воскреснет для новой жизни. Как часто во время наших занятий по внешней политике в дни первой мировой войны он с досадой говорил о промахах и ляпсусах дипломатии бесславно кончавшейся царской России, в особенности в отношении Германии. Он был бы теперь полностью удовлетворён «Союз нерушимый республик свободных», сплочённый великой Русью, выдержал все испытания и идёт к новой и прекрасной жизни, к изумительному расцвету советской культуры, и в этой жизни и нынешние и будущие её историки всегда вспомнят с благодарностью большого учёного, человека и патриота — А. Н. Савина.

ПОПЫТКИ ГЕРМАНИИ РАСКОЛОТЬ АНТАНТУ В ПЕРВЫЙ ПЕРИОД МИРОВОЙ ВОЙНЫ 1914—1918 гг.

А. Манусевич

I

Большой знаток международной жизни, британский дипломат Г. Никольсон резонно утверждал, что «внешняя политика Германии всегда склонна была быть лишь придатком к «политике силы» и что в Германии генеральный штаб часто оказывал большее влияние на политику, чем министерство иностранных дел»¹. Многие мероприятия германской дипломатии в годы первой мировой империалистической войны были всецело подчинены текущим требованиям военного командования и представляли собой лишь разновидности военных «маневров», проводившихся усилиями дипломатов.

После того как германские войска, бесстыдно нарушив нейтралитет Бельгии и подвергнув опустошению почти всю страну, застряли у фортов Льежа, германское правительство обратилось к посланнику США в Брюсселе с просьбой предложить бельгийскому правительству сдать препятствовавший движению немецких войск Льеж, обещая взамен «восстановить дружеские отношения»². Подобного же рода предложение поступило через голландское министерство иностранных дел бельгийскому послу в Гааге³. Беззастенчивый цинизм этих попыток (оставшихся без последствий) дипломатическими ухищрениями опрокинуть препятствие, неожиданно ставшее на пути германских армий, приобретало особо скандальный оттенок на фоне откровенно хищнических, самодовольных признаний германского канцлера Бетман-Гольвега о том, что «нужда не знает заповедей», а потому договоры, определяющие международное признание бельгийского нейтралитета, для Германии представляются не больше, чем «клочком бумаги».

Проявляя усердную готовность множить число таких «клочков бумаги», германское правительство продолжало забрасывать

Бельгию предложениями о переговорах⁴ и одновременно вскоре начало поиски способов установления секретных сношений с правительством Великобритании.

Вступление Англии в войну для многих германских руководящих деятелей явилось ещё большей и ещё более неприятной неожиданностью, чем мужественное сопротивление бельгийцев. Вначале в Германии не придавали серьёзного значения решительному шагу Англии, но, столкнувшись с третьей и наибольшей неожиданностью — русским наступлением на восточном фронте, сорвавшим осуществление пресловутого плана Шлиффена и разбившим надежды на быстротечную «весёлую» войну, — германские руководящие деятели, наконец, поняли, что при наступившем повороте событий Англия с её значительной потенциальной мощью призвана сыграть в войне гораздо более ответственную роль, чем это могли сделать несколько её дивизий, спешно двинутых на помощь французам. Из этих новых обстоятельств родились первые попытки немцев оторвать Англию от её союзников.

Уже 6 сентября 1914 г., накануне поворотного в ходе войны сражения у Марны, британский посол в Вашингтоне сэр Сесиль Спринг-Райс был поставлен в известность, что германский посол в США граф Бернсторф якобы намерен выяснить, не пожелает ли правительство США возбудить вопрос о своём посредничестве в деле восстановления мирных отношений. Спустя несколько дней, когда в связи с отступлением германских войск и последовавшим за тем их закреплением на естественном оборонительном рубеже реки Эн наметился переход к позиционной войне, Бернсторф предложил Спринг-Райсу личное свидание. Полковник Хауз, доверенное лицо и друг президента Вильсона, приложивший значительные старания к тому, чтобы устроить эту встречу, натолкнулся на решительное возражение английского посла, который отказался вести какие-либо переговоры без участия своих коллег — русского и французского — и без санкции своего правительства⁵. Британский статс-секретарь по иностранным делам сэр Эдуард Грей одобрил позицию посла и высказал убеждение, что предложения Бернсторфа «касательно об-

¹ Никольсон Г. «Дипломатия», стр. 89. М. 1941.

² «Международные отношения в эпоху империализма». Документы из архивов царского и Временного правительств. 1878 — 1917 годы. Серия III. Т. VI. Ч. 2-я; примечание I к документу № 468. (В дальнейшем — «М. О.», с указанием соответствующего тома, части и номера документа.)

³ См. Пуанкаре Р. «На службе Франции». Т. I, стр. 34. М. 1936.

⁴ См. «М. О.» Т. VI. Ч. 2-я, док. № 468.

⁵ См. Архив полковника Хауза. Т. I, стр. 115.

суждения условий мира нами одними были, очевидно, сделаны не добросовестно, а с целью распространить недоверие между нами и нашими союзниками»¹.

Но Бернсторф не примирился с неудачей и продолжал свои домогательства².

Одновременно немцы предприняли попытки добиться посредничества нейтральных стран. Подставным лицом, через которое действовало Вильгельмштрассе, был люксембургский министр иностранных дел Эйшен. Этот министр пытался убедить правительства Голландии и Швейцарии предложить услуги воюющим странам для заключения мира³. Эйшен добивался обращения бельгийского правительства к посредничеству Ватикана для возбуждения мирных переговоров⁴. Злоупотребляя нейтральностью Швейцарии, Эйшен плёл сеть интриг вокруг французского посла в Берне и тщетно пропагандировал мысль о том, что, дескать, Германия не питает к Франции ненависти⁵.

Не может быть сомнения в том, что кипучая деятельность Эйшена и инспирировавших его лиц была вызвана крушением германских военных планов, в частности австро-германской неудачей в галицийском сражении и провалом наступлений Гинденбурга и Макензена на Варшаву и Лодзь. В свете последних событий и в прямой связи с решением германского командования перенести главный удар на Россию Германия стремилась стабилизировать западный фронт, разгромить русскую армию и этим создать условия для победы над Францией, Англией и Бельгией.

Для достижения раскола среди держав Антанты Германия применяла оружие тайной дипломатии. Особенно тщательно строились планы политического сокрушения Франции.

После провала наступления на Париж в 1914 г. германское министерство иностранных дел и соответствующие органы германского генерального штаба пытались установить контакт с теми французскими политическими деятелями, репутация и взгляды которых допускали возможность их сотрудничества с кайзеровской Германией. Дело сводилось, конечно, не просто к вербовке шпионов, а к выявлению и сотрудничеству с лицами, группами и направлениями, придерживавшимися политического курса, благоприятного Германии и её проектам в мировой войне 1914—1918 годов.

Внимание немцев, естественно, привлекал беспринципный финансовый делец Жозеф Кайо, бывший глава французского правительства, сторонник франко-германского сближения, оказавший Германии немалые услуги во время второго марокканского кризиса. Он вскоре после начала войны был послан в Южную Америку. В декабре 1914 г. в Рио-де-Жанейро с Кайо установил сношения германский агент граф

Минотто⁶. С течением времени вокруг длинной цепи, связавшей Кайо с германскими элементами, собралась багда продажных писак, шпионов, провокаторов типа Альмерейды, Боло и др., помогавших немецкой разведке, отравлявших веру французов в победу, подкапывавших идею сделки с врагом и т. д. Естественно, что серьёзных непосредственно дипломатических услуг Германии шайка Жозефа Кайо, находившаяся к тому же на подозрении у французского правительства, оказать не могла⁷.

Но, несомненно, не без содействия этой шайки Берлину удалось было завязать сношения с авторитетными французскими кругами. Весной 1915 г. некоторые немецкие деятели, в частности М. Эрцбергер, видный депутат рейхстага от партии католического «центра», тесно связанный с полуофициальной деятельностью Вильгельмштрассе, подгадали, что «известные круги Франции склонны завязать необязывающие переговоры о мирных возможностях»⁸. А тогдашний помощник германского статс-секретаря по внешним делам Циммерман заверял полковника Хауза в том, что немцы пытаются наладить «добрые отношения» с Францией⁹. Такого рода «налаживанием» отношений занимались не только немецкие дипломаты, но и так называемые деловые круги. Крупный промышленник Арнольд Рехберг старался склонить французов к выгодной для Германии сделке¹⁰. Некий банкир Маркс из Мангейма в феврале 1916 г., в период ожесточённых боёв за Верден, через своего миссара вёл переговоры с Кайо¹¹. Этому эмиссару оказывал гостеприимство бывший французский премьер, и кроме того он находился под высоким покровительством Лейтери, начальника кабинета министра внутренних дел, имевшего общие финансовые интересы с мангеймским банкиром¹².

Но ни эти переговоры, ни встречи в мае 1916 г. германского дипломатического представителя в Берне барона фон Ромберга с членом французской палаты депутатов Полем Менье, ни шпионская деятельность

⁶ См. Mermeix «Les négociations secrètes et les quatre armistices», p. 11. Paris. 1919.

⁷ Кайо в 1917 г. был арестован по обвинению в сношениях с неприятелем и после длительного следствия в 1920 г. приговорён верховным судом на основании более смягчённой формулы обвинения к трёхлетнему тюремному заключению с последующим запрещением проживать в Париже в течение 5 лет и к лишению избирательных прав на 10 лет. В 1924 г. он был амнистирован и вернулся к активной политической деятельности, занимал профашистскую позицию, подготовившую разгром Франции в 1940 году.

⁸ Эрцбергер М. «Германия и Антанта», стр. 220. М. 1923.

⁹ См. Архив полковника Хауза. Т. I, стр. 168.

¹⁰ См. de Ridder A. «La Belgique et la guerre». Т. IV, p. 238. Bruxelles. 1928.

¹¹ См. Mermeix. Op. cit., p. 12—13.

¹² Ibidem, p. 19.

¹ См. «М. О.». Т. VI. Ч. 1-я, док. № 315.

² См. «М. О.». Т. VI. Ч. 2-я, док. № 526.

³ См. там же, док. № 579.

⁴ См. там же, док. № 468.

⁵ См. там же, док. № 579.

этого и некоторых других французских парламентариев в пользу немцев не давали главного результата, которого добивалось германское правительство, — поколебать союз Франции и Англии¹.

Дипломатические диверсии в отношении Франции, которые рассчитывали осуществить Берли и Вена (последняя через принца Сикста Бурбона Пармского, о чём смотри ниже), развёртывались настолько туго, что, видимо, для поддержки им решили прибегнуть к демаршу короля Испании. 2 марта 1917 г., принимая французского военного атташе, Альфонс XIII заявил ему, что охотно согласится содействовать заключению сепаратного мира между Францией и Австро-Венгрией². Побудив Альфонса XIII к такого рода выступлению, инициаторы предложения о посредничестве пытались укрепить представление о самостоятельном характере венской дипломатии, якобы действующей независимо от Берлина. Однако заметных результатов это выступление испанского короля не дало.

В «мирной стратегии» германского империализма особое место занимали планы нейтрализовать Англию, войти с ней в переговоры и склонить её к отказу от участия в войне. Английская дипломатия, как мы видели выше, умело отбивала заманчивые предложения, поступающие от Германии, и благодаря превосходной организации осведомления в то же время постоянно находилась в курсе германских интриг, направленных как против Англии, так и против её союзников.

Но во второй половине 1916 г. в английской политической жизни появились тенденции, весьма благоприятные германским замыслам: некоторые руководящие деятели считали, что в войне установилось равновесие сил, и, недооценивая военно-экономические возможности Антанты, готовы были отложить на будущее борьбу против претензий Германии на мировое господство и заключить с ней компромиссное соглашение, нечто вроде Амьенского мира между Англией начала XIX в. и наполеоновской Францией. В политике сокрушительного удара они видели лишь бессмысленную затяжку войны и «нокауту» начали явно предпочитать идею немедленного мира, хотя бы ценой больших жертв со стороны британских союзников. В британском кабинете появилась группа, члены которой «склонялись в пользу скорого мира на основе соглашения»³. Среди членов британского правительства, питавших «опасения насчёт возможности продолжать войну после рождества 1916 г.», Ллойд-Джордж называл лорда Эдуарда Грея, лорда Ленсдауна, Мак-Кенна и Ренсимена⁴. Можно предположить, что весьма близкую позицию к указанным лицам занимал и премьер-министр Асквит.

Разногласия в среде британских государственных деятелей по основному, решаю-

щему вопросу — о продолжении войны до победы над Германией или о трусливой торгашеской сделке с ней — не были тайной ни для английской общественности, ни для берлинских и венских политических кругов⁵. В Германии выжидали, как говорил принц Макс Баденский, приближения «поединка между Ллойд-Джорджем и лордом Греем»⁶. Кризис дал себя знать в полной мере 13 ноября 1916 г., когда лорд Ленсдаун с согласия премьер-министра обратился к членам кабинета с меморандумом в пользу немедленного заключения мира 5 декабря 1916 г. разразился правительственный кризис, который завершился образованием правительства из числа сторонников продолжения войны до полной победы над Германией.

Поэтому германское мирное предложение от 12 декабря 1916 г., сделанное с несомненным учётом положения дел в Англии, не дало того эффекта, которого ожидал Берлин.

Союзникам не стоило большого труда раскрыть замыслы вероломного врага. Уже с начала войны характер германских интриг вокруг вопроса о мире становился ясным даже деятелям нейтрального лагеря У полковника Хауза, посетившего в марте 1915 г. Берлин, уже тогда сложилось убеждение, что Германия «вовсе не хочет эвакуировать Бельгию, ни даже Францию без компенсаций» и «что положение в Берлине оказалось неподходящим для переговоров о мире»⁷.

¶

Не оставляя в покое западные державы, Германия в порядке дипломатической подготовки удара по России предприняла против неё зимой и весной 1915 г. своеобразное «мирное наступление». Оно началось с помощью королевских домов Швеции и Дании, находившихся под большим влиянием Гогенцоллернов и в то же время состоявших в дружественных и родственных отношениях с Романовыми.

16 февраля 1915 г. шведский король Густав V обратился к Николаю II с предложением услуг для изыскания средств к прекращению войны⁸. Вслед за тем с целью доверительного зондирования почвы для заключения мира по поручению датского короля Христиана X датский государственный советник Андерсек посетил Петроград. Убедившись в отрицательном

⁵ Показателем отношений руководящих деятелей Четверного союза к позиции Эдуарда Грея и др. может служить курьёзный запрос австро-венгерского командования к правительству, сделанный ещё в апреле 1915 г., с просьбой подтвердить достоверность сообщений о пребывании Эдуарда Грея в Берлине. См. Л. Альдрованди Марескотти «Дипломатическая война», стр. 49. М. 1944.

⁶ Ллойд-Джордж Д. «Военные мемуары», стр. 587.

⁷ Архив полковника Хауза. Т. I, стр. 180 и 185.

⁸ См. сборник «Монархия перед крушением». Из бумаг Николая II, стр. 33. М.—Л. 1927.

¹ Mermeix. Op. cit., p. 27

² Ibidem, p. 93.

³ Ллойд-Джордж Д. «Военные мемуары». Т. I—II, стр. 563. М. 1934.

⁴ См. там же, стр. 561.

отношении петроградских кругов к своей миссии, Андерсен через скандинавские страны поспешил в Берлин на свидание с канцлером Бетман-Гольвегом и статс-секретарём фон Яговым, а 17 марта был принят в ставке Вильгельмом II¹.

Непосредственно вслед за посещением Андерсена в Петроград было направлено письмо М. А. Васильчиковой², которое было доставлено 20 марта 1915 г. в русское министерство иностранных дел шведским посланником в России. В письме к царю Васильчикова писала, что три высокопоставленных лица — два немца и один австриец — рекомендовали ей просить Николая II взять на себя инициативу мирных переговоров, а для предварительного обмена мнений направить уполномоченного в нейтральную страну³.

Через два дня после получения письма Васильчиковой, 22 марта 1915 г., капитулировал Перемышль вместе с блокированной в нём 20-тысячной австро-венгерской армией. Видимо, это событие побудило Берлин и Вену безотлагательно развить затею, начатую при посредстве Васильчиковой. И вот 30 марта 1915 г. последний написал второе письмо Николаю II, в котором от имени всё тех же «двух немцев и одного австрийца» заверяла, что именно теперь, в обстановке русского наступления, царь должен выступить в роли миротворца⁴.

В апреле 1915 г. царица получила письмо от своего брата Эрнста-Людвига, герцога Гессенского, который уведомлял Александру Фёдоровну о том, что его доверенное лицо будет ждать в Стокгольме встречи с русским представителем⁵. Так как русский представитель на свидание не явился, германские дипломаты ещё энергичнее принялись за отыскание средств вызвать Россию на переговоры. В мае 1915 г. Васильчикова была приглашена в Берлин и имела беседу с фон Яговым. Германский статс-секретарь по иностранным делам указывал на необходимость «прекратить бойню именно теперь», развивая при этом пресловутый тезис немецкой пропаганды об исконной вражде Англии к России. Всё это Васильчикова изложила в своём третьем письме к Николаю II⁶ наряду с любопытным заявлением о том, что

в бытность в Германии она «с ведома императора Вильгельма» имела «всяческие права».

В свою очередь вдовствующая императрица Мария Фёдоровна получила письмо от принца Макса Баденского, пересланное через возвращённого из германского плена князя Ливена. Принц Макс Баденский просил Марию Фёдоровну содействовать созыву в Стокгольме конференции делегаций Красного Креста Австро-Венгрии, Германии и России по вопросу об улучшении положения военнопленных в названных странах. Россия признала целесообразным созыв такого рода конференции, но, для того чтобы парализовать замыслы вражеской дипломатии, русскому посланнику в Швеции Неклюдову были даны указания не допускать какого бы то ни было отклонения от непосредственных задач совещания⁷. Вслед за этим министр двора граф Фредерикс получил письмо о необходимости мира от своего берлинского коллеги обергофмаршала графа Эйленбурга⁸.

Словом, Германия использовала все средства, для того чтобы прощупать русские придворные круги и активизировать в их среде германофильские элементы.

Это «зондирование» было дополнено приёмами откровенного шантажа. Объективная предпосылка к новой акции германского министерства иностранных дел заключалась в том, что в силу несогласованности стратегии отдельных держав Антанты основное бремя войны лежало на России и это вызывало появление в международной прессе многократных сообщений о серьёзных взаимных упреках в среде союзников. Спекулируя на этом, Андерсен в июле 1915 г., вторично посетив Петроград, дал понять, что, в то время как некоторые представители германского правительства стоят за мир с Россией, другие предпочитают договориться с Англией⁹. А почти в это же время в Стокгольме директор Deutsche Bank Монкевиц, предложив отдельные русско-германские переговоры через представителей делового мира, заявил беседовавшему с ним русскому деятелю, что Англия делала Германии мирные предложения, направленные против России¹⁰. Но в русском министерстве иностранных дел имелись сведения о том, что не Англия Германии, а именно Германия делала новые попытки втянуть Англию в тайные сношения¹¹.

Обескураженные неудачей своего дипломатического наступления на Россию и успешным успехом своих военных действий (как известно, немцы захватили обширные территории, но не сумели уничтожить живую силу русской армии), германские дипломаты усилили деятельность по подрыву единства Антанты.

В Петрограде шведский банкир Кюльбер-

¹ См. «М. О.» Т. VII. Ч. 1-я, примечание к док. № 384.

² Мария Александровна Васильчикова, фрейлина царицы Александры Фёдоровны и вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны, в переписке Романовых называется просто Машей. Она была тесно связана с венской аристократией, в частности с бывшим австро-венгерским послом в России князем Лихтенштейном. Близ Вены находилось имение Васильчиковой, в котором её и застала война. К помощи этой дамы, лично прекрасно известной царю, и решили прибегнуть в Берлине и Вене.

³ См. «М. О.» Т. VII. Ч. 1-я, док. № 347.

⁴ См. «М. О.» Т. VII. Ч. 2-я, док. № 454.

⁵ См. переписку Н. и А. Романовых. Т. III, стр. 174.

⁶ См. «М. О.» Т. VII. Ч. 1-я, док. № 22.

⁷ См. «М. О.» Т. IX, док. № 296.

⁸ См. Бьюкенен Дж. «Мемуары дипломата», стр. 145. М. 1924.

⁹ См. «М. О.» Т. VIII. Ч. 1-я, док. № 361.

¹⁰ См. там же, док. № 393.

¹¹ См. там же, док. № 361.

гер предлагал начать переговоры между Россией и Германией через банковских деятелей¹; в Вашингтоне Бернсторф неутомимо добивался установления непосредственного контакта с Спринг-Райсом²; тайственные мирные предложения делались Англии³; в Стокгольме происходили странные переговоры между турецким посланником и японским послом⁴; по слухам, даже раздавленной Сербии делались предложения заключить мир с Германией и пропустить немецкие войска на Балканы⁵; Испания склоняла черногорское правительство к выходу из войны⁶; обосновавшийся в Швейцарии Бюлов вёл деятельные переговоры с испанскими и итальянскими дипломатами⁷; одному из чинов английской миссии в Берне делались предложения о мирных переговорах⁸. Таков далеко не полный перечень известных лишь по русским данным дипломатических диверсий германского империализма, предпринятых им осенью 1915 года.

Эта дипломатическая атака была увенчана неожиданным появлением М. А. Васильчиковой на русско-шведской границе. В Петрограде Васильчикова 18 декабря 1915 г. вручила министру иностранных дел Сазонову записку, излагавшую содержание её беседы с герцогом Гессенским, и письма последнего к Николаю II и Александре Фёдоровне.

Наряду с угрозой применения против России новых сил и обычными инсинуациями в отношении Англии, которая якобы две — три недели как делает авансы в поисках мира с Германией, записка Васильчиковой содержала указание на то, что Вильгельм II «был бы счастлив найти малейшую зацепку для окончания войны»². Расторопная фрейлина попыталась развернуть в Петрограде пронемецкую пропаганду, но её деятельность была пресечена высылкой из столицы. Столь плачевный исход самого сильного хода германской дипломатии знаменовал для неё на данном этапе решительную неудачу политики раскола Антанты и взаимной изоляции составляющих её держав.

III

Однако количество германских диверсий в области международных отношений несколько не уменьшалось. «Пускались пробные шары, распространялись слухи и наёмки в Голландии, в Испании, в Ватикане, в Швеции и в Соединённых Штатах,—писал Ллойд-Джордж.— Были веские основания полагать, что по крайней мере часть этих махинаций была делом германских агентов, так как момент был благоприятен

для достижения выгодных центральным державам условий мира»¹⁰.

Но уже с середины 1916 г. в России начала складываться ситуация, в известной степени благоприятная для Германии. Напуганная ростом революционного движения в стране, цепляясь за власть, придворная клика стала помышлять о выходе из войны, о разрыве с союзниками, о сделке с Германией, для того, чтобы с помощью кайзера удушить народные массы. Поворот в политике русского двора выразился прежде всего в увольнении в отставку министра иностранных дел Сазонова и в последовавшем 7 июля 1916 г. назначении на его место завзятого германофила Штюрмера. Английский король Георг V вынужден был сделать осторожное предостережение царю¹¹. О том, что это предостережение не возымело действия, свидетельствовало назначение товарища председателя Государственной думы Протопопова управляющим министерством внутренних дел, а затем и министром. Между тем было известно, что во время пребывания с думской делегацией за границей в июле 1916 г. Протопопов вёл переговоры с немецким финансистом Варбургом о возможности заключения мира с Германией. Что последний, развивая перед русским собеседником мирные условия, действовал далеко не как частное лицо, в России должны были судить на основании заявления Манкевица, сделанного ещё летом 1915 г., о том, что вероятным представителем Германии на предлагавшихся им переговорах явится именно Варбург¹². По возвращении в Петроград Протопопов сделал личный доклад царю, после чего последовало вышеупомянутое его назначение.

Пресса ряда стран реагировала на изменения в царском правительстве утверждениями, что между Россией и Германией ведутся интенсивные переговоры о мире. Ленин в статье «Пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический», написанной 1 января 1917 г., не подвергал сомнению тот факт, «что переговоры о сепаратном мире между Германией и Россией совсем недавно велись, что сам Николай II или влиятельнейшая придворная шайка на стороне такого мира»¹³. Подтверждение факта русско-германских «собеседований» имеется в мемуарах Тирпица¹⁴.

В неудаче сделки кайзера с царём немалую роль сыграл польский вопрос: 5 ноября 1916 г. германское и австро-венгерское правительства разразились актом,

¹⁰ Ллойд-Джордж Д. «Военные мемуары». Т. I—II, стр. 549.

¹¹ См. сборник «Монархия перед крушением». Из бумаг Николая II, стр. 12.

¹² См. «М. О.». Т. VIII. Ч. 1-я, док. № 393.

¹³ Ленин. Соч. Т. XIX, стр. 363—364.

¹⁴ «Осенью 1918 г. я имел случай беседовать с некоторыми русскими, дружески расположенными к Германии, и из этих бесед в связи с другими признаками я заключил, что существовала возможность заключить мир с Россией» (Тирпиц А. «Из воспоминаний», стр. 149. Л. 1925).

¹ См. «М. О.». Т. VIII. Ч. 2-я, док. № 537.

² См. там же, док. № 918.

³ См. там же, док. № 634.

⁴ См. там же, док. №№ 723, 724, 727.

⁵ См. там же, док. № 827.

⁶ См. «М. О.». Т. X, док. № 194.

⁷ См. «М. О.». Т. IX, док. № 348.

⁸ См. там же, док. № 515.

⁹ Там же, док. № 567.

имевшим целью оформить захват Польши. Так как этот акт вызвал негодование в России и ущемлял личные интересы царя, он вынужден был сместить Штюрмера. «Из достоверного источника мне сообщили, — писал Бюлов, — что в это время Николай II сказал одному приближенному к нему лицу, стороннику мира, следующее: «После такого пинка ногой со стороны Вильгельма заключение мира становится невозможным»¹.

В несомненной связи с различными серьёзными препятствиями, стоявшими на пути реализации заговора кайзера и царя, находится вынужденный переход Германии от попыток тайных сепаратных переговоров к открытой, публичной постановке вопроса об окончании войны на выгодных для Германии условиях.

IV

Верденское сражение, сокрушительный удар Брусилова, неудачи на Сомме недвусмысленно говорили о том, что военное превосходство окончательно ускользает из рук немцев. В этой обстановке германская дипломатическая деятельность стала приобретать новый оттенок, и из вспомогательного средства, призванного служить обеспечению военных операций, она превратилась в решающий фактор для достижения «германского мира». Немецкая пресса, воинственно вещавшая о мировом господстве Германии, всё чаще стала писать о германском миролюбии, о готовности к полюбовному окончанию войны и т. п. Этот подозрительного происхождения пацифизм, получивший право на жительство в военнодеспотической Германии, исчерпывающе разоблачил Ленин: «До сих пор Германия победила, оказавшись неизмеримо сильнее, чем кто бы то ни было предполагал до войны. Понятно поэтому, что Германии выгодно было бы заключить мир как можно скорее, ибо её соперник мог бы ещё, в наивыгоднейшем мыслимом для него (хотя и не очень вероятном) случае, пустить в ход большой запас рекрутов и т. п. Таково объективное положение. Таков данный момент борьбы за делёж империалистской добычи. Совершенно естественно, что этот момент породил пацифистские стремления, заявления и выступления преимущественно среди буржуазии и правительств германской коалиции, затем нейтральных стран»².

12 декабря 1916 г. правительство Германии через дипломатических представителей США, Испании, Нидерландов и Швейцарии в Берлине обратилось с заявлением к правительствам враждебных стран о том, что четыре союзные державы (Германия, Австро-Венгрия, Турция и Болгария), «доказав свою несокрушимую мощь», предлагают начать хотя бы немедленно мирные переговоры.

Германская нота преследовала цель, во-первых, убедить недовольные круги германского населения в том, что препятствием к достижению мира является злая во-

ля правительств враждебных стран, которую предстоит сокрушить на полях битв; во-вторых, внушить народам враждебных и нейтральных стран, что продолжение войны вызвано исключительно позицией правительств Антанты, и тем попытаться усилить враждебное им движение, и, в-третьих, вынудить Антанту под страхом моральной ответственности за продолжение войны начать мирные переговоры, пока военная обстановка относительно благоприятна для Германии и у неё в руках находится такой своеобразный залог, как территории Бельгии, Сербии, Румынии и важные области России и Франции.

Вслед за Германией с заявлениями в пользу мира выступили нейтральные страны: США (запрос Вильсона от 18 декабря 1916 г. к воюющим о целях войны), Швеция, Швейцария и др.

Комментируя германское мирное предложение, американский посол в Берлине Джордж весьма остроумно заметил, что принятие его поставит союзников перед несложной проблемой: висеть ли вместе или отдельно. «Германия, — писал он Хаузу, — хочет мирной конференции для того, чтобы заключить на выгодных для себя условиях сепаратный мир с Францией и Россией. После этого она надеется покончить с Англией подводными лодками, а потом по отдельности скальпировать Японию, Россию и Францию... О приведённом выше плане я узнал из очень авторитетных источников»³.

В коллективном ответе Франции, России, Великобритании, Бельгии, Сербии, Черногории, Японии, Португалии, Италии и Румынии на германскую ноту, вручённом 30 декабря 1916 г. американскому послу в Париже, говорилось: «Выдвинутое императорским правительством лицемерное предложение, в котором нет никаких точных указаний по существу, представляется в меньшей степени предложением о мире, чем военным маневром», и что его бессодержательность и неискренность побуждают союзников отказаться от его обсуждения.

Ответ Германии на американский запрос о целях войны, сообщённый 31 января 1917 г. Хаузу, обнаруживал черты всесторонне разработанного плана установления мирового господства Германии и развеял последние надежды некоторых американских кругов на возможность примирительного завершения войны. Германское правительство, выдвигая мирные условия, равнозначные добровольному признанию победы Германии, одновременно предупредило Вашингтон, что с 1 февраля 1917 г. Германия приступает к проведению неограниченной подводной войны для уничтожения океанских связей Антанты.

В ответ на германские провокации и угрозы Конгресс США 3 февраля 1917 г. единодушно приветствовал послание президента Вильсона Конгрессу о разрыве дипломатических отношений между США и Германией.

Таким образом, очередная германская дипломатическая диверсия потерпела крах и усилила международную изоляцию Чет-

¹ Бюлов Б. «Воспоминания», стр. 490—491. М.—Л. 1935.

² Ленин. Соч. Т. XIX, стр. 365—366.

³ Архив полковника Хауза. Т. II, стр. 309.

верного союза. С тем большим жаром Германия и её союзники возобновили свои тайные происки.

V

Между тем глубокий кризис угрожал существованию основного германского сателлита — многонациональной австро-венгерской империи. Император Карл, наследовавший в ноябре 1916 г. австро-венгерский престол после смерти престарелого Франца-Иосифа, предпринял шаги к установлению связей с французским правительством через своего кузена принца Сикста Бурбона Пармского, французского подданного, служившего офицером в бельгийской армии¹.

В декабре 1916 г. принц Сикст Бурбон Пармский получил два письма (от 5 и 14 декабря 1916 г.) от своей матери, проживавшей в Австрии, с просьбой прибыть на свидание с ней в Швейцарию. Бельгийский король Альберт, извещённый из другого источника, высказался за поездку принца Сикста ввиду вероятности конфиденциальных поручений Карла Габсбурга. В Париже принцу Сиксту также настоятельно рекомендовали явиться на многообещающее свидание. Информированный через заведующего протокольным отделом министерства иностранных дел Виллиама Мартена, Раймонд Пуанкаре, президент Французской республики, проявил интерес к поступившему из вражеского стана приглашению. Перспектива оторвать Австрию от Германии представляла большой соблазн. Пуанкаре решил лично переговорить с принцем Сикстом и просил принять меры, чтобы Бриан, бывший в то время министром иностранных дел и главой правительства, остался в полном неведении относительно происходящего. Когда обстоятельства помешали Пуанкаре встретиться с принцем Сикстом, он поручил Жоржу Камбону, генеральному секретарю министерства иностранных дел, ознакомить принца с условиями, на которых Антанта могла бы договориться с Австро-Венгрией.

28 января 1917 г. на свидании с матерью, происходившем в нейтральной Швейцарии, принц Сикст узнал о готовности Карла заключить мир на условиях, достаточно приемлемых с французской точки зрения². Отклонив приглашение посетить императора, принц Сикст после поездки в Италию, предпринятой исключительно для того, чтобы рассеять могущие возникнуть подозрения о цели его пребывания в

Швейцарии, возвратился в Париж, где после доклада Камбону обсуждал венские предложения с Пуанкаре.

Французский президент вновь не счёл нужным известить своё правительство о завязавшихся переговорах с Австро-Венгрией и уже подавно не сделал ничего для информации союзных правительств.

По настоянию Пуанкаре принц Сикст вторично выехал в Швейцарию, где в Невшателе 13 февраля 1917 г. виделся с доверенным лицом австро-венгерского императора графом Томасом Эрдеди. По требованию принца Сикста граф Эрдеди отправился в Вену за письменным подтверждением сделанных предложений. Он вернулся 21 февраля и доставил записку от графа Чернина, листок с собственноручными заметками императора Карла и ряд писем от императрицы Зиты, от матери и младшей сестры принца Сикста. Со всеми этими документами принц Сикст возвратился в Париж и 5 марта 1917 г. был принят Пуанкаре.

Записка графа Чернина начиналась с утверждения, что союз между Австро-Венгрией, Германией, Турцией и Болгарией нерасторжим. «Сепаратный мир с одним из этих государств совершенно исключается». Тем самым он подтвердил, что за спиной Австро-Венгрии стоит Германия и что Вена выступает лишь в роли весьма заинтересованного посредника. Другие пункты записки, а особенно заметки Карла, свидетельствовали о том, что союзник Германии вступает в тайные переговоры с общим врагом — Францией, — в то же время обещая последней в вопросе об Эльзас-Лотарингии, Бельгии и в некоторых других поддержку против своего берлинского партнёра³. Положение создавалось довольно своеобразное, тем более что декларирование верности союзу с Германией и уверенность в готовности добиться от неё существенных уступок с разной степенью твёрдости звучали в заметках Карла и его министра. Всё это не только не создавало уверенности в том, что Австро-Венгрия ведёт речь о сепаратном мире с Францией и её союзниками, но порождало подозрение, что Австро-Венгрия и стоящая за ней Германия стремятся к отделению Франции от других стран Согласия. Это предположение подтверждалось в ходе последующих переговоров, санкцию на которые дали и Пуанкаре и информированный им, наконец, глава французского кабинета — Бриан.

Сношения союзников с Австро-Венгрией на этом не оборвались, но по мере их продолжения союзники всё больше убеждались в том, что в Вене пока помышляют ещё не столько о сепаратном мире, сколько о взрыве коалиции союзников.

Когда в Лондоне стало известно из сообщения британского посла в Христиании сэра Финдлея о том, что бывший австрийский посланник в Дании барон Франц обсуждал с норвежским королём способы достижения мира, Даунинг-стрит 1 февраля 1917 г. уполномочил сэра Френсиса Холлуда (позднее лорда Соулборо)

¹ Принц Сикст Бурбон Пармский был родным братом императрицы Зиты, жены Карла Габсбурга, с которым его связывали узы личной дружбы. За службу в бельгийской армии он был награждён французским орденом. По тому вниманию, которым он пользовался со стороны французского министерства иностранных дел, можно предположить, что строились планы использования принца в момент, избранный Парижем, но инициатива Вены опередила действия Кэ д'Орсей.

² Prince Sixte de Bourbon. L'offre de paix séparé de l'Autriche, p. 38—43. Paris. 1920.

³ Op. cit., p. 58—61.

посетить все три скандинавские столицы. Во время поездки Холвуд «имел несколько собеседований с лицами, которые называли себя австрийскими представителями, но эти лица так-таки не смогли организовать встречу между ними и официальными уполномоченными австрийского правительства»¹. Вскоре граф Менсдорф, бывший австро-венгерский посол в Лондоне, прибыл в Скандинавию, но непосредственные переговоры между ним и Холвудом не состоялись, видимо, вследствие давления, которое оказал на венское правительство Вильгельм II, посетивший в те дни Австрию².

Не дали результатов и встречные попытки завязать переговоры о мире, предпринятые в феврале 1917 г. по инициативе кайзеровского и царского правительств. Болгарский посланник в Берлине Ризов, имевший репутацию завязтого руссофила, нанёс визиты русскому посланнику в Стокгольме Неклюдову и русскому посланнику в Христиании Гулькевичу и уведомил их о готовности Германии заключить сепаратный мир с Россией. Неклюдов и Гулькевич заняли весьма сдержанную позицию в отношении предложения Ризова, но из Петрограда им была дана инструкция: в случае новых заявлений Ризова добиться от него формулировки условий мира³.

Несколько позднее, 26 февраля, министр иностранных дел Австро-Венгрии графу Чернину было сообщено о готовности царского правительства, переживавшего предсмертную агонию, заключить сепаратный мир на благоприятных для двуединой империи условиях. Чернин немедленно ответил согласием вступить в переговоры⁴. Незамедлительным выражением согласия германского правительства на заключение сепаратного мира с Россией ответил и принц Макс Баденский на сообщение, сделанное ему тёткой царя герцогиней Кобургской⁵. Но надежды Берлина и Вены на сделку с царём оказались недолговременными: разразившаяся в России буржуазно-демократическая революция смела самодержавие и сорвала реализацию зрелого заговора царя и кайзера.

Вскоре произошло ещё одно решающее событие первой мировой войны: 4 апреля

1917 г. в войну на стороне стран Согласия вступили США. Революция в России и вступление в войну США создали новую ситуацию и открыли новый этап в первой мировой войне. В новой обстановке, когда с каждым днём всё больше вырисовывалась перспектива неминуемого поражения Германии и её союзников, «мирная офензива» Германии не прекратилась.

Но последующие многочисленные попытки германской дипломатии внести разлад в объединённый фронт Англии, Франции, США и других союзных с ними стран, использовать имевшиеся в этих странах про-немецкие элементы, затянуть войну и рассорить своих врагов оказались тщетными. Чем сложнее становилось положение на фронтах, чем явственнее вырисовывалась приближающаяся катастрофа Германии, тем дикорядочнее искали немецкие дипломаты пути, чтобы увильнуть от поражения. Но избежать капитуляции Германии и её союзникам не удалось.

Спустя 23 года после подписания 11 ноября 1918 г. капитуляции Германии в Компьене, в дни, когда гитлеровские армии рвались к Москве, германское информационное бюро передало специальное сообщение министерства иностранных дел, в котором последнее торжественно отрекалось от приёмов дипломатии периода войны 1914—1918 годов. «Когда впоследствии будут писать историю этой войны (второй мировой войны. — А. М.), то в ней напрасно будут искать слова «зондирование Германии почвы для заключения мира», а будут только говорить о германской победе».

Несбывшиеся надежды, фальшивые слова! Не покладая рук трудятся гитлеровские дипломаты, дельцы, журналисты, коммивояжёры над тем, чтобы дипломатическими маневрами, «мирной стратегией» взорвать фронт Объединённых наций, перессорить их между собой, парализовать их активность, уклониться от сокрушительного объединённого удара, затянуть войну, отыскать любые пути, чтобы уйти от ответственности за чудовищные злодеяния, за политику международного разбоя. Отвратительные и коварные, циничные и кровавые «мирные» потуги гитлеровцев находятся в такой же неразрывной связи с военным положением Германии, как и «мирная» возня их предшественников в годы первой мировой войны. Тогда, в 1914—1918 гг., союзники сумели разгадать хитроумные козни Вильгельмштрассе. В современной войне у них гораздо больше возможностей максимально сузить поле германских дипломатических диверсий и привести пострадавшие народы к прочному миру на основе военного разгрома агрессоров и уничтожения фашистского режима в Германии.

¹ Ллойд-Джордж Д. «Военные мемуары». Т. IV, стр. 171. М. 1935.

² См. там же, стр. 171—172.

³ См. сборник «Константинополь и проливы». Т. II, стр. 384—385. М. 1926.

⁴ См. Чернин О. «В дни мировой войны», стр. 156—158. Птрг. 1923.

⁵ Prinz Max von Baden «Erinnerungen und Dokumente», S. 85. Berlin. 1928.

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

К ВОПРОСУ О ВОССТАНОВЛЕНИИ НОВГОРОДА

Б. Греков,
действ. чл. АН СССР

Радостная весть об освобождении Великого Новгорода от власти фашистов омрачилась потрясающим зрелищем разрушения древнего русского города. Сейчас он лежит в развалинах. Погибли ценнейшие памятники русской культуры, имевшие мировое значение. В груды камня превращены знаменитая Нередица, Волотово, Андрей Стратилат, Кириллов монастырь, Ковалёво, Сквородка, Благовещение на Юриковом городище. Сильно пострадали Юрьев монастырь, св. София, церковь Спаса на Ильине с знаменитыми росписями Феофила Грека. Пострадали также Детинец, церковь Фёдора Стратилата, Николо-дворищенский собор.

В древнем русском городе не осталось ни одного жилого дома.

Перед нашей страной стоит огромной важности задача — спасти что можно, воскресить старейший русский город на Волхове.

Несколько специальных комиссий уже посетило пепелище. Специалисты и неспециалисты не могут не думать о дальнейших судьбах нашего старого культурного наследия.

Не может быть сомнений в том, что все, размышляющие о способах восстановления Новгорода, горят одним желанием — сделать это большой важности дело как можно лучше. Но расхождения по вопросу о том, как именно это сделать, уже и сейчас значительны.

Есть, например, сторонники того, чтобы при реставрации того или иного памятника постараться восстановить его в самом первоначальном виде, лишить памятник следов его истории.

Если пойти в этом направлении и поставить себе целью придать Новгородской Софии её вид 1052 г., то пришлось бы снести пристройки XII в. и более поздние, убрать Корсунские ворота и пр.

Можно ли это делать? В Новгороде много памятников XVII—XIX веков. Следует ли их убирать?

Мне думается, нельзя, потому что не следует уничтожать следов истории города и истории отдельных его сооружений.

Если исследователю нужно решать проблему города или того или иного его памятника, относящегося к определённой эпохе, он может достигнуть этого и другими путями. Но ведь столь же законна и другая задача — охватить жизнь памятника или целого комплекса памятников на протяжении веков. Едва ли мы имеем право лишать кого-либо возможности решать и эту последнюю, вполне законную задачу.

Как быть с разрушенными памятниками? Восстанавливать ли их, делать ли копии их, подобно тому как сделали в Ленинграде копию петровского Петропавловского собора, сгоревшего уже в XX в., или же оставить руины, поставив их под крышу для защиты от дальнейшего разрушения? Может быть, сделать и то и другое: охранить руины и построить рядом копию для восстановления облика города, для сохранения стиля здания, которое мы можем восстановить полностью и чего не смогут уже сделать следующие поколения?

Как строить самый город? Оставлять ли улицы по екатерининскому плану или по плану древнего города? Какими должны быть жилые дома на этих улицах? Нужно ли стараться соблюсти старорусский стиль или восстановить в той или иной мере вид губернского города XVIII—XIX веков? Наконец, не исключена возможность проекта построить в Новгороде большие каменные дома, удобные для жизни, но не имеющие никакого отношения к старой традиции.

Есть уже соблазнительные соображения и об озеленении города.

Все эти вопросы поставлены самой жизнью. От решения их никто отказаться не может и не хочет. Нам всем дорог этот знаменитый город-музей.

И прежде чем приступить к делу, надо тщательно и всесторонне его обдумать.

ОТ РЕДАКЦИИ

Редакция «Исторического журнала», публикуя письмо акад. Б. Д. Грекова, предлагает в порядке обмена мнениями высказаться по этому поводу. В первую очередь редакция обращается к историкам, археологам, историкам архитектуры и живописи. Редакция просит и неспециалистов, всех, у кого будут предложения по этому вопросу, высказаться на страницах «Исторического журнала».

Великий Новгород — это ценность общенародная. Дело его реставрации — тоже дело народное.

К ВОПРОСУ О ВОССТАНОВЛЕНИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

(На сессии Академии архитектуры СССР)

Б. Кремортат •

В середине июля текущего года состоялась сессия Академии архитектуры СССР. Одно из заседаний сессии было посвящено актуальнейшему и чрезвычайно интересному вопросу о проектах планировки восстанавливаемых городов СССР, богатых историческими памятниками. Особое внимание сессии вызвал вопрос о восстановлении древних русских городов, разрушенных немецкими варварами, о сохранении их стиливого облика, о восстановлении исторических памятников.

Акад. Щусев, посетивший вместе с группой архитекторов освобождённый от фашистов Новгород, сообщил, что город почти полностью разрушен. Погиб ряд прекрасных памятников самобытного русского искусства. Памятники, замечательные своей красотой и вместе с тем непревзойдённой простотой и скромностью выполнения, придавали этому городу особую историческую и культурную значимость. Перед теми, кто приступает к восстановлению Новгорода, стоит труднейшая задача: нужно восстановить город таким образом, чтобы, придав ему черты современности, одновременно сохранить исторический колорит и неповторимую красоту архитектурных памятников древнерусского искусства, которыми так богат этот форпост русской культуры на Западе.

Для решения этой задачи предполагается, «не подделываясь под старину, оттолкнуться от старого Новгорода и создать новые вещи», как заявил акад. Щусев. Предполагается общая застройка города домами не выше двух — трёх этажей; в отдельных местах намечено сохранить александровский ампир; на кремлёвской стороне, где сохранилось несколько старинных палат, возможно в этом же стиле продолжить застройку. Автостраду акад. Щусев предлагает вынести на северную сторону города, в самом же городе расположить его деловую часть, парки, установить памятники героям Отечественной войны, окружённые небольшими зелёными площадками. Наряду с этим проектируется создание заповедника на основе Кремля и Ярославова дворища. Весь проект должен быть закончен в кратчайший срок — к 1 января 1945 года.

Часть памятников немцам всё же не удалось вывезти из Новгорода. Так, не успели они вывезти памятник «Тысячелетия России», хотя уже разобрали и погрузили его в вагоны. Памятник будет собран и восстановлен.

С большим программным докладом выступил акад. Иофан, который считает необходимым бережно и любовно подходить к архитектурному наследию города. Акад. Иофан говорит об огромном значении для нашего современного строительства монументальной архитектуры, которая должна выразить небывалый в истории человечества героизм нашего народа в борьбе против немецких варваров за свою родину, за лучшее будущее всего человечества. На основе этих принципов докладчик намечает перепланировку города Новороссийска.

Акад. Гольц напоминает об историческом прошлом Смоленска, который на протяжении своего многовекового существования неоднократно подвергался разрушениям и вновь восстанавливался, но никогда не был так страшно и свирепо разрушен, как в период его временного захвата немецко-фашистскими варварами. «Об этом городе писал Стендаль, — говорит акад. Гольц, — что это один из самых прекрасных городов Европы». Хотя город сильно разрушен, но облик его сохранился. Сохранились церкви, Успенский собор с иконостасом исключительной художественной ценности. «Моя мечта, — говорит акад. Гольц, — восстановить зелёные холмы, т. е. лирику Смоленска, и по склону слева — поднимающиеся дома, а справа — спускающиеся».

По мнению акад. Гольца, центр Смоленска с ростом города надо перенести по направлению его развития — на юг. Акад. Гольц проектирует вынести большую площадь на обрыв и поставить там фигуру Ленина, которая открывала бы начало магистрали, проходящей по городу с севера на юг и заканчивающейся новой площадью на высоте 120—130 м над уровнем Днепра.

Выступления мастеров советского зодчества на сессии показали, что советские архитекторы вместе со всем народом нашей страны напряжённо работают над разрешением задачи огромной по масштабу и исключительно важной по своему культурно-историческому значению — восстановлением разрушенных фашистскими варварами памятников величия и культуры русского народа. Дружеское сотрудничество советских архитекторов и историков обеспечивает выполнение этой задачи на высоком политическом и историко-культурном уровне.

СОВЕТСКАЯ ШКОЛЬНАЯ РЕФОРМА 1918 ГОДА

Ю. Оснос

Советский народ ведёт победоносную Отечественную войну против германского фашизма, опираясь на огромные достижения двадцатилетнего политического, хозяйственного и культурного развития нашей страны. Происшедшая в СССР культурная революция не только создала квалифицированные кадры, построившие сталинскую индустрию и снабдившие Красную Армию первоклассной техникой: она подготовила миллионы людей, овладевших этой техникой в сложных условиях современной войны. Культурная революция являлась, таким образом, одним из крупнейших источников нашей оборонной мощи.

Используя свои завоевания во всех областях культуры в борьбе с врагом, советский народ противопоставляет их фашистскому варварству и мракобесию и выступает как защитник мировой цивилизации от фашистского разрушения.

Германский фашизм открыто объявил одной из своих задач уничтожение человеческой цивилизации. Заведующий кафедрой «политической педагогики» Берлинского университета А. Боймлер провозглашает, что фашизм — это «замена образованных людей солдатами». Его соратник А. Тобиас пишет: «Настоящему германцу не нужны умственные способности — они чужды северянину. Это — качество евреев, славян и монголов». Г. Костер заявляет, что источник зла — «просвещение», и проклинает естествознание и современную технику, исторически связанные с просвещением¹.

Гитлеровцы полностью разрушили во временно оккупированных ими странах школу — основу культурного развития, — а в самой Германии превратили её в авгиеву конюшню, заменив большую часть положительного содержания школьной науки «расовыми» фальсификациями. Фашисты превратили школу в рассадник средневекового невежества, питомник звероподобных тупиц, умеющих лишь грабить и убивать в интересах империалистических заправил гитлеровской Германии.

В свете изложенного особый интерес представляет история школьной реформы.

Великая Октябрьская социалистическая революция, установив на одной шестой части земного шара господство трудящихся, произвела «коренной перелом в истории человечества... в культуре и идеологии эксплуатируемых масс всего мира»². Она положила конец отсталости царской России и открыла перед страной возможности столь быстрого культурного развития, какого не знала ни одна другая страна.

¹ См. Комаров В. «Отечественная война и наука», стр. 3. Госполитиздат, 1942.

² И. Сталин «Об Октябрьской революции», стр. 129. Партиздат, 1932.

Реальная отправная база строительства советской культуры была необычайно узкой. В царской России просвещение являлось областью, в которой феодально-крепостнические черты сохранялись в наиболее устойчивом виде. Самодержавие сознательно засаждало в стране невежество. Этому содействовала буржуазия, которая, боясь нараставшей социалистической революции, поддерживала «тесный союз со старой властью» и обнаруживала такую полную «свободу» «от чего-нибудь хоть отдалённо похожего на искренние симпатии к культуре, к прогрессу»³, как ни одна другая национальная буржуазия.

Характерно, что в царской России почти отсутствовали сведения о состоянии просвещения. Только в 1911 г. в России была впервые проведена однодневная школьная перепись, и её данные фактически остались единственными сколько-нибудь полными и удовлетворительными данными вплоть до Октябрьской революции.

По числу учащихся Россия занимала последнее место в Европе: «показатель образования» (число учащихся на 100 жителей) в России равнялся 3,8, в то время как в Сербии — 11,9, в США — 22. В царской России обучалось менее трети детей школьного возраста. Ежегодно около 8 млн. подрастающих граждан оставались неграмотными. Царское правительство расходовало на народное образование 56 коп. в год на одного жителя, в то время как в Англии расходовалось 6 р. 04 копейки.

В области содержания и организации школьного обучения проявляли себя те же острые противоречия, которые определяли развитие страны в целом. Положительным содержанием школьной науки в России являлась сумма знаний, выработанных человечеством в его историческом прогрессе. Эти знания были обогащены великими достижениями русской национальной культуры и передовыми идеями и воспитательными методами, провозглашёнными русской демократической педагогикой. Однако это огромное позитивное содержание было в значительной мере искажено вследствие отсталости государства и проводимой политики правящих классов.

Вплоть до Октябрьской социалистической революции продолжали действовать школьные «положения» 1874 и даже 1828 гг., согласно которым основной задачей органов просвещения являлось «охранение дела народного образования от посторонних пагубных влияний, поддержание и упрочение оного в духе религии и нравственности и возложение заботы о достижении сей цели на совместные усилия министерства народного просвещения, духовенства и дворянства»⁴. Из 154 тыс. преподавателей

³ Ленин Соч. Т. XII, стр. 54.

⁴ Цит. по Е. Медыньскому «История педагогики», стр. 461. М. 1929.

школ царской России 50 тыс. отнюдь не были педагогами, а являлись служителями культа, священниками. Школа во многом носила сословный характер. Между отдельными ступенями школы существовали перегородки, мешавшие большинству детей переходить из низшего типа школ в высший. Официально для крестьян и рабочих была предназначена начальная школа, для детей дворян и буржуазии — гимназии, реальные училища и высшие учебные заведения. Ничтожное количество детей, которым удавалось попасть в низшую школу, получало там лишь начатки знаний. В церковно-приходских школах основное место занимало религиозное обучение.

Ещё более тяжёлым было положение народного образования в колониальных окраинах. Царизм сознательно подавлял культурное развитие покорённых народов, душил их национальное самосознание и насаждал невежество. Огромному большинству населявших Россию народов было запрещено обучение на родном языке. Отрывочные данные относительно «обучения инородцев» в царской России показывают, до каких пределов невежества были доведены царизмом угнетённые им нации. Из 1,5 млн. татар Казанской губернии в 1915 г. в русской школе обучались 526 человек и в религиозных мектебе и медресе — 54 тысячи. В Западной Сибири из 1,5 млн. татар и киргизов в школе обучались 4,5 тыс. человек. В Ферганае в школах училось 0,5 процента детей школьного возраста, в Самаркандской области — 0,9 процента, в Закаспийской области — 1,4 процента. Во всей Башкирии в средней школе обучалось лишь 12 башкир¹.

Подобное состояние просвещения в царской России было обусловлено экономическими и политическими особенностями её развития. Сфера просвещения отражала вопиющие противоречия российского империализма. Культурная отсталость царской России содействовала превращению страны в полуколонию западного империализма, так как рост производительных сил и развитие отечественной промышленности наталкивались на непреодолимые преграды. Одновременно культурная отсталость народа являлась одним из условий поддержания господствующими классами своей политической власти. После победы социалистической революции задача осуществления коренного культурного переворота встала таким образом перед советским государством как жизненно-важная и неотложная.

Использование передовой техники, культурное и идеологическое перевоспитание трудящихся масс социалистическим государством могли быть достигнуты только в результате широчайшего распространения общего образования, технических и научных знаний и достижения определённого уровня культуры.

Взяв власть в свои руки, трудящиеся по-

лучили широчайшие возможности для ликвидации культурной отсталости России. Политический переворот, говорил Ленин, был у нас и предшественником и необходимым условием культурного переворота.

Самым действенным средством поднятия культурного уровня страны партия считала общеобразовательную школу — основное и наиболее массовое орудие просвещения. Уже через несколько недель после октябрьской победы Ленин указал, что «необходимо приложить все силы, энергию и знания, чтобы возможно скорее возвести здание нашей будущей трудовой школы»².

Идейные принципы большевизма в области просвещения и школы выковывались задолго до революции в каждодневной политической борьбе рабочего класса. Развитые и обогащённые Лениным и Сталиным после победы революции, они определили исторические мероприятия советской власти в данной области. В противовес капиталистической школе, воспитывающей либо «рабов» либо «надсмотрщиков» буржуазии, партия выдвигала необходимость создания школы, до конца связанной с народом, с великими целями борьбы за социализм. Деятельность этой школы Ленин мыслил как неразрывную часть проводившейся советским государством работы по коммунистическому переустройству и перевоспитанию общества.

Ленин и Сталин, большевистская партия ещё до революции разработали не только теоретические основы социалистического просвещения, но и конкретные мероприятия на пути к их претворению в жизнь. В связи с пересмотром программы нашей партии в 1917 г. Ленин наметил в области народного образования следующие мероприятия: отделение школы от церкви; полную светскость школы; право населения получать образование на родном языке; создание за счёт государства национальной школы; бесплатное и обязательное общее и политехническое образование для всех детей обоёго пола до 16 лет; тесную связь обучения с детским общественно-производительным трудом; снабжение всех учащихся пищей, одеждой и учебными пособиями за счёт государства³.

С первого же дня своего существования советское правительство и партия развернули огромную работу по разрешению задач, поставленных Лениным и Сталиным в области народного просвещения.

Необходимыми предпосылками строительства социалистической культуры являлись уничтожение буржуазного аппарата просвещения и создание аппарата советского.

«Чтобы свергнуть капитализм, — говорит товарищ Сталин, — необходимо было не только снять с власти буржуазию, не только экспроприировать капиталистов, но и разбить вовсе государственную машину

¹ См. Чехов Н. «Народное образование в России». М. 1915.

² См. Крупская Н. «Ленин и культура», стр. 8. М. 1934.

³ См. Ленин. Соч. Т. XXX, стр. 305.

буржуазии, её старую армию, её бюрократическое чиновничество, её полицию, и поставить на её место новую, пролетарскую государственность, новое, социалистическое государство»¹. Эта задача в области народного образования, как и в других областях, решалась в условиях жестокой классовой борьбы и бешеного сопротивления всех враждебных народу сил.

С первого же дня победы советской власти буржуазия, помещики и различные контрреволюционные партии приступили к организации широкого антисоветского саботажа. Всероссийский учительский союз (ВУС), находившийся под влиянием правых эсеров, возглавил саботаж в области народного просвещения. Вступив в контрреволюционный «комитет спасения родины и революции», ВУС призвал учительство к активной борьбе против советской власти. Буржуазия пыталась создать из учительства подлинную контрреволюционную армию. 18 декабря 1917 г. ВУС удалось организовать учительскую стачку в Петрограде. Вслед за ней началась стачка в Москве, первоначально охватившая около 4 тыс. педагогов. Учительские забастовки происходили также в ряде провинциальных городов. Однако замыслы буржуазии потерпели крах. Применяя решительные меры против вожаков учительского саботажа и сплотив демократическое учительство во Всероссийском союзе учителей-интернационалистов, советское правительство успешно ликвидировало важнейшие очаги стачек.

Уже 9 ноября 1917 г. было упразднено министерство народного просвещения и созданы высшие советские просветительные органы — Государственная комиссия и Народный комиссариат просвещения.

Общее руководство народным просвещением находилось в руках Государственной комиссии, которая строилась частично по назначению, частично как выборная от местных просветительных учреждений и общественных и профессиональных организаций. Председателем комиссии был народный комиссар по просвещению, одновременно возглавлявший высший исполнительный орган комиссии — Народный комиссариат просвещения. Государственная комиссия периодически созывала всероссийские съезды по просвещению, перед которыми отчитывалась в своей работе. При местных советах создавались отделы народного образования.

Создание руководящих органов просвещения в центре было в основном закончено к весне 1918 года². Затем должно было последовать практическое завоевание просветительного аппарата страны — всей сети просветительных учреждений.

¹ И. Сталин. Отчётный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б), стр. 54. Госполитиздат. 1939.

² Здесь мы касаемся этого процесса лишь вскользь. Более подробно он освещён нами в журнале «Историк-марксист» № 8 за 1940 год.

22 ноября Государственная комиссия постановила послать комиссаров в провинцию для выяснения положения на местах³, а уже 1 декабря 1917 г. принято постановление «считать назревшей ликвидацию учебных округов»⁴. 21 декабря Наркомпрос вынес решение об окончательном упразднении губернских дирекций и инспекций народных училищ, попечителей и инспекторов учебных округов⁵.

Чем шире распространялись советы по стране, тем более решительно настаивал Наркомпрос на передаче органов народного образования в руки советов. 1 декабря Государственная комиссия обратилась к местным советам с предложением готовиться к принятию дел от учебных округов⁶. 20 декабря Государственная комиссия предписала местным советам учредить при советах культурно-просветительные секции, «к которым комиссариат будет обращаться за справками о положении дел на местах»⁷. Секции должны были состоять из представителей профсоюзов, фабзавкомов и кооперативов. Таким образом, учреждался своеобразный «рабочий контроль» в области просвещения.

Советская власть одновременно готовила следующий политический шаг: 8 января была создана комиссия «для разработки вопросов о переходе дела народного образования от самоуправления к советам»⁸, а 18 января комиссия приняла окончательное решение: «Признать необходимым переход дела народного образования к советам»⁹. 20 февраля Наркомпрос опубликовал постановление «О проведении реорганизации дела народного образования», чем фактически осуществил передачу просветительной сети страны в руки советской власти. В постановлении указывалось, что советы «должны немедленно же взять на себя контроль над делом народного образования»¹⁰.

Как правило, отделы или комиссариаты по народному образованию возникали одновременно с конструированием местных органов советской власти. Так, например, в Фатеже уездный съезд советов 24 января постановил упразднить «все старые учреждения» и передать власть в руки советских органов. Одновременно постановление предписывало уезду и волостным «революционным советам» ликвидировать дирекции и попечительства и сосредоточить у себя всё школьное дело. Съезд постановил создать при уездном совете специ-

³ Центральный архив Октябрьской революции (ЦАОР), ф. 2306, оп. 3, д. № 70, л. 3.

⁴ Там же, л. 8.

⁵ «Сборник декретов и постановлений по народному образованию». Вып. 1-й, стр. 33—34, 1918.

⁶ ЦАОР, ф. 2306, оп. 3, д. № 70, л. 8.

⁷ Там же, л. 20.

⁸ Там же, л. 25.

⁹ Там же, л. 30.

¹⁰ ЦАОР, ф. 2306, оп. 2, д. № 13, л. 23.

альный отдел, контролирующий дело просвещения в уезде¹.

В Астрахани губернский комиссариат просвещения также был образован непосредственно после перехода власти в руки советов. В конце февраля в его состав входили уже две комиссии — «большая» и «малая». По условиям связи комиссариату трудно было сразу наладить руководство местными органами народного просвещения. Это было сделано с открытием навигации. «На полное установление связи со школой и учительством было потрачено около четырёх недель, и с первой половины марта все зарегистрированные школы выполняли текущую работу по указаниям комиссариата»². В конце декабря 1917 г. при Воронежском губернном совете возник культурно-просветительный отдел. В феврале 1918 г. совет принял постановление организовать подобные отделы «теперь же, безотлагательно при всех уездных и волостных советах». Решение было мотивировано «необычайно острой потребностью в знаниях, существующей среди сельских граждан всей Воронежской губернии»³. Возникновение советских органов просвещения в отдельных районах страны задерживалось особыми условиями классовой борьбы (прежде всего на окраинах и в прифронтовой полосе). Лишь в конце марта 1918 г. были образованы комиссариаты народного образования в Ямбургском уезде⁴ и в Златоусте⁵. Западносибирский учебный округ был ликвидирован только в начале мая 1918 г., когда его дела были переданы Томскому губернскому отделу народного образования.

Попытки земств организовать сопротивление переходу органов просвещения к советам были безуспешными. Триумфальное шествие советской власти было настолько мощным, что эти органы буржуазии почти не решались вступать в открытый бой. Они ограничивались большей частью лишь негодующими резолюциями и призывали учительство не работать в советской школе. Местные советские организации сознавали свою силу и обычно оставляли без внимания эти протесты, а попытки сопротивления решительно и быстро пресекали.

Характерным с этой точки зрения является инцидент с боровским земством (Калужская губерния). Уездный совет был образован здесь 17 февраля 1918 г., а 27 февраля были закрыты земские учреждения и повсеместно заменены советскими органами. Земства ответили на это призывом к учителям закрыть школы. Часть учителей, находившаяся под влиянием земства, отлично зная, что у молодого со-

вета нет денег, потребовала немедленной выплаты им жалованья, хотя от земства учителя заработной платы не получали уже давно и молчали. В случае невыполнения этих требований учителя пригрозили прекратить занятия в школах. Боровский исполком обложил местную буржуазию контрибуцией и из полученных средств уплатил учителям жалованье. Попытка саботажа была сорвана⁶.

Обычно молодые комиссариаты и отделы народного образования сразу энергично брались за дело. Они завершали ликвидацию старого просветительного аппарата и немедленно приступали к реформированию школы на советских началах. За два месяца своего существования рязанский комиссариат ликвидировал инспекции, дирекции, упразднил в школах преподавание религии, провёл съезд уездных комиссаров по просвещению⁷.

Вологодский культурно-просветительный отдел примерно за тот же срок «окончательно сформировался» и приступил к практической реорганизации народного образования. «Главная задача, — указывал отдел в своём отчёте, — заключалась в установлении на местах, в уездах и волостях работоспособных органов... Задача эта выполняется успешно, с мест идут сведения очень отрядные. Местная трудовая интеллигенция, за немногими исключениями, охотно предлагает свои знания и опыт»⁸. Орловский комиссариат «сразу же взялся за расширение сети»⁹.

Таким образом, Народный комиссариат просвещения во всех своих мероприятиях опирался на огромную работу, проделанную массами, оформляя то, что ими было достигнуто, и стимулируя и направляя их дальнейшую творческую инициативу.

К 31 мая 1918 г. во всех областных и губернских советах были созданы в том или ином виде советские органы народного образования¹⁰.

Из 74 губернских и областных органов народного образования 67 (90 процентов) были в руках советов, из уездных — 77 процентов. В начале июня 1918 года на территории Советской республики насчитывалось 239 комитетов, отделов и советов народного образования¹¹. «Дело народного образования прочно взято в руки советских организаций»¹². К августу 1918 г., констатировали «Известия ВЦИК», в подчинении советов находились все областные и губернские просветительные организации и 99 процентов уездных.

Таким образом, к весне 1918 г. партия и советская власть добились в выполнении

⁶ См. «Коммуна» (Калуга) от 5 сентября 1918 года.

⁷ См. «Известия Рязанского совета» от 16 и 18 мая 1918 года.

⁸ «Известия Вологодского совета» от 9 июня 1918 года.

⁹ «Орловские известия» от 4 сентября 1918 года.

¹⁰ ЦАОР, ф. 2306, оп. 2, д. № 15, л. 11.

¹¹ «Пролетарская революция» № 2 за 1926 год, стр. 59.

¹² «Известия ВЦИК» от 8 июня 1918 г.

¹ См. «Известия Курского совета» от 17 февраля 1918 года.

² «Известия Астраханского совета» от 28 июня 1918 года.

³ «Известия Воронежского совета» от 3 марта 1918 года.

⁴ См. «Известия Петроградского совета» от 4 апреля 1918 года.

⁵ См. «Известия Петроградского совета» от 18 мая 1918 года.

задач, стоящих перед народным образованием, крупных успехов. В результате победы социалистической революции были уничтожены политические основы культурной отсталости страны; просветительный аппарат был изъят из рук помещиков и буржуазии; попытки сопротивления буржуазной интеллигенции были в основном преодолены; десятки тысяч школ стали достоянием народа.

Весной 1918 г. Ленин наметил свой гениальный план социалистического строительства. В качестве одного из основных условий план предусматривал повышение культурного уровня масс. Ведущие идеи плана Ленин непосредственно связывал с вопросами народного образования. «Одна из самых главных задач теперь, если не самая главная,— писал Ленин в статье «Как организовать соревнование?», — развить как можно шире этот самостоятельный почин рабочих и всех вообще трудящихся и эксплуатируемых в деле творческой организационной работы... Ни на минуту не забудут рабочие, что им нужна сила знания. Необыкновенное рвение, которое проявляют рабочие в деле образования, проявляют как раз сейчас, доказывает, что на этот счёт заблуждений в среде пролетариата нет и быть не может»¹.

Начав борьбу за ленинский план социалистического строительства, партия и советское правительство сделали новый шаг в развитии культурной революции — перешли к конкретному строительству новой, социалистической системы просвещения.

В этот период были проведены исторические законодательные мероприятия, утверждающие основные принципы социалистического просвещения, и началось реальное проведение этих принципов в жизнь.

С марта 1918 г. законодательная реформа школы становится в центре работы Наркомпроса. Подготовкой её были заняты почти все отделы комиссариата. Кроме того в системе Наркомпроса был создан специальный отдел — «Реформы школы».

Разработанное Наркомпросом по указаниям Ленина и ЦК РКП(б) советское законодательство о школе в 1918 г. претворяло в области просвещения исторические завоевания диктатуры пролетариата и конкретно утверждало принципы социалистического народного образования.

«Настоящая школьная реформа не представляет собой продукт индивидуального или коллективного педагогического творчества. Это подлинная школьная революция и революция, производимая не какими-либо откуда-то взявшимися новаторами, а бадвинувшейся, как неизбежное следствие совершающейся социальной революции, её расширение и углубление»².

Среди законодательных актов о просвещении первостепенное значение имеет декрет о национальной школе.

После победы Октябрьской социалистической революции одной из основных задач было уничтожить до конца национальный гнёт и построить новое, многонациональное советское государство, в котором каждая нация имела бы условия для неограниченного государственного, экономического и культурного развития. Во главе Народного комиссариата по делам национальностей партия поставила выдающегося политического деятеля и лучшего теоретика по национальному вопросу — товарища Сталина 15 ноября 1917 г. советское правительство приняло «Декларацию прав народов России», подписанную Лениным и Сталиным. «Декларация» провозгласила полное равноправие всех народов России и установила основные политические принципы социалистического содружества наций. 31 октября 1918 г. было опубликовано постановление Наркомпроса «О школах национальных меньшинств», наметившее практические пути претворения в жизнь принципов «Декларации» в области народного образования. Это постановление предоставляло право всем национальностям республики организовать обучение на своём родном языке в низшей, средней и высшей школах. Школы национальных меньшинств открывались повсеместно, где имелось достаточное количество учащихся данной национальности.

Это мероприятие заложило основу развития социалистической по содержанию и национальной по форме культуры. Оно служило важнейшим средством ликвидации вековой отсталости угнетённых народов России и обеспечивало подготовку из их среды сотен тысяч квалифицированных работников социалистического строительства. Вместе с тем введение обучения на родном языке и открытие школ для всех народов страны лишали почвы руссификаторские устремления русской буржуазии и националистическую проповедь местной буржуазии и феодалов.

5 февраля 1918 г. декретом Совнаркома была отделена церковь от государства и школа от церкви.

«Церковь отделяется от государства, — гласило постановление. — Всякие правонарушения, связанные с исповеданием какой бы то ни было веры или неисповеданием никакой веры, отменяются... Школа отделяется от церкви. Преподавание религиозных вероучений во всех государственных и общественных, а также в частных учебных заведениях, где преподаются общеобразовательные предметы, не допускается»³.

Декрет от 5 февраля освобождал государственный строй от крупнейшего пережитка средневековья. Являясь задачей буржуазной революции, отделение церкви от государства и школы от церкви не было до конца доведено ни одной из них и было отвогнуто Временным правительством в России.

¹ Ленин. Соч. Т. XXII, стр. 162.

² «Известия ВЦИК» от 20 июля 1918 года.

³ «Собрание узаконений и распоряжений», стр. 263. 1918.

Декрет устранил из школы десятки тысяч служителей религиозного культа. Но, вводя светское образование, декрет решал тем самым существеннейшую задачу социалистического просвещения и передовой педагогики: он ставил воспитание молодёжи на почву прогрессивной материалистической науки, освобождая его от религиозной мистики и идеалистической схоластики.

31 мая 1918 г. советское правительство декретировало введение совместного обучения во всех звеньях школы. Для быстрого проведения в жизнь совместного обучения декрет предписывал, чтобы при новом приёме мужские учебные заведения принимали в первую очередь женщин, а женские — мужчин¹.

Введение совместного обучения, предусмотренного в программе партии, было продиктовано в первую очередь необходимостью ликвидации женского неравенства.

Российская буржуазия старательно охраняла остатки средневековья в положении женщины, опасаясь вовлечения её в политическую борьбу. Одним из важных средств к этому было противодействие женскому просвещению. На пути к получению женщинами образования самодержавие создало множество преград, и раздельное обучение являлось в его руках одной из них.

Советское правительство, ставя себе целью ликвидировать устои старой школы и стремясь к максимально быстрому и полному вовлечению женщин в социалистическое строительство, отменило раздельное обучение.

Декрет о совместном обучении был таким образом внутренне связан с декретом о гражданском браке от 18 декабря 1917 г., разрушавшим основы женского неравенства.

Совместное обучение на первом этапе революции имело и чисто практическую цель. В условиях острого недостатка педагогов и материальной разрухи школы оно облегчало и упрощало задачу создания тысяч новых школ.

16 октября 1918 г. председатель ВЦИК Я. М. Свердлов подписал «Положение о единой трудовой школе РСФСР». В этом «Положении» суммировались изданные ранее декреты, узаконялись новые реформы и утверждались все принципиальные основы социалистической школы. «Положение» упразднило многотипность школ царской России и их деление на начальные, высшие начальные, гимназии и т. п. Всем школам, кроме высшей, присваивалось название «единая трудовая школа». Статья «Положения», устанавливавшая единство школы, была непосредственным развитием исторического декрета Сознаркома от 10 ноября 1918 г., уничтожившего деление на сословия и упразднившего привилегии «высших» сословий — дворян и купцов — и бесправие «низших» — крестьян и мещан.

В основу советской школы был положен подлинно советский демократизм, вырастающий из социалистической сознательности учащихся и учащихся и соответствующий принципам советской государственности.

«Положение» установило, что школьный коллектив состоит из всех учащихся и работников данной школы.

В «Положении» наряду с этим было несколько пунктов, отражавших специфические условия начального этапа социалистической революции. Стремясь до конца очистить школу от элементов полицейской муштры и бездушного формализма, советские органы шли на временную отмену некоторых установлений, вытекающих из учебного процесса: экзаменов, взысканий и т. п.

Новая, социалистическая школа представляла собой 9-летнее учебное заведение, состоящее из двух ступеней: 1-я ступень — от 8 до 13 лет, 2-я — от 13 до 17 лет. Для того чтобы устранить на пути к образованию всякие помехи, созданные тяжёлым материальным положением трудящихся в старой России, «Положение» устанавливало бесплатное обучение в школе. Огромное историческое значение имела ст. 4 «Положения», узаконявшая введение всеобщего обязательного обучения. «Посещение школы 1-й и 2-й ступени обязательно для всех детей школьного возраста», — гласила статья. Тем самым реализовался важнейший пункт большевистской программы в области просвещения. Однако эта статья сопровождалась примечанием: «Обязательное обучение вводится немедленно всюду, где количество школ достаточно для обслуживания всего детского населения и где условия общедоступности образования имеются налицо». Таким образом, статья 4-я имела частично декларативный характер. В обстановке, в которой находилась страна спустя лишь год после того, как произошла революция, конечно, нельзя было думать о немедленном претворении в жизнь всеобщего обучения. Но эта статья показывала народным массам, что советская власть намерена осуществить их глубочайшие надежды и чаяния. Статья связывала действительное введение всеобщего обучения с дальнейшими победами социалистического строительства и мобилизовала массы на борьбу за эти победы.

Советское законодательство определяло не только организацию школы, но и содержание её работы. Осуществляя указания Маркса и Энгельса о соединении обучения с производительным трудом и реализуя великую идею Ленина о служении народного просвещения экономическому переустройству общества и повышению производительности труда, советская власть устанавливала связь между обучением и практическими потребностями социалистического хозяйства и решительно упраздняла оторванность школы от жизни. «Основой школьной жизни, — гласила статья 12-я, — должен служить производительный труд. Он должен быть тесно, органически связан с обучением, освещающим светом

¹ «Собрание узаконений и распоряжений», стр. 499.

знания всю окружающую жизнь»¹. Ряд постановлений, принятых вслед за «Положением», ещё более стимулировали подготовку кадров для советского хозяйства и поднятие производительности труда. В выпущенном Наркомпросом специальном обращении говорилось, что задача советского народа — не только сохранить капиталистическое оборудование, но и «значить постепенно повышать его производительность». Этой цели и должна быть посвящена в первую очередь работа советских органов народного образования. Наркомпрос при этом указывал, что, как ни велика роль школы в выполнении данной задачи, осуществить её удастся лишь в том случае, если наряду с общеобразовательной школой работу в том же направлении будут вести специальные школы.

«Крестьяне и рабочие во многих местах требуют технической профессиональной школы для своих детей, которая обучала бы их какому-нибудь полезному ремеслу или промыслу. Нет никакого сомнения, что там, где такие школы существуют мы обязаны их поддерживать, там, где их нет, — создавать»².

Осуществляя школьную реформу, партия и советская власть органически связывали задачу воспитания сознательных работников социалистического общества с подготовкой умелых защитников отечества. 22 апреля 1918 г. был опубликован декрет ВЦИК об обязательном обучении военному искусству. Декрет подчёркивал, что власть принадлежит трудящимся только в одной Советской республике. Окружающие её капиталистические страны будут неминуемо готовить вооружённое нападение на советский народ. Исходя из этого, декрет обязывал каждого гражданина РСФСР проходить военное обучение и вводил военное обучение в школах начиная с «раннего школьного возраста»³. Характерно, что те же принципы, на которых строилось содержание декрета, были повторены 21 год спустя — в 1939 году. Этим подтверждались изумительное единство и целеустремлённость политики партии и советской власти в области просвещения.

Законодательство о школе 1918 г. имело огромное историческое и практическое значение: оно заложило основы социалистической школы, создающей кадры для советского народного хозяйства и воспитывающей сознательных и готовых к защите своего отечества строителей социализма. Оно перестроило школу в соответствии с принципами советской государственности и осуществило требования передовой педагогической науки.

Школьное законодательство советского правительства произвело глубочайший

культурный переворот и было встречено широкими народными массами с огромным энтузиазмом. Отношение народа к советской просветительной реформе, его инициатива и самостоятельность являлись важнейшим фактором в истории реформы.

Самодетельность масс не только наполнила собой всю культурную жизнь того времени, определяя баланс сил в борьбе за социалистическое просвещение: она выражала сущность возникавшей социалистической культуры. Творческий подъём народа был непосредственно определён тем мощным политическим размахом, который приобрела революция с весны 1918 г., когда в неё были вовлечены миллионные массы трудящихся. Уже в марте 1918 г. Ленин писал о «прекрасном размахе, который дала народному творчеству великая революция»⁴.

Через полтора месяца после октябрьского переворота Н. К. Крупская отмечала: «Всякий, живущий жизнью народа, знает, какое могучее, непреодолимое, стихийное прямо стремление к знанию охватило массы. На каждом заводе, в каждом профессиональном союзе, кооперативе, клубе, полку, роте создаются культурно-просветительные ячейки, основываются библиотеки, организуются лекции»⁵.

«Деревня просит книг, картин, лекторов, инструкторов просветительных организаций, она хочет иметь настоящий, не любительский театр, библиотеку, просветительные клубы, народные дома»⁶.

Но массы не только требовали удовлетворения своих стремлений: они сами приступили к строительству социалистической культуры и школы.

Для понимания обстановки школьного строительства весной и летом 1918 г. чрезвычайно много дают многочисленные решения, резолюции, приговоры, принимавшиеся местными советами, рабочими и крестьянскими собраниями и организациями. Они представляют как бы мощный встречный поток директивам и законодательным актам государства, полностью соответствующим идейному содержанию.

Бунинский волостной совет Орловской губернии требовал «самых решительных мер» в области народного образования, «которое является главным могучим оружием в борьбе трудящихся масс со своими классовыми врагами, для завершения намеченных задач русским трудовым крестьянством и рабочими Советской Федеративной Республики»⁷. Ещё дальше идёт постановление жителей села Краснова, Вологодской губернии: «Все дети должны ежедневно ходить в школу. Если будут являться препятствия со стороны родителей, без уважительной на то причины, то тако-

¹ Ленин. Соч. Т. XXII, стр. 376.

² «Известия ВЦИК» от 28 января 1918 года.

³ «Народное просвещение» № 8 за 1918 г., стр. 62.

⁴ «Орловские известия» от 6 августа 1918 года.

¹ «Сборник декретов и постановлений по народному образованию». Вып. 1-й, стр. 107—112.

² Там же. Вып. 2-й, стр. 206—210.

³ «Известия ВЦИК» от 28 апреля 1918 года.

вые родители будут подвергаться штрафу за каждый пропущенный день в размере 1 рубля»¹.

Сущность новых форм строительства культуры ярко вскрывается не только подобным соответствием мероприятий государства и народной инициативы, но и практическим предвосхищением местами государственного законодательства. Отчёт Наркомпроса, составленный до издания «Положения», указывал: «Везде замечается стремление к открытию целой сети новых учебных заведений... Самостоятельно принимаются строгие меры к безотлагательному проведению всеобщего обязательного обучения и преобразованию всех существующих типов школ в духе общедоступной единой трудовой»². Костромской совет принял «Положение» о реформе средней школы за семь месяцев до издания «Положения» ВЦИК, творчески предвосхищая основные идеи последнего. «Положение» Костромского совета вводило широкое самоуправление учащихся, устанавливало преемственность между начальной и средней школами, предвосхищало статью 12-ю «Положения ВЦИК, уравнивая программы женских и мужских учебных заведений»³. Эти факты можно понять только как глубокую историческую закономерность в развитии просвещения, как «неизбежное следствие совершающейся социальной революции». Этим же объясняется и материальное участие всего населения в школьном строительстве 1918 года. В огромном количестве мест население добровольно облагало себя сборами на нужды школы. В Макарьевском уезде, Нижегородской губернии, население осенью 1918 г. установило налог «в размере 5 р. 52 к.» с души на школу. «Крестьянам особенно нравится название школы «трудовой»⁴, — отмечал автор сообщения. В Орловском уезде было введено обложение в размере 6 р. 40 копеек⁵. В Дегаевской области, Мценского уезда, на добровольно собранные средства было открыто 5 новых школ, причём «некоторые приспособлены в крестьянских хатах»⁶. Во многих случаях добровольная помощь населения составляла единственную материальную возможность проведения школьной реформы.

Постановления крестьянских собраний и волостных советов сопровождались яркими выступлениями, показывающими, какой глубокий переворот произвела в сознании масс социалистическая революция. «Мы не должны забывать, — гласила резолюция

Подгорного волостного исполкома (Тамбовской губернии), — что мы не тайга и владычествовать над нами зверям теперь недопустимо. Раскрылись глаза у народа, и теперь их не закрыть». Исполком предписывал каждому обществу волости немедленно организовать культурно-просветительную комиссию «для развития населения, сбора средств и разъяснения общему собранию населения всех резолюций, исходящих от советов»⁷.

Местные органы советской власти и большевистской партии были важнейшими образовательными центрами новой культуры. Как правило, новые школы, библиотеки, клубы возникали в провинции вслед за коммунистическими ячейками и комитетами бедноты.

В Симбирской губернии комитеты бедноты давали для школ помещения, дрова, доставляли материал для постройки новых зданий⁸. В Лукояновском уезде при каждом комбеде была открыта библиотека-читальня⁹. В Большевусской волости, Северодвинской губернии, «клуб коммунистов организовал библиотеку и читальню»¹⁰.

В сочетании планомерной и целеустремлённой политики партии с широчайшей инициативой масс выразилась руководящая роль пролетариата по отношению к трудящимся слоям города и деревни. Государственная практика в области народного образования в 1917—1918 гг. составляла основу народной самодеятельности, определяя её направление и используя её как одно из наиболее мощных средств своего осуществления.

Материальная база культурного строительства в этот период была крайне скудной. Победивший пролетариат получил в этой области тяжёлое наследство. С мест сообщали о катастрофическом материальном положении школы. «Все школы до основания разрушены»¹¹, — сообщали из Руженской волости, Орловской губернии. В Рязанской губернии в некоторых школах из-за отсутствия скамеек дети сидели на полу¹².

Советское правительство принимало срочные меры по борьбе со школьной разрухой. 6 июля 1918 г. был опубликован ленинский декрет, предписывавший в недельный срок освободить все здания, принадлежавшие культурно-просветительным учреждениям и занятые посторонними учреждениями¹³.

Расходы на народное образование с первых же дней советской власти составляли

⁷ «Известия Тамбовского совета» от 13 апреля 1918 года.

⁸ См. «Народное просвещение» № 23 — 24 за 1918 г., стр. 14.

⁹ См. там же, стр. 90.

¹⁰ «Вестник культуры и свободы» № 1 за 1918 год.

¹¹ «Орловские известия» от 16 октября 1918 года.

¹² См. «Известия ВЦИК» от 12 апреля 1918 года.

¹³ «Сборник декретов и постановлений по народному образованию». Вып. 1-й, стр. 193.

¹ «Известия Вологодского совета» от 6 июня 1918 года.

² «Известия ВЦИК» от 8 июня 1918 года.

³ См. «Советская правда» (Кострома) от 29 и 30 марта 1918 года.

⁴ См. «Народное просвещение» № 23 — 24 за 1918 г., стр. 14.

⁵ «Орловские известия» от 16 октября 1918 года.

⁶ «Орловские известия» от 8 октября 1918 года.

одну из крупнейших статей государственного бюджета. В обстановке разрухи и гражданской войны советское правительство отпускало на народное образование огромные средства. По смете министерства народного просвещения на 1917 г. на народное образование было ассигновано 205 млн. рублей. А только в первом полугодии 1918 г. смета Наркомпроса составила 445 млн., т. е. в два с лишним раза больше. Смета на второе полугодие 1918 г. составила 2436 млн., т. е. превысила дореволюционную почти в 12 раз. Центральное место в советской смете отводилось общеобразовательной школе, на расходы которой было выделено около 1,5 млрд. руб., т. е. 62 процента сметы¹.

С весны 1918 г. по всей республике начались коренная перестройка школьного дела в соответствии с решениями партии и правительства и строительство сети новых школ. В ряде губерний уже к осени 1918 г. удалось добиться значительных успехов в выполнении наиболее важной и трудной задачи культурной революции — введения всеобщего обучения. В Астрахани краевой съезд советов 23 июня постановил «признать необходимым немедленное проведение в жизнь всеобщего обязательного обучения и дать комиссариату для окончательного завершения этого дела в Астраханском крае три года». Одновременно декретировалось «немедленное открытие в каждом уезде хотя бы по одной школе сельскохозяйственного типа и по одной ремесленной». 1 октября в астраханских школах начался учебный год. Количество учащихся настолько возросло, что в половине школ была введена вторая смена. В школах были осуществлены совместное обучение, принцип единства школы и преемственности программ².

Орловский губернский съезд по народному образованию уже в августе 1918 г. поставил вопрос об «основании школы в каждой деревне». Съезд установил, что «окончание низшей и высшей начальной школ обязательно для тех, кто уже учится в них», а с нового учебного года «обучение во всей губернии обязательно для всех детей, достигших восьмилетнего возраста». С того же времени вводились бесплатное обучение в первых пяти классах, преемственность программ, совместное обучение³. В Костроме городской исполком в начале сентября 1918 г. принял постановление: «В текущем учебном году ни в одной школе города не должно быть ни одного отказа в приёме». С нового учеб-

ного года в первой ступени вводились бесплатное обучение, преемственность программ и совместное обучение. Срок обучения в начальной школе повышался до четырёх лет. В городе было открыто 46 новых школ 1-й ступени. При недостатке мест в первую очередь принимались дети рабочих, крестьян и лиц, участвовавших в революционной борьбе⁴.

Примером необычайного подъёма в развитии культуры этого периода может служить Минск. Осенью 1917 г. в Минске занятия проводились в 11 школах с 1 тысячей учащихся. Весной 1918 г., после нескольких месяцев существования советской власти, в Минске работало уже 40 школ с 7 тысячами учащихся. К этому времени преподавание в школах велось на родном языке, вводился трудовой метод. Немецкие оккупанты, захватив Советскую Белоруссию, прежде всего объявили поход против советской школы. В Минске почти все школы были закрыты и заняты под солдатские постои или превращены в склады. С восстановлением советской власти к весне 1919 г. в городе снова работало 80 школ с 16 тыс. учащихся⁵.

Исключительно большое значение в борьбе за культурную революцию в 1918 г. имело преподавание в школах общественно-политических дисциплин. Это мероприятие не только претворяло в жизнь ленинский принцип сочетания воспитания и обучения молодёжи в коммунистическом духе, но оно имело и непосредственное политическое значение. В условиях мобилизации всех физических и духовных сил народа на борьбу против врагов молодой Советской республики оно превращало школу в крупнейший очаг советской пропаганды.

В большинстве местностей изучение основ советской государственности было введено вслед за осуществлением важнейших принципов реформы. В Северной области уже 18 июля было издано предписание руководителям школ с начала учебного года «заботиться о развитии политического самосознания молодёжи» и ввести изучение советской Конституции⁶. В Нижегородской губернии в 1-й ступени было введено изучение Конституции, во 2-й ступени — преподавание основ политэкономии, истории социализма и революционных движений⁷. Курский комиссариат просвещения ввёл изучение основ советской государственности ещё в марте 1918 года⁸.

⁴ См. «Советская газета» (Кострома) от 19 мая, 20 сентября и 18 октября 1918 года.

⁵ См. «Звезда» (Минск) от 14 мая 1919 года.

⁶ См. «Вестник народного просвещения союза коммун Северной области» № 1 за 1918 г., стр. 17.

⁷ См. «Народное просвещение» № 23—24 за 1918 г., стр. 15.

⁸ См. «Известия Курского совета» от 26 марта 1918 года.

¹ См. «Народное образование» № 19 за 1918 г., стр. 9. Падение рубля нейтрализовалось тем фактом, что ассигнования советского правительства распространялись на территории, значительно уменьшенные по сравнению с территорией бывшей царской России.

² См. «Известия Астраханского совета» от 24 и 28 июля, 2 августа и 26 сентября 1918 года.

³ См. «Орловские известия» от 4 и 24 сентября 1918 года.

В социалистическую перестройку учебной жизни школы входило также осуществление принципа соединения обучения с общественно-производительным трудом. Однако попытки введения трудового метода наталкивались не только на узость материальной базы, но и на сопротивление чуждых партии элементов. Руководство Наркомпроса, со своей стороны, недостаточно понимало роль школы в развитии советского народного хозяйства и не смогло до конца правильно и чётко разрешить вопрос о трудовом начале.

Ленин не раз был вынужден вмешиваться в политику Наркомпроса, выпрямляя его линию, упрекая руководителей комиссарата в непонимании задач социалистического строительства и советского просвещения, в потворстве различному экспериментаторству и левацким извращениям.

Под видом заботы о скорейшей подготовке кадров для народного хозяйства «леваки» делали попытки уничтожить школу, игнорировали ленинское указание о том, что, отрицая старую школу, советский народ берёт из неё всё то, что необходимо для борьбы за социализм. «Леваки» предлагали вводить в школе «самообслуживание», рассматривать её как «самодовлеющий хозяйственный организм», насаждать вместо обучения буржуазное ремесленничество¹.

Разоблачая лжереволюционный характер левацких предложений, на заседании коллегии Наркомпроса Н. К. Крупская говорила, что так понятое «узкоспециальное образование полезно не для общего развития государственной промышленности, а для известного слоя промышленников»².

Партия с первого же дня победы боролась за нового человека — духовно свободного, широко и глубоко мыслящего, вооружённого и точным знанием своего дела в общенародной борьбе за социализм и богатством созданной человечеством культуры.

Общий итог строительства единой трудовой школы в 1918 г. выразился в перестройке дела народного просвещения и создании огромного количества новых школ.

По официальным данным Центрального статистического управления, число начальных школ за 1918 г. выросло с 46 197 до 49 789, что составило увеличение на 7,5 про-

цента. В каждом из 220 уездов РСФСР было открыто в среднем по 26 новых школ. Количество средних школ увеличилось на 20 процентов. Результаты эти покажутся ещё более разительными, если вспомнить, что наиболее высокие темпы школьного строительства в царской России составляли 3,8 процента за три года — 1911—1914. К концу гражданской войны уже была достигнута общедоступность обучения.

Строительство социалистической по содержанию и национальной по форме культуры народов окраин начало осуществляться в широких масштабах лишь после окончания гражданской войны в этих районах. Но даже в краткие месяцы первоначального господства здесь советской власти были приняты меры по организации просвещения трудящихся народов СССР.

К июлю 1918 г. в Казанской губернии было открыто 35 высших начальных школ «для всех народностей, населяющих эту губернию, с преподаванием на родном языке»³. 31 июля коллегия Наркомпроса постановила выдать аванс в размере 100 тыс. руб. на организацию культурно-просветительной работы среди чувашей⁴. В конце декабря 1918 г. коллегия на экстренном заседании постановила ассигновать 8600 тыс. руб. «на нужды образования в Терской области в распоряжение чрезвычайного комиссара тов. Серго Орджоникидзе»⁵, уезжавшего во Владикавказ.

Великие принципы социалистического сотрудничества народов, провозглашённые в «Декларации прав народов России», играли громадную роль, помогая политическому и духовному раскрепощению трудящихся национальных районов и содействуя их сплочению вокруг советской власти и победе над внешними и внутренними врагами.

Школьная реформа 1918 г. и первые итоги её осуществления имели огромное значение для всего исторического развития СССР. Миллионы советских людей, вышедших из советской школы, отдали на протяжении последующих десятилетий все свои силы и знания строительству социалистического общества, его экономики, культуры, науки, вооружённой защите своей великой родины от кровавых фашистских полчищ.

³ «Известия ВЦИК» от 16 июня 1918 года.

¹ См. Материалы и дискуссии в Наркомпросе о трудовом начале. ЦАОР, ф. 2306, оп. 3, д. № 65, л. 46 и дальше.

⁴ ЦАОР, ф. 2306, оп. 106, д. № 41/1, л. 85.

² ЦАОР, ф. 2306, оп. 3, д. № 70, л. 17.

⁵ Там же, оп. 108, д. № 41/11, л. 310.

ЗНАЧЕНИЕ ОТКРЫТИЙ В РАС-ШАМРА ДЛЯ ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА *

Н. Никольский.
действ. чл. АН БССР

Десятилетие 1929—1939 гг. войдёт в историю науки о древнем Востоке как знаменательная веха, как эпоха, подобная эпохе первых открытий памятников ассиро-вавилонской истории и культуры в Месопотамии. На берегу сирийского залива Минет-эль-Бейда, далеко от Латтакие, и в кургане Рас-Шамра, в полутора километрах от морского берега, были сделаны в 1929 г. и последующих годах сенсационные открытия, впервые пролившие яркий свет на историю финикийского общества и его культуру.

Древняя Финикия заговорила, наконец, с нами сама своими разнообразными текстами, своими вещественными памятниками, развалинами города Угарита, крупнейшего культурного центра, с царским дворцом, тремя храмами, библиотекой, архивами, школой жрецов, домами родовой аристократии, фамильными усыпальницами и некрополем. Открытия в Рас-Шамра по своему значению оказались неизмеримо важнее прогремевших в 1921—1926 гг. открытий Монте и Дюпана на месте древнего Гебала-Вибла, где были найдены только остатки двух храмов и ряд вещественных памятников, лишь с несколькими краткими надписями.

Французский археолог Шеффер обессмертил своё имя открытиями в Рас-Шамра, ибо он дал науке то, чего до сих пор не было в распоряжении историков, — многочисленные, подлинные финикийские тексты, восходящие к XVI—XIII вв. до нашей эры, тексты религиозные, мифологические и ритуальные, разного рода документы, освещающие экономику, общество и право II тысячелетия и ряд текстов другого содержания. Каждый год журнал «Syria» выпускал в научный оборот один за другим эти драгоценные памятники, и перед началом второй мировой войны историки и филологи располагали уже не-

сколькими поэмами легендарного и мифологического содержания, четырьмя чрезвычайно важными ритуальными текстами и рядом таких же более мелких текстов, значительным числом (не менее 120—130) текстов документального содержания и рядом филологических текстов¹. Над расшифрованием их писмен и языка и над изданием и первоначальной обработкой этих писмен трудились такие крупные семитологи, как Дюссо, Дорм, Виролло и Бауэр, связавшие навсегда свои имена с этими текстами², а также и многие другие, в числе которых надо назвать Тюрро-Данжена, Гастера, Герино, Олбрайта (Albright) и Монгомери. Раскопки в Рас-Шамра впервые раскрыли также подлинный облик и подлинную историю древнего крупного финикийского города, центра не только политического, но и культурного, где создавались литературные произведения, весьма интересные и ценные как по содержанию, так и по форме, создавались выдающиеся и весьма характерные памятники искусства, где, наконец, была выработана первая финикийская фонетическая система письма на клинообразной основе. Из-под груды песка выступил перед нами подлинный финикийский древний город, не испытавший на себе глубокого влияния эллинистической и римской культуры, как известные доселе Тир и Сидон.

Угарит открылся перед нами со всеми своими улицами, переулками и площадями; быт его населения — царя с его двором, жречества и купечества — выступил в осязательной форме — в устройстве и обстановке дворцов и храмов, в устройстве и планировке частных жилищ, соединённых с родовыми усыпальницами, в повседневной жизни их обитателей, которую характеризуют предметы домашнего обихода, домашнего культа и конкретные бытовые детали, в литературных и документальных текстах Рас-Шамра.

* От автора. Настоящая статья с небольшими редакционными изменениями является заключительной главой моей обширной монографии «Этюды по истории финикийских земледельческих и общинных культов». Эту монографию я закончил, окончательно отредактировал и переписал во время моего пребывания в партизанской зоне Белоруссии. Считаю своим сердечным и приятным долгом выразить здесь самую горячую признательность славным белорусским партизанам, которые вывели меня и мою семью из оккупированного в то время немцами Минска, оберегали нас днём и ночью и с самой трогательной заботливостью постарались создать мне такие условия, в которых я мог продолжить и закончить мои научные работы. Без братской любви и помощи со стороны белорусских партизан эта статья и все другие мои работы могли бы не увидеть света советской Большой Земли. — Н. Н.

¹ Ежегодные отчёты Клода Шеффера (Claude Schaeffer) о раскопках в Рас-Шамра с планами, картами, фотоснимками деталей раскопок и открытых памятников архитектуры и искусства печатались в «Syria» вплоть до начала второй мировой войны. Общие обзоры раскопок и открытий имеются в брошюре Friedrich «Ein Ueberblick über Funde und Forschungen von Ras-Schamra», DAO, 1933 и в работе Dussaud «Les déconvertis de Ras-Chamra (Ugarit) et l'Ancien Testament», 1937. Оба обзора, особенно Фридриха, — неполные, не учитывающие открытий, сделанных после их появления в свет.

² Расшифрование алфавита Рас-Шамра произвели одновременно и независимо один от другого Виролло, Дорм (Dorme) и Бауэр; Виролло опубликовал в «Syria» все

Уже первое знакомство с текстами и вещественными памятниками Рас-Шамра показало, что в свете их данных некоторые общепринятые взгляды относительно характера финикийского общества и финикийской культуры оказываются неправильными и подлежат пересмотру. Значение открытий в Рас-Шамра выходит далеко за финикийские пределы. В связи с новыми данными, извлечёнными из фондов Рас-Шамра, возникают новые проблемы не только в области финикийской истории и финикийской культуры, но также и в области истории и культуры соседних с Финикией стран и народов. Рассмотрение и разрешение этих проблем должны уточнить и обогатить наши знания по предистории и истории всей области между Двуречьем и Египтом, в частности по истории взаимоотношений между этой промежуточной областью и её великими соседями. Другими словами — открытия в Рас-Шамра имеют огромное значение не только для истории Финикии, Палестины и Сирии, но и для истории древнего Востока в целом.

Прежде всего мы должны учесть значение открытий в Рас-Шамра для истории Финикии и финикийской культуры. В числе текстов Рас-Шамра первое место занимают религиозные тексты, которые уже Дюссо пробовал, но не вполне удачно, использовать для освещения проблем ранней финикийской истории. Неудача Дюссо, однако, не ставит под сомнение правильность того пути, по которому он пошёл. В Финикии, как и на всём древнем Востоке, религия была неразрывно связана со всеми сторонами быта и культуры — с хозяйством, общественным укладом, политическим строем, литературой, искусством, начатками науки. Поэтому изучение религиозных памятников Рас-Шамра и реконструкция содержания и истории финикийской религии должно попутно осветить также ряд вопросов общей и культурной истории Финикии, особенно её экономического и общественно-политического развития.

Исследование религиозных текстов Рас-Шамра является весьма нелёгкой задачей. Между тем исследование некоторых текстов ритуального содержания, произведённое нами, приводит к чрезвычайно важным выводам, опрокидывающим ходячие представления о характере финикийского общества. В этих текстах фигурируют ясно выраженные верования и обряды, связанные с общинно-земледельческим бытом и восходящие в своей основе к эпохе родоплеменного общинного быта¹. Тем самым постулируется су-

главные тексты Рас-Шамра с переводом и примечаниями; Дюссо выступил с несколькими историческими и историко-религиозными статьями, в которых использовал тексты Рас-Шамра для освещения древнейшей эпохи финикийской истории и для истории финикийской религии.

¹ Исследованию основного из ритуальных текстов Рас-Шамра, изданного Виролло под заглавием «La naissance des dieux gracieux et beaux» и некоторых родственных текстов посвящена моя указанная выше обширная монография «Этюды по истории финикийских общинных и земледельческих культов» (в рукописи). В этой монографии попутно

существование в финикийских царствах общинного быта, и общественно-политический строй Финикии оказывается вполне аналогичным со строем Египта и государств Двуречья. Заключение, сделанные на основании изучения указанных религиозных текстов, подкрепляются известными ранее данными карфагенского и марсельского тарифов. В этих тарифах перечисляются три категории коллективов, приносящих жертвы: племя, род и «братчина богов», т. е. коллектив, объединённый не кровными узами, а культом определённых божеств; на древнем Востоке таким коллективом могла быть только сельская община. Но окончательное подтверждение факта существования в области Угарита общинного быта мы находим в административно-хозяйственных документах, открытых в царском архиве Угарита.

В этих текстах называются по именам общин их представители и их члены, привлекаемые к работам на дом царя, и распределяются по 90 «городам» царские подати и повинности. Как известно, города, в собственном смысле этого слова, на Востоке образовывались наряду с сельскими поселениями только там, где место было особенно благоприятно для внешней и царской торговли². В Финикии такими городами были приморские города, центры политические и торговые; прочие «города» финикийских царств, подобно «городам» Израиля и Иуды и древнеарабским «городам», были, конечно, только центрами родоплеменных и сельских общин³. Благодаря открытиям в Рас-Шамра перед нами появляется доселе неизвестная финикийская общинная деревня, на которую базировались финикийские политические и торговые городские центры. Таким образом, возникает необходимость пересмотра прежней точки зрения на общественно-политический строй Финикии, который вошло в обычай приравнивать к общественно-политическому строю античных полисов.

Вместе с тем оказываются неправильными прежние взгляды на финикийскую религию и её историю, основанные преимущественно на сообщениях поздних греческих и римских писателей и на богословской эллинизированной теогонии Филона Библиского. Религиозные тексты Рас-Шамра аутентичны, разнообразны и подробны и позволяют не только установить содержание финикийской религии исторической эпохи (III—I тысячелетия), но и вскрыть её древнейшие — родоплеменные и первобытные — корни. И по этой последней

затронуты также и другие ритуальные тексты; исследуемому тексту дано правильное название «Закливание богов благодетельных и прекрасных», сокращённо: Eqrny.

² Ср. К. Маркс «Формы, предшествующие капиталистическому производству». См. «Пролетарская революция» № 3 за 1939 год.

³ О древнеарабских городах ср. Wellhausen «Reste arabischen Heidentums», S. 4, 11—12, 17—19. О первоначальном значении древнееврейского *ir*, которое обычно переводят словом «город», даёт понятие «Числ», 13, 19, где термином *arim* обозначены всякие поселения — от лагеря кочевников до укрепленного города.

линии проблема историко-религиозная приводит к проблеме общеисторической, к проблеме происхождения финикийцев и соседних с ними народностей, попутно связываясь с проблемами истории финикийской литературы и финикийского искусства. Некоторые из них уже ставились в работах Дюссо, Виролло и Бауэра, но ещё не разрешены окончательно; другие ставятся нами впервые.

Первая проблема — это проблема происхождения финикийцев. Спор о месте происхождения финикийцев теперь разрешается окончательно на основании данных открытой в Рас-Шамра «Легенды о Керете, царе сидонян». Эти данные проверены и подкреплены данными других текстов в нашем исследовании о финикийских общинно-земледельческих культурах. Как известно, спор возник вследствие различного толкования сообщения Геродота о месте происхождения финикийцев. Геродот говорит, что финикийцы пришли от Красного моря; но в различных местах своей истории он под Красным морем разумеет то известное под этим названием море между Аравией и Египтом, то Персидский залив. Поэтому одни историки, ссылаясь на показание Помпея Трога, считают родиной финикийцев области у Красного моря, другие склоняются к Персидскому заливу¹. Найденная в Рас-Шамра «Легенда о Керете» положила конец этим разногласиям, ибо, согласно её данным, керетиты, основавшие Сидон и, вероятно, также Тир, были родом из Негеба, как называется в израильско-иудейской традиции обширная полупустынная область, тянущаяся по направлению к Красному морю от Мёртвого моря; часть этой области называется прямо Негебом Керети. Тем самым подтверждается и близость исторических финикийцев с ханаанеями, близость, которую некоторые историки, как например Пичман и Дюссо, доводят вплоть до отождествления. Но оба эти теперь уже твёрдо установленные факта — место происхождения финикийцев и их близость с ханаанеями — должны считаться только исходными пунктами для разрешения проблемы происхождения финикийцев.

Эта проблема не так проста, как кажется, ибо на родине финикийцев их ближайшими и родственными соседями оказываются эдомитяне и некоторые израильские племена, фигурирующие в «Легенде о Керете» — терахиты, зебулуниты, ашериты и, может быть, иосефиты². Наше исследование о тексте Eqrēnu показало, что в числе предков финикийцев было также племя иерахмезл, калевитского происхождения, ближайшее по соседству с племенем Иуды. Нас не должно

смущать то обстоятельство, что по «Легенде о Керете» терахиты и союзные с ними два израильских племени враждуют с керетитами, ибо подобные факты вражды между соседними и родственными племенами, доходившей в некоторых случаях до долгой и истребительной войны, нередки в истории арабских племён и засвидетельствованы также в израильской традиции. Таким образом, вопрос о племенном происхождении финикийцев приводит нас не к ханаанеям, а к эдомитянам и сынам Израиля и Иуды; фактам доисторической эпохи соответствуют и факты исторической эпохи, когда рядом с Негебом Иуды существовал Негеб Керети, а рядом с областями Тира и Сидона были области Зебулуна и Ашера. Выдвигается проблема родства предков финикийцев с израильскими племенами и напрашивается предположение, что движение израильских племён на север началось гораздо ранее, чем это считалось до сих пор, ещё в III тысячелетии, вслед за керетитами, основавшими Сидон и, вероятно, также Тир³.

Далее должен быть разрешён вопрос о тех племенах, которые были непосредственными предками финикийцев. Из них в «Легенде о Керете» названы керетиты, именуемые также шапашитами (сынами Шапаш, богини солнца); из данных текста Eqrēnu обнаруживается, что родоплеменная группа, основавшая Угарит, отпочковалась, по всей вероятности, от Иерахмезла. Остаётся открытым вопрос о родоплеменной принадлежности основателей Гебала и других финикийских городов⁴. В конце концов все эти нити каким-то образом переплетались с ханаанейско-аморейскими нитями; эти связи также должны быть распутаны. Нам представляется, что в свете данных текстов Рас-Шамра разрешение проблемы сводится к тому, что финикийцы — понимая под ними население областей финикийских городов, — надо считать родственными прежде всего с эдомитянами и сынами Израиля и Иуды, а степень близости между финикийцами и ханаанеями надо представлять себе так же, как степень близости между ханаанеями и сынами Израиля.

Отсюда вытекает, что должна быть пересмотрена также и предистория израильских племён. В этом вопросе до сих пор существует большое разнообразие мнений как по вопросу о числе и составе племён, так и по специальному вопросу об Израиле и Иуде. Новые данные финикийской традиции должны содействовать устранению этой разногласности. Новые данные заставляют пересмотреть и такой вопрос, по которому в основном не было разногласий, — вопрос о времени и порядке проникновения изра-

¹ Ср. Herodot, VII, 98, I, I; Помпей Трог — Justin, XVIII, 3, 2—3; обзор разногласий см. Pietschmann «Geschichte der Phönizier». S. 114—126.

² В стр. 18 легенды о Керете в числе союзников терахитов названо племя Jetsep-Rsf (?), которое Виролло считает теофорным именем, аналогичным имени Joseph-el и первую, основную часть имени производит от того же корня asaph-jasaph, от которого происходит также и имя Иосиф. По своей всегдашней осторожности Виролло не делает никаких выводов из этих сопоставлений.

³ «Легенда о Керете», стр. 197—202. Керет посещает храмы Тира наравне с храмами Сидона, как будто Тир под его властью.

⁴ Дюссо считает Угарит важной финикийской колонией (RS et AT, p. 19), но не высказывает никаких предположений относительно метрополии, основавшей Угарит. Вряд ли это правильно, но весьма возможно, что родоплеменные группы, основавшие Гебал и Угарит, принадлежали к одному и тому же племени. См. ниже в тексте.

ильских племён в Ханаан. В свете данных «Легенды о Керете» приобретают новое значение упоминания Иосиф-эла и Иаков-эла в списке городов и областей, завоеванных Тутмосом III в походе 1470 г., Изра-эла в надписи Мернепта около 1230 г. и Левиэла в надписи Рамсесе III (в первой половине XII в.). В свете новых данных, свидетельствующих о продвижении части израильских племён в Палестину ещё в III тысячелетии, египетские данные дают указания о втором этапе израильского вторжения, относящемся к середине II тысячелетия. Специальный вопрос о дифференциации племени Иуды от «подлинных» (echte) сынов Израиля, поставленный Эд. Мейером и разрешаемый им в том смысле, что сыны Иуды, вероятно, были «совсем другого» (ganz anderen) происхождения, чем сыны Израиля¹, также должен быть пересмотрен в связи с тем, что новые материалы, как показывают наши историко-географические и религиозно-исторические экскурсии в исследовании о тексте Egrery, говорят не в пользу точки зрения Эд. Мейера.

Не менее важно значение открытий в Рас-Шамра и для истории финикийских царств. В свете документов и вещественных памятников, найденных в Рас-Шамра и Минет-эль-Бейда, разъясняются некоторые важные спорные вопросы, а другие вопросы, уже считавшиеся решёнными, требуют пересмотра. В числе последних находится и такой капитальный, считавшийся ясным вопрос о финикийской торговле, и одного этого уже достаточно, чтобы учесть всю важность открытий в Рас-Шамра для общей финикийской истории. Переходя к обзору вопросов исторической эпохи, которые получают разъяснение или требуют пересмотра на основе текстов и открытий в Рас-Шамра, мы начнём с вопроса о хронологии.

Основным, требующим разъяснения является вопрос о времени основания главных финикийских городов. Раскопки 1921—1926 гг., произведённые Монтэ и его помощником Дюнаном на месте расположения Гебала, дали документальные доказательства существования Гебала в эпоху II египетской династии, то есть в 3200—3100 г. до нашей эры; основание Гебала можно датировать на 100—200 лет ранее этой эпохи². Менее надёжной предста-

вляется дата основания Тира. Именно на основании сообщения Геродота (II, 44), что жрецы храма Мелькарта в Тире передавали ему, будто бы и город и храм были основаны одновременно «2300 лет тому назад», было принято датировать основание Тира 2750 годом, считая от 450 г., когда примерно Геродот был в Тире. Эта дата, основанная на устной традиции, весьма условна и требует проверки. Относительно даты основания третьего крупнейшего города, Сидона, мы до последнего времени не располагали никакими данными. Теперь «Легенда о Керете, царе сидонян» проливает свет на вопрос о датах основания Тира и Сидона, так как Керет изображается в «Легенде» господином не только Сидона, но и Тира. Если при этом учесть, что в финикийских надписях и в библейской традиции финикийцы называются сидонянами, хотя в I тысячелетии первое место среди финикийских городов занимал Тир, то мы должны придти к выводу, что Сидон был основан ранее Тира и лишь немного позднее Гебала, ещё в конце IV тысячелетия, и что Тир был основан той же родоплеменной группой финикийцев, как и Сидон.

Этот расчёт подтверждается также и географическим положением Гебала, Сидона и Тира, перечисленных в нашем списке один за другим по линии с севера на юг. Первая «финикийская» волна, приведшая к основанию Гебала, очевидно, стремилась проникнуть возможно дальше на север палестино-сирийского побережья, туда, где между Ливаном и морем имеются более или менее обширные речные долины. Вторая волна была вынуждена осесть в узкой прибрежной долине вдоль главного Ливанского хребта, сначала в Сидоне, а затем несколько южнее его — в Тире (расстояние от Гебала до Сидона — около 80 км, от Сидона до Тира — около 40 км). Ещё севернее Гебала расположилось несколько более мелких центров, из которых самые крайние, Рамита (Иаримута в текстах Рас-Шамра) и Угарит, лежали уже на приморской окраине долины Оронта. Возникает вопрос относительно датирования основания этих двух самых северных пунктов финикийского побережья. Дюссо считает Угарит «важной финикийской колонией» и, повидимому, склонен относить основание Угарита ко второй половине III тысячелетия, исходя из того, что керамика аханаафского типа начинает преобладать лишь в верхних пластах III слоя Рас-Шамра, датируемых эпохой XI—XII египетских династий. Однако это положение Дюссо нельзя считать доказанным, так как в нижних пластах III слоя, относящихся ко второй половине IV тысячелетия, уже имеются остатки поселения и вещественные остатки, соответствующие характеру находок на месте древнейшего поселения Геба-

¹ Meyer Ed. «Israeliten und ihre Nachbarstämme», S. 247—248, 433.

² Основанием для датирования возникновения Гебала эпохой I—II египетских династий нельзя считать так называемый «тинитский цилиндр», на который обычно ссылались в 20-х годах. Монтэ, первоначально считавший этот цилиндр произведением тинитской эпохи, затем отказался от этого положения и в своей большой отчётной работе «Byblos et Egypte» (1928) приходит к выводу, что хотя знаки надписи на этом цилиндре сходны с знаками тинитской эпохи, однако он не египетского, а финикийского происхождения и должен быть отнесён к концу эпохи Древнего царства. Другим вполне надёжным основанием является

фрагмент, на котором сохранилось имя фараона II династии Khasekhemui; фрагмент нашёл Дюнан в 1926 г. (Byblos et Egypte, p. 62—68, 271).

та¹. Отсюда возможно сделать заключение, что даже если город Угарит в том виде, какой он имел в конце III и во II тысячелетия, был выстроен только около 2200 г., то всё же существовал более ранний, также финикийский, город, лишь расширенный и перестроенный в конце III тысячелетия, когда у угаритских царей появились для этого необходимые средства, город, основанный ещё первой «финикийской» волной.

Таким образом, основание первых финикийских городов, или, точнее, рыбацких посёлков, надо, как нам думается, относить к эпохе 3500—3200 гг. до нашей эры; они были основаны самой первой «финикийской» волной, которая пробилась в область севернее Ливана, в долину Оронта, и в их числе был рыбацкий посёлок на берегу Белого залива, как в древности назывался залив Минет-эль-Бейда — будущий Угарит. Это предположение подкрепляется также религиозно-историческими соображениями, именно фактом существования в Угарите официального основного культа — двух древнейших общефиникийских божеств — верховного бога Эла и «матери богов» Ашера, которым был посвящён самый древний угаритский храм.

Можно было бы добавить к этому ещё ряд других соображений, но мы считаем, что и сказанного достаточно для обоснования положения, что Угарит должен считаться древнейшим городом финикийцев на палестино-сирийском побережье, основанном ранее Гебала, что группа, основавшая Угарит, была близко родственна с группой, основавшей Гебал, и что по своему значению в официальной финикийской религии Угарит занимал место, подобное тому, какое занимал Ниппур в Сенааре в IV—III тысячелетия.

И тексты и вещественные памятники Рас-Шамра свидетельствуют о глубокой древности финикийской государственности и финикийской культуры, ибо Угарит и Гебал, а также и Сидон были основаны в последние века IV тысячелетия, а Тир — в самом начале III тысячелетия, а это были главнейшие политические и культурные центры Финикии.

Таким образом, той эпохе, по данным которой до сих пор судили о финикийском строе и финикийской культуре, эпохе I тысячелетия до нашей эры, предшествовала эпоха государственного быта продолжительностью свыше двух тысячелетий, эпоха, в течение которой, как показали раскопки Монте в Гебале и блестяще подтвердили раскопки Шеффера в Рас-Шамра, была создана своеобразная финикийская культура, до известной степени синкретическая в области искусства, но оригинальная в области письменности, литературы и религии. Оригинальные черты финикийской культуры открылись главным образом в Угарите, ибо до 1929 г. в нашем распоряжении не было почти ни одного аутентичного источника для характеристики финикийской мифологии и обрядности, совсем не было ни од-

ного произведения финикийской литературы и было очень мало произведений чисто финикийского искусства.

Если в вопросе о древности и характере финикийской культуры тексты Рас-Шамра во многом дополняют и исправляют наши познания в этой области, то в вопросе о финикийском общественном строе открытия в Рас-Шамра впервые дают в распоряжение историка документальный и археологический материал для постановки и разрешения этого вопроса.

В историографии Востока до самого последнего времени финикийцы представляли себе только как купцов и мореплавателей, не забывали ещё упомянуть о рабах в Финикии; никаких других общественных классов как будто в финикийских царствах и не было. Но при этом забывали, что те сведения о финикийской торговле и рабстве, которыми располагала историческая наука до открытий в Рас-Шамра, относятся к I тысячелетию до нашей эры и в значительной своей части передаются ещё более поздними, не финикийскими источниками.

Станным образом исторички, за исключением, быть может, Пичмана, игнорировали, правда скудный, но в некоторых отношениях весьма показательный материал давно известных документов, вышедших из рук царей и князей финикийских городов. Мы имеем в виду, во-первых, письма царей или князей Тира, Сидона, Берита, Иаримута, Угарита и Акко, совершенно схожие по стилю и идеологии с письмами царьков и князей Иерусалима, Мегиддо, Лахиша, Гезера, Кадеша и кипрской Алашии, дошедшие до нас в составе эль-амарнского архива, и, во-вторых, надгробные и обетные надписи царей Гебала и Сидона. Письма и надписи отделены промежутком приблизительно в 1000 лет, так как письма относятся к концу XV и к первой половине XIV в., а надписи, за исключением надписи Ахирама, царя Гебала (XIII в.), — ко второй половине V в.; но несмотря на это и по стилю и по идеологии надписи ничем не отличаются от писем. Авторы и писем и надписей все на одно лицо — это мелкие древневосточные царьки, маленькие деспоты у себя дома, пресмыкающиеся перед большими деспотами, которым им приходится подчиняться. В этих царьках нет сходства даже и с греческими базилевсами гомеровского эпоса, не говоря уже о царях Спарты или тиранах VI века. По вершине общественной пирамиды можно судить и о её нижних пластах; однако, к сожалению, к этому само собой напрашивающемуся методу исторички не прибегали, предпочитая априорные и рискованные характеристики по аналогии с купеческими греческими полисами.

Теперь, как уже было сказано выше, религиозные тексты и документальные данные Рас-Шамра открыли перед нами финикийскую общинную деревню. Тексты Рас-Шамра помогают дать также правильную характеристику командующей верхушки финикийского общества. При раскопках в Рас-Шамра были найдены частные деловые

¹ Schaeffer «Les fouilles d. R. S. «Syria», 1935, II, p. 162; ср. Nontet «Byblos et Egypte», I, p. 20—21.

и хозяйственные документы, правда, не в большом числе; десять из них были опубликованы в журнале «Syria». Эта незначительная по количеству публикация драгоценна по своему содержанию, так как, по счастливой случайности, указанные документы освещают частное хозяйство и торговлю, царскую и частную, и дают совершенно твёрдую точку опоры для суждения о характере командующей группы угаритского общества, а следовательно, и вообще финикийского общества. Документы не датированы, но надо полагать, что они относятся к середине и ко второй половине II тысячелетия, ибо все документы на финикийском языке написаны тем же клинообразным алфавитом, каким написаны мифологические и ритуальные тексты. Мы прежде всего остановимся на трёх документах, характеризующих частное хозяйство.

Из них наибольшую важность имеет документ RS 8145, написанный на аккадском языке. Судя по собственным именам, он составлен в Угарите и является завещанием жителя угаритского царства, некоего Jagitani. Имущество Иариману, которое он завещает своей жене, состоит, по порядку его перечисления в документе, в быках, баранах, ослах, рабах, рабынях, больших бронзовых сосудах и другой бронзовой утвари, в кораблях, окованных бронзой, в корзинах, наковне, в поле bin Harasina, расположенном у реки Rahbani¹. Перед нами частный хозяин того же типа, каким был обычный вавилонский частный хозяин в эпоху Хаммураби. На первом месте в его хозяйстве стоят скот и рабы, далее — торговля и на последнем месте — полевое хозяйство; богатство его заключается в бронзовой утвари, денежного капитала он не имеет. Завещание заканчивается предупреждением сыновьям завещателя, что если кто-нибудь из них затеет процесс против матери по поводу завещания или будет относиться к ней непочтительно, то он должен будет заплатить 500 шекелей штрафа царю, повесить свою тунику на запор двери и уйти на улицу, т. е. он будет изгнан из семейной общины без всякого выдела, нагим, нищим.

Таким образом, хозяйство Иариману можно назвать частным лишь условно, ибо продолжала бытовать семейная община, Kmt ассирийское Kimtu, твёрдо защищавшая свои позиции. Этот вывод подтверждается также и археологическими данными. Раскопки обнаружили, что в больших домах Угарита, относящихся ко II тысячелетию, были подземелья в форме подвалов, в которых из поколения в поколение погребались умершие члены семьи; среди костей были найдены остатки сосудов разных типов и эпох, от XVIII до XIV вв., т. е. до того

времени, когда в царствование Аменготепе IV Угарит был разрушен землетрясением².

Для завершения характеристики отношений, вскрытых документом Иариману, остаётся добавить, что их уровень соответствует не нормам кодекса Хаммураби, который узаконяет и регулирует семейные разделы, а уровню шумерийского кодекса середины III тысячелетия до нашей эры, который ещё защищает целостность семейной общины и грозит нарушителям её таким же изгнанием без всякого выдела, как и в Угарите. По существу, документ Иариману даже нельзя назвать завещанием; это — завещательное распоряжение главы семейной общины о передаче после его смерти главенства в семье и распоряжения всем имуществом и хозяйством общины его вдове.

Другой документ, касающийся частного хозяйства RS 8213, говорит о продаже недвижимого имущества, заключающегося в доме, находящемся в полях Huwati, с полями, посадками маслин, питомником виноградных лоз и виноградником, но с оговоркой, что бронза, какая имеется в доме и в хозяйстве, не продаётся и если покупатель предъявит на неё претензию, то платит штраф в размере таланта серебра³. И в этом случае напрашивается аналогия с вавилонским частным сельским хозяйством, в котором играла важную роль доходная культура финиковой пальмы; в Сирии и Палестине такой же доходной культурой была культура маслины и виноградной лозы. В остальном документ сходен с предшествующим: главное богатство продавцов заключается в бронзе, которую они не продают, и продаваемое владение является частью имущества семейной общины. Это видно из того, что продавцами являются два лица, повидимому, дядя и племянник, и что вместо обычного термина «купил» в документе употреблён термин Iptatar — «освободил» — от pataru — «развязывать, освобождают», — который применяется также и в предшествующем документе для обо-

² В письме Абди Мильки, царя Тира, фараону Аменготепу IV сообщается, что «Угарит, город (qarqart) царя, пожрал огонь; половину его он пожрал, а другой половины его нет, и людей войска Хатти нет там» (Knudtzon № 151, строка 155). Уже Эбелинг (там же, S. 1007) высказал предположение, что половина города была разрушена землетрясением и что пожар в другой половине возник также вследствие землетрясения. Эта догадка подтверждена целиком раскопками, обнаружившими и следы землетрясения и следы пожара, причём в подвале одного из разрушенных домов был найден скарабей с именем Аменготепе III, отца Аменготепе IV; ср. Schaeffer «Fouilles», «Syria», 1937, II, p. 137—140; 1938, III, p. 195—196.

¹ Thureau-Dangin «Trois contrats de R. S. «Syria», III, p. 249—251. 1937.

³ Thureau-Dangin, Op. cit., p. 251—253.

значения отлучения или изгнания из семейной общины непокорного сына¹.

Наконец, два документа касаются специально рабства. Документ RS 8208 свидетельствует об освобождении рабыни одного из придворных сановников (*gabis*) царицы и одновременно о том, что другой сановник, звание которого обозначено неясным термином «папи», берёт освобождённую рабыню в жёны и платит при этом её прежнему господину 20 шекелей серебра². Документ RS 1932—4475 является письмом некоего Ур-шар к Песи, который захватил двух рабов Ур-шара без всякой вины с их стороны; Ур-шар требует вернуть рабов, угрожает адресату гневом богов и подчёркивает, что потеря рабов грозит «нам», т. е. его семейной общине, разорением³. Очевидно, Ур-шар был мелким хозяином, вернее всего владельцем небольшой масличной плантации или виноградника, для обработки которых имел двух рабов. Эти два документа и завещание Иариману свидетельствуют, что рабство в Угарите пошло обычный для Востока характер домашнего рабства.

Как свидетельствует завещание Иариману, последний был судовладельцем, следовательно купцом. Тот же документ, в сопоставлении с актом продажи сельского имения, свидетельствует о характере торговых операций угаритских купцов XV—XIV веков. Судя по этим двум документам, самым ценным имуществом, которое являлось объектом накопления, была бронза в разного рода бронзовых изделиях. Эта бронза была, несомненно, кипрской продукцией, так как среди сосудов, найдённых в некрополе Минет-эль-Бейда, имеются кипрские бронзовые сосуды XV—XIV веков⁴. Очевидно, угаритские купцы скупали кипрские бронзовые изделия в обмен на какие-то другие товары; но бронза им была нужна не для личного употребления, а для продажи, особенно для перепродажи в другие страны, ибо только при этом условии понятно, почему она считалась самым ценным имуществом.

Таким образом, перед нами чётко вырисовывается тип торговца-посредника. Эта характеристика подтверждается также и дру-

¹ По древневавилонскому праву, продавец (или продавец) общесемейного имущества имели право на его обратный выкуп в обязательном порядке, если это оговаривалось в документе, и часто по повышенной цене (Cicq. Essai sur le droit babylonien, p. 205). Здесь также предполагается, что продавец (Туро-Данжен, стр. 251, ошибочно *asquegeug* — покупатель) имеет право обратного выкупа общесемейного имущества, и потому в текст документа внесена соответствующая оговорка.

² Thureau-Dangin. Op. cit, p. 253—255; освобождение производится посредством традиционного обряда возлияния масла на голову рабыни.

³ Dhorme «Deux tablettes de R. S. de la campagne de 1932». «Syria», III, p. 235—237.

⁴ Schaeffer «Fouilles». «Syria», 1933, p. 97—98.

гими документами, касающимися царской торговли. На первом месте стоит документ RS 8279, в котором зарегистрированы экипажи трёх кораблей, составленные из артелей общинников, которых мог привлекать на морскую службу только царь. Корабли были большими судами, грузовыми, а не военными, так как только в экипаже третьего корабля упоминается военный конвойный отряд из 18 человек, повидимому, для всех трёх судов, ходивших караваном⁵. Руководителями торговых экспедиций, совершавшихся царскими судами, должны были служить специальные царские агенты, аналогичные вавилонским дамкарам и египетским царским купцам. Существование таких агентов засвидетельствовано также одним документом—RS 8315. Это — письмо некоего Таламиану, «раба» сестры царя, написанное на финикийском языке. В письме Таламиану сообщает сестре царя, «моей матери», что его путешествие закончено, что с ним также и Келаль и что они оба благополучны⁶.

Автор письма был, очевидно, царским агентом, который только что вернулся из поездки, исполнив какое-то поручение сестры царя; мы вряд ли ошибёмся, если предположим, что он был царским торговым агентом. Вавилонские дамкары одновременно и попутно с исполнением царских поручений совершали и свои собственные торговые операции; так же поступали, конечно, и финикийские торговые агенты. Таким образом, и в области финикийской торговли выясняются черты, сходные с теми чертами, какими характеризуется вавилонская и египетская торговля. Следует добавить, что эти черты сохранялись и в X веке. Как свидетельствует I книга Царей, современник Соломона, царь Тира Хирам, также имел свои корабли, обслуживаемые «рабами, людьми корабельщиками, знающими море» (9, 27); по его примеру строил и посылал корабли за золотом Соломон, а в IX в. строили и посылали за товарами корабли иудейский царь Иосафат и израильский царь Ахасия, которые, конечно, брали также пример с финикийских царей (I книга Царей, 9, 26—28, 22, 49—50).

Посреднический характер торговых операций угаритских купцов выступает ещё и с другой стороны в документе, найдённом не в архиве и библиотеке Угарита, а в другом месте холма Рас-Шамра. Документ написан по-аккадски, очень краток, содержит всего пять строк, из них последняя попорчена. Документ гласит: «190 gurru (гуров) зерна (из них) 70 за Нурману, сыном Хутшакна и за (женщиной) Эбинуми, передал...»; на обороте печать, на которой изображена богиня Иштар, восседающая на троне между двух львов⁷. И место на

⁵ Vignolleaud «Etats nominatifs et pieces comptables provenant de R. S.». «Syria», 1937, II, p. 167—168.

⁶ Dhorme «Nouvelle lettre d'Ugarit en écriture alphabétique». «Syria», II, 1938, p. 142—146.

⁷ Dhorme «Petite tablette accadienne de R. S.». «Syria», 1935, II, p. 194—195.

ходки документа, и характер печати, и язык свидетельствуют, что документ принадлежал не коренному угаритянину, а иноземцу, вернее всего купцу из Ассура. Дело идёт о довольно значительной партии зерна, ибо 190 гур равняются 228 гектолитрам, или, на прежние русские меры, 91 четверти зерна. Передаваемое зерно не всё в наличии — в счёт всего количества 190 гур должно ещё поступить 70 гур = 84 гектолитра = 33,6 четверти от двух лиц, мужчины и женщины. Документ является актом не продажи, а передачи; получатель засвидетельствовал приём зерна приложением своей печати с изображением Иштар, главной богини древнего Ассура. Отсюда ясно, что получателем был купец из Ассура, а передал ему зерно, очевидно, его местный комиссионер, скупавший зерно у разных лиц, преимущественно у частных хозяев. Операции купцов из Ассура засвидетельствованы также ещё двумя аккадскими документами. Из них один вскрывает ещё одну категорию угаритского экспорта.

Документ, написанный по-аккадски, содержит список лиц, за которыми числится, очевидно, в пользу владельца документа, пурпурная шерсть в количестве от 400 до 100 шекелей (от 1,15 до 4,6 кг) на каждое отдельное лицо, всего 76 кг на 31 человека. Надо полагать, что и в этом случае, как и с зерном, операцию производил ассирийский купец, но также через местных комиссионеров. В списке помечены, очевидно, мастера-ремесленники Угарита, которые занимались изготовлением пурпурной краски и окрашиванием шерсти из материала заказчика; этим и объясняется формула «100 — 400 (шекелей) пурпурной шерсти за таким-то»¹. Другой документ подтверждает наше заключение, что скупку зерна и шерсти производили именно ассирийские купцы. Это — написанное по-аккадски письмо некоего Белубура находящемуся в Угарите брату его Эль-Шару; по стилю письмо сходно с письмами из Ассура первой половины XIII века². На этом основании Тюрю-Данжен, издавший письмо Белубура, полагает, что оно было послано Белубуром из Ассура в Угарит и что Белубур и Эль-Шар оба были ассирийцами. Белубур просит Эль-Шара передать письмо от него царице и объяснить ей его содержание. Тюрю-Данжен полагает, что письмо

было политического содержания; однако это мало вероятно, так как подобные письма не передавались частным образом, а посылались со специальными, доверенными лицами.

Мы полагаем, что письмо, по всей вероятности, касалось каких-нибудь торговых дел, которые царица могла вести частным образом, а так как Белубур и Эль-Шар были братьями, то вполне естественно, что Эль-Шар, живший в Угарите и, очевидно, говоривший по-финикийски, явился в данном случае посредником-переводчиком между Белубуром и царицей. Из всех наших сопоставлений вытекает, что, во-первых, в XV—XIV вв. в Угарите была купеческая колония из Ассура, занимавшая, вероятно, там особый квартал, подобно тому, как в XVIII в. в Угарите был квартал критских купцов, обнаруженный при раскопках³, и как в Гебале издревле был египетский квартал, и что, во-вторых, купцы из Ассура производили в Угарите закупки хлеба и пурпурной шерсти, а привозили для обмена, вероятно, железо и медь.

Таковы черты угаритской торговли, поскольку их можно выяснить на основании опубликованных до войны деловых документов. Конечно, это ещё не полный и отрывочный материал, но из него обнаруживаются совершенно бесспорно две основные формы угаритской торговли в XV—XIV вв. — царская торговля и частная посредническая торговля. Эти формы были той основой, на которой развивалась торговля и других финикийских городов, развивалась вширь, но не видоизменялась по существу. При этом развитие вширь имело место главным образом в Тире, который в первой половине I тысячелетия занял по размерам своих торговых связей и по количеству своих опорных пунктов за пределами Финикии совершенно исключительное положение. Но посреднический характер финикийской торговли и в I тысячелетии остался неизменным. Это видно из давно и хорошо известных данных библейской традиции и Геродота, которые всегда приводились историками Финикии, но не оценивались по существу их содержания. В списках товаров, которые, по сообщению книги Иезекиля (27, 3—33), приходили в Тир «с морей», перечисляются самые разнообразные категории, но из финикийских товаров упоминается только лес с Ливана; точно так же и Геродот перечисляет товары, привозившиеся финикийскими купцами в Грецию и другие страны из Египта, Ассирии и Аравии (I, 1; III, 107, 111), но из финикийских товаров называет только вино, привозившееся в Египет (III, 6). Следовательно, и в середине I тысячелетия финикийские купцы торговали чужими товарами, которые покупались в одних странах и продавались в других. Характерно также, что когда во второй половине I тысячелетия торговые операции Тира опять значительно сократились, это не привело ни к каким потрясениям экономики области

¹ Thureau-Dangin «Un comptoir de laine pourpre à Ugarit d'après une tablette de R. S.». «Syria», 1934, II, 71, p. 137 suiv. В тексте документа при названии шерсти стоят только числовые знаки без обозначения единицы веса, но в конце дан итог — 2 таланта 600 шекелей, — откуда ясно, что числа относятся к шекелям. Нельзя не отметить, что Тюрю-Данжена в этом документе заинтересовали больше всего собственные имена, анализу которых он посвящает почти весь свой комментарий (p. 141—146) и насчитывает из числа 31 имени 11 хурритских.

² Thureau-Dangin «Une lettre assyrienne à R. S.». «Syria», 1935, II, p. 187—193.

³ О критских купцах в Угарите ср. Schaeffer «Fouilles». «Syria», 1938, III, p. 248—249.

Тира, что было бы неминуемо, если бы торговля Тира базировалась на определённой специализации народного хозяйства области Тира, подобно тому как это имело место в Афинах, Коринфе и в некоторых других греческих полисах. Таким образом, уже тот десяток аутентичных частных документов из Рас-Шамра, который сейчас пущен в научный оборот, наносит решительный удар всякого рода спекуляциям, приравнивавшим финикийскую торговлю к афинской и даже к английской торговле.

В заключение обзора новых данных, какими открытия в Рас-Шамра обогащают наши сведения по общей истории Финикии, надо остановиться на материалах, проливающих свет на отношения Угарита с соседней Сирией и с Двуречьем. Из документов Рас-Шамра видно, что царь Угарита владел частью внутренней Сирии, прилегающей к северной части долины Оронта. Эта область царства Угарита заходила на восток несколько далее линии Хамата и простиралась на юг до Сермина, лежащего на караванной дороге от Арвада к Пальмире. Кроме того один текст Рас-Шамра свидетельствует о том, что в III в. до н. э., может быть, ещё в начале II тысячелетия в состав финикийских областей входила область вокруг озера Мером¹, принадлежавшая, вероятно, либо Тиру либо Сидону. Эти данные весьма важны, ибо у нас почти нет сведений об истории Сирии в III — II тысячелетии, за исключением отрывочных данных писем эль-амарнского архива и хеттских сообщений о завоевании Сирии и основании там хеттских княжеств. Поэтому всякое новое известие о политической истории Сирии до хеттского завоевания чрезвычайно ценно для исторической науки. Финикийское влияние в Сирии отмечалось и раньше, о нём говорит факт усвоения в Сирии финикийского алфавита, но этот факт относится к I тысячелетию. Теперь данные текстов Рас-Шамра свидетельствуют о том, что финикийское влияние было не только культурным, но и политическим и что оно восходит к III тысячелетию до нашей эры. Таким образом, древняя история Сирии, точнее древнейших арамейских племён, дополняется новыми важными данными, и это обстоятельство должно побудить историков Востока заняться специально древней историей Сирии. Изучение её должно подвести нас к выяснению обстоятельств, которые привели к социальному кризису в сирийских княжествах начала I тысячелетия.

Надпись царя Киламу, найденная в Зенджерли и относящаяся к 825 г., свидетельствует о том, что в начале IX в. в арамейских княжествах имели место вспышки обострённой классовой борьбы, возникавшие, несомненно, на почве разложения общинного

строения, подобно тому как это наблюдается в IX в. и в царстве Эфраима². Эти вспышки были подготовлены историей сирийских княжеств во II тысячелетии, и потому для советского историка особенно интересно и важно изучить историю Сирии начиная с самых древних, засвидетельствованных источниками времён. Что касается отношений Угарита с Двуречьем, то они интересны не только для истории Угарита, но и для истории самого Двуречья, точнее для истории древнейшей Ассирии и царства Мари и Митанни, с которыми Угарит имел ближайшие торговые связи. В данном случае напрашивается сопоставление ассирийской торговой колонии II тысячелетия в Угарите с каппадокийскими ассирийскими торговыми колониями. Последние восходили к III тысячелетию; ассирийская колония в Угарите, вероятно, была основана в эпоху расцвета Угарита, до его завоевания фараонами, т. е. в XIX—XVIII вв. до нашей эры. Культурное влияние этой колонии и связей с Ассирией и Митанни видно из того, что в основу угаритского клинообразного алфавита, судя по стилю его знаков, были положены знаки именно из Митанни и что аккадский язык был хорошо знаком угаритским купцам.

Переходя теперь к вопросам, касающимся финикийской культуры, сделаем прежде всего несколько замечаний о характере и значении памятников искусства, найденных в Рас-Шамра и Минет-эль-Бейда. К сожалению, пока никто не исследовал полностью вопрос о разграничении этих памятников по их происхождению, или, проще говоря, о выделении из общего художественного фонда Рас-Шамра тех памятников, которые надо считать созданными в Угарите. Этот вопрос более или менее ясен только по отношению к изображениям божеств в форме статуй и статуэток и рельефов на стенах, но остаётся целый ряд художественных предметов другого порядка — сосудов, предметов украшения, мелкой утвари, оружия, орнамента и др. — относительно происхождения которых нет ещё определённого заключения специалистов. Здесь необходимо провести такую же кропотливую и трудную работу, какую весьма успешно проделал Монте для разрешения вопроса о происхождении памятников искусства, найденных им в Гебале. Метод и выводы Монте весьма поучительны, и их надо иметь в виду при исследовании предметов искусства, найденных в Рас-Шамра. Монте показал, что ходячее, упрощённое представление о финикийском искусстве как сплошь подражательном неправильно. Влияние египетского искусства на искусство Гебалы неоспоримо и весьма глубоко, но в произведениях искусства Гебалы, созданных под египетским влиянием, сказывается определённая эволюция от простого подражания к переработке египетских мотивов под местный стиль. Этот местный стиль создавался, по видимому, параллельно с переработкой египетских мотивов, и характерными его образцами являются, между прочим, те

¹ В тексте Рас-Шамра, изданном Виролло под названием «Anat et la Genisse» («Svria», 1936, II, p. 149 suiv.), действие развёртывается в стране Ah-smk (col. II, 9). Виролло и Дюссо отождествляют эту страну с областью вокруг озера Мером (Хуле), которое Иосиф Флавий называет Samchonitis (Arch. V, 5. I; Bell. III, 10, 7; IV, I, I); ср. «Syria» p. 157. Отождествление, по видимому, вполне правильное.

² Текст надписи Киламу — Lidzbarski. Ephemeris, III, 219 ff перевод — Gresmann. Altorientalisch Texte und Bilder zum Alten Testament, II Aufl. I, S. 442—443.

предметы, которые обычно считали произведениями кипрского искусства или подражаниями последнему. На самом деле было обратное — кипрские произведения, созданные в колониях Гебала, были сделаны по образцам метрополии, Гебала, который, по мнению Монте, был вообще художественным центром для всей Сирии. Мало этого: гебальский, или сирийский, стиль, как его называет Монте, оказал весьма заметное влияние на египетское искусство эпохи Нового царства, художники которого охотно воспроизводили в своих произведениях мотивы сирийских рельефов и сирийского орнамента¹.

Вопрос о художественных предметах, найденных в Рас-Шамра, сложнее, так как художники Угарита, кроме весьма значительного египетского влияния, испытывали также весьма значительное влияние со стороны крито-микенского, хеттского и ассиро-вавилонского искусства. Это доказывается, между прочим, находками некоторых критомикенских образцов рядом с местными копиями и сходством некоторых статуэток, найденных в Рас-Шамра, с аналогичными известными ранее памятниками ассиро-вавилонского и хеттского искусства. Насколько мы могли судить на основании беглого ознакомления с памятниками искусства, найденными в Рас-Шамра и Минет-эль-Бейда, в Угарите обнаруживается тот же процесс, что и в Гебале: переход от подражания чужим образцам к их переработке под создающийся параллельно местный стиль. Но так как внешние влияния в Угарите были разнообразнее, чем в Гебале, то в Угарите египетское влияние не занимает такого же доминирующего положения, как в Гебале, и созданный в Угарите местный стиль отличается от местного стиля в Гебале.

Таким образом, можно говорить не только о финикийском искусстве как искусстве своеобразного стиля, но также можно различать в финикийском искусстве местные течения, — гебальское и угаритское. Конечно, эти соображения сугубо предварительны; однако они покоятся на бесспорной основе — на выводах исследований Монте и на некоторых памятниках из Угарита, о характере которых не может быть двух мнений. Проблема финикийского искусства может быть теперь поставлена в её полном объёме, и после открытий в Рас-Шамра для её разрешения имеется богатый материал, дополняющий материалы, найденные в Гебале².

¹ Montet «Byblos et Egypte», I, p. 291—294, 124—139 и ряд мелких экскурсов об отдельных вещах.

² Следует отметить, что раскопки, произведённые Дюнаном в Гебале в 1926—1932 гг., обнаружили ряд предметов, свидетельствующих о том, что в Гебале также имело место влияние эгейской и малоазиатской культуры; но, к сожалению, отчёт Дюнана, вышедший в конце 1939 г., был для меня недоступен. Также недоступным был для меня и первый том издания Ugaritica, вышедший в середине 1939 г. и составленный из нескольких этюдов Шеффера. Три из них посвящены вопросам культуры и ис-

Другой вопрос, до сих пор по существу также ещё открытый, — это вопрос о литературе, найденной в Рас-Шамра. Эпос об Алейсне-Ваале (АВ) и другие мифологические тексты, имевшие, вероятно, ритуальное применение, являются первыми дошедшими до нас памятниками финикийской художественной литературы. Но к изучению их с этой, последней точки зрения ещё никто не приступал. Между тем такое изучение весьма важно и настоятельно необходимо. В монографии о тексте Eqrneu нам пришлось коснуться с литературной стороны только эпоса АВ, и мы обнаружили, что в этом эпосе скопировано воедино несколько более ранних версий сюжета борьбы Алейсона с Мотом и кроме того другой сюжет — о борьбе Эла и возглавляемого им пантеона богов против Алейсона. Если не все, то главнейшие из этих версий, вероятно, существовали в отдельной литературной обработке, были отдельными литературными произведениями. Возникает, таким образом, литературно-историческая проблема происхождения эпоса АВ, разрешение которой поможет нам вскрыть истоки зарождения литературного творчества в Угарите и историю его развития до создания эпоса АВ.

Другой вопрос, возникающий в связи с эпосом АВ и мимоходом отмечавшийся комментаторами, — это вопрос о влиянии со стороны египетской и вавилонской литературы. Надо сказать, что египетское влияние, если оно и было, то выражено, повидимому, весьма слабо; заметные следы его имеются лишь в тексте Anat II («Анат-вонительница»), в котором есть черты, сходные с чертами египетского мифа об истреблении людей богиней Хатор. Напротив, вавилонское влияние было более заметным, хотя и оно не имело такого большого значения, как например в израильско-иудейской литературе. В некоторых фрагментах, примыкающих к эпосу АВ, как например в фрагменте, озаглавленном Виролло «Les chasses de Baal», и в некоторых отрывках эпоса АВ сказывается как будто влияние первой части вавилонского Erima elis (о борьбе полчищ Тиамат против светлых богов); возможно, что найдутся и другие точки соприкосновения с другими произведениями вавилонской литературы³.

искусства; особенно интересным должен быть этюд «Matériaux pour l'étude de la formation de l'art syrien du II millenaire».

³ В поэме «Chasses de Baal» («Охота Ваала») описывается гибель Ваала (Алейсона) на охоте в пустыне; судя по смыслу текста, местами плохо сохранившегося, гибель эта организуется Элом, который повелевает «служительнице Ашерат» идти в пустыню и там родить чудовищных зверей-«пожирателей» (aklm); в неравной борьбе с этими чудовищами Ваал-Алейсон и погибает. Если допустить, что «служительница Ашерат», которая звалась «Ашерат моря», подставлена в этом тексте вместо самой Ашерат, то получается параллель к Erima elis, где Тиамат, она же морская бездна, рождает для борьбы против Мардука одиннадцать чудовищ, из которых некоторые имели звериный образ. Несомненный след влияния эпоса Erima elis, или,

Этот вопрос требует детального исследования, но не столько для того, чтобы разыскать все следы вавилонского влияния, сколько для того, чтобы окончательно оправдать то первое впечатление, какое производят литературные тексты Рас-Шамра, впечатление оригинальных по своим сюжетам произведений. И в этом отношении раскопки Рас-Шамра создают эпоху, ибо они открыли ещё одну древнюю литературу, с высокими художественными достоинствами.

Остаётся та область финикийской культуры, которая особенно ярко и подробно освещается открытиями в Рас-Шамра, — финикийская религия. Нет надобности повторять, что для этой области открытия в Рас-Шамра имеют совершенно исключительное значение, ибо только на их базе стало возможно подлинно научное изучение финикийской религии и только в текстах Рас-Шамра финикийская религия выступила перед нами в своём подлинном образе и в таких чертах, какие никогда ранее не могли нам представиться. Выше мы уже указывали, что ритуальные тексты Рас-Шамра вскрывают перед нами финикийскую общинно-земледельческую религию с её своеобразным традиционным пантеоном и традиционными обрядами, восходящими к родоплеменной эпохе. Ранее о существовании этой религии никто не догадывался, кроме, быть может, Пичмана, который по отношению к некоторым официальным финикийским божествам и обрядам сумел проследить их древние, первобытные корни. Теперь эта религия в части, связанной с периодом пахоты и посева, в подробностях вскрыта в нашей монографии о тексте Eqrupu и частично там же освещены также мифология и обрядность периода жатвы и сбора плодов. Но тексты Рас-Шамра производят переворот также и в наших прежних представлениях об официальной финикийской религии, религии финикийских государственных центров. Мы знали по именам несколько крупных божеств официального пантеона, но их мифология была нам известна только в искажённой передаче греческих и римских писателей и в не менее искажённой форме богословских спекуляций Филона Библиского. Что касается официального культа, то о нём у нас не было почти никаких аутентичных данных.

Теперь из текстов Рас-Шамра мы узнаём, что только в официальном пантеоне Угарита насчитывалось не менее 40 божеств, в том числе до двенадцати действительно великих богов; эпос АВ и другие мифологические и ритуальные тексты Рас-Шамра рассказывают нам аутентичные мифы о многих из этих божеств. В числе их имеются такие боги, которые ранее либо совсем не были известны либо были известны

вернее, вавилонских официальных религиозных представлений, мы встречаем в основной части АВ I (II АВ), где рассказывается о сооружении богами Алейону храма на горе Сафон, якобы прототипа нового храма ему в Угарите подобно тому, как Мардуку сооружается одновременно с творением земли и неба храм Эсагила на небесах, якобы прототип храма Эсагила в Вавилоне,

только по именам. Так, впервые выступают такие божества, как богиня солнца Шапаш, бог луны Иерах, или Терах, земледельческий бог Данел и, наконец, «мать богов» Ашсрат. По существу, впервые выступают такие боги, как Эл, Мот и Алейон-Элиун, которые ранее были известны только из отрывочных и путаных сообщений Филона Библиского, и богиня Анат, которая ранее была известна только из одной поздней (III в. до нашей эры) кипрской надписи¹. Оказывается, что все эти восемь мало известных или неизвестных ранее божеств занимали первые места в пантеоне Угарита; и можно предположить, что если не всем, то некоторым из них воздавался культ также и в других городах. О них, как и о других божествах, были сложены мифы и легенды, обработанные в литературной форме и рисующие нам их не сквозь призму богословских спекуляций Филона, а в тех их подлинных чертах, какими снабдили их народная традиция и жреческая фантазия. Почти такой же переворот производят тексты Рас-Шамра в наших познаниях о финикийском официальном культе. До открытия этих текстов мы располагали только тремя фрагментами жертвенных тарифов, которые по отношению к ритуалам обрядности не давали никаких сведений, кроме трёх терминов для жертвенных приношений, да несколькими сообщениями поздних греческих и римских писателей, главным образом об обрядности, связанной с культом Адониса. Тексты Рас-Шамра дают реальные сведения о жертвоприношениях и их ритуалах² и описывают ритуальные церемонии нескольких специальных священнодействий.

Отсюда видно, что перед историком религии открывается непочатая и богатая область работы над проблемами истории финикийской религии, как народной, так и официальной. Основными проблемами должны быть, во-первых, проблема зависимости официальной религии от народной и их взаимоотношений, во-вторых, проблема реконструкции местных официальных пантеонов с их мифологией и культурами и, в-третьих, особенно интересная и важная проблема взаимной зависимости и взаимоотношений между финикийской религией и религиями смежных царств и областей, перерастающая в проблему древней сирийско-палестинской религии.

На всём протяжении нашего исследования об общинно-земледельческих финикийских культурах мы постоянно сталкивались либо с тождеством либо с родственной близостью финикийских, сирийских, ханаанских и израильско-иудейских религиозных представ-

¹ Надпись из древнего Лапета (теперь Ларнака) *Corpus inscriptionum semiticarum*, I, fasc. I, no. 95, p. 114—116.

² Тексты были опубликованы без перевода в таблицах Виролло, «*Syria*», 1929, IV, p. 304, 10 — «*Les inscriptions cunéiformes de Ras-Samra*»; по условиям военного времени, это издание было мне недоступно. Ряд цитат из этих надписей даёт Вагнер «*Die Gottheiten von Ras-Schamra*», *ZAW*, 1933, II und 1935, I.

лений, обрядов, аксессуаров, терминов, и каждый раз, когда такое сходство побуждало нас к поискам причин, его вызвавших, наши поиски приводили нас к одному и тому же факту, к одной и той же эпохе, в одно и то же место. Мы приходили к факту существования сходного явления среди тех родоплеменных групп, от которых отпочковались группы непосредственных предков финикийцев и ханаанцев, эдомитян и сынов Израиля, мабитян и арамейцев. Мы спускались при этом в эпоху IV тысячелетия, а может быть, и ещё более раннюю, и оказывались в области Большого Негеба и южной части Заиордания, за Мёртвым морем.

Мы не формулировали наших общих выводов из этих фактов, ибо эти выводы нуждаются ещё в проверке и окончательном обосновании. Но факты, установленные нами, подсказывают, что исторические религии: ханаанская, израильско-иудейская, финикийская и сирийско-арамейская—произошли от одного корня, от одной родоплеменной религии и что в процессе своего исторического видоизменения они настолько мало разошлись одна от другой, что могут быть рассматриваемы как местные варианты, местные формы одной исторической сирийско-палестинской религии. Эта проблема имеет огромное значение, и разрешение её должно быть первоочередной задачей историков древнего Востока.

Ещё важнее другая проблема. На протяжении нашего исследования мы, опираясь на сопоставления Дильмана и на выводы Вельгаузена, Робертсона Смита и отчасти Баудиссина, не раз в трудных случаях обращались к древнеарабской религии и к древнеарабской традиции и всегда получали с этой стороны ответы на наши вопросы, иногда сразу разрешавшие наши затруднения, иногда указывавшие нам верный путь к их разрешению. Мы должны сказать, что мы считали справки из области арабской религии и арабских традиций особенно важными, ибо ещё задолго до Дильмана и Вельгаузена Энгельс, изучая работу Форстера о быте народной религии арабских племён, пришёл к выводу, что «иудейское так называемое священное писание было не чем иным, как записью древнеарабских религиозных и племенных традиций, несколько видоизменённых ранним отделением иудеев от соплеменных им, но ещё кочующих соседей... главное содержание (еврейских религиозных традиций.—Н. Н.) было арабского или, вернее, общесемитического характера, как ещё у нас Эда или немецкий героический эпос»¹. Этот вывод, сделанный Энгельсом с присущей ему гениальной прозорливостью, подтвердили, сами не ведая того, названные выше семитологи. Мы лично, опираясь на материалы, обработанные Вельгаузеном, и на некоторые его сопоставления, пришли к совершенно для нас неожиданным выводам о существовании в Иудее культа арабской Уззы, арабской Манат и, может быть, ещё некоторых арабских божеств. Эти экскурсы не были включены в нашу монографию;

но они вместе с теми экскурсами в область древнеарабской религии и традиции, которые в нашей монографии имеются, ставят более широкую проблему в том аспекте, в каком наметил её Энгельс,—в аспекте «арабского, или вернее общесемитического происхождения» не только еврейских, но также ханаанских, финикийских и арамейских религиозных традиций.

Таковы те новые выводы, на которые наталкивают нас открытия в Рас-Шамра, относящиеся к истории Финикии, Палестины и Сирии. Но тексты Рас-Шамра подводят нас и к другим выводам, касающимся истории всего древнего Востока. Маркс и Энгельс, выдвигая своё положение об общинном быте как основной, характернейшей черте восточного общественно-экономического строя, не делали из этого положения никаких исключений «на пространстве от Египта до Индии», т. е. включали сюда и Финикию². Некоторые советские историки оскаривали это положение Маркса и Энгельса по отношению к Двуречью и Финикии. Позже они должны были признать общину в Двуречье; тексты Рас-Шамра доказывают, что общинный быт существовал также и в Финикии и занимал там весьма сильные позиции. Это первая установка общего характера по отношению ко всему древнему Востоку.

Далее, в истории Двуречья, Палестины и Египта действует один очень важный фактор, правда, в различной степени, но везде одинаковым образом. Этот фактор заключается в том, что существует общее взаимоотношение между оседлостью одной части племён, живущих в речных долинах или в Палестине и Сирии, и продолжающимся кочевничеством другой части тех же племён. Взаимоотношение выражается в сохранении известных связей и отношений разнообразного характера — религиозных, торговых, культурных, иногда, впрочем, прерываемых вспышками враждебных столкновений. В основе этого взаимоотношения лежит факт внедрения, мирного или насильственного, бедуинских племён в культурные области, где бедуины быстро превращаются в оседлых скотоводов и земледельцев, но не забывают своих братьев по племени, оставшихся в пустыне, продолжают считать их своими родичами, а туземное население занятой ими культурной страны долго считают чужим. До открытий в Рас-Шамра казалось, что исключением из этого правила была Финикия. Но ряд открытий в Рас-Шамра установил, что не только Угарит, но и Гебал и Тир имели постоянные связи с пустыней — с пустыней Калеш, с пустыней, примыкавшей к озеру Мером, где бок о бок с земледельческим населением соседних финикийских областей ковыляли родственные этому населению арамейские племена.

В эти пустынные местности летят охотиться финикийские боги, там живёт злой финикийский бог Мот, вечно борющийся с бла-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXI, стр. 484.

² Ср. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. IX, стр. 519 сл. «Капитал». Т. I, стр. 406—407; «Алти-Дюринг», стр. 115, 129.

гостными богами Алейном и Нагар-Мидра, там пасутся стада, принадлежащие богам, там возводятся святилища финикийским богам. Это значит, что туда ездили охотиться и финикийские цари и сановники, что там пастись и их стада, что в святилища финикийских богов заходили со своими жертвами и обетами и кочевые братья финикийя. Через эти пустыни постоянно шли к Ефрату из Угарита, Гебала, Тира и других портов караваны, которые попутно

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXI, стр. 488. И здесь, как по отношению к высказыванию Энгельса об арабском происхождении еврейских религиозных традиций, можно отметить любопытный факт: не ведая того, Эд. Мейер подтвердил установку Маркса, дав в таком же смысле прекрасную характеристику взаимоотношений между оседлыми и кочевыми племенами древнего и средневекового Востока («Israeliten und ihre Nachbarstämme», S. 304—305).

на караванных станциях производили обменную торговлю с кочевниками. Таким образом, установка о постоянном общем взаимоотношении между соседними оседлыми и кочевыми племенами оказывается действительно общей для всех стран древнего Востока. Этому учат нас тексты Рас-Шамра, окончательно подтверждая и меткое замечание Маркса, высказанное им по этому вопросу девяносто лет тому назад¹.

В заключение мы хотели бы пожелать скорейшего исследования и разрешения новых проблем, поставленных перед историками Востока открытиями в Рас-Шамра. Мы лично считаем своей первоочередной задачей новое рассмотрение истории израильско-иудейской религии в связи с теми новыми общими установками, которые наметились в итоге настоящего этюда и сформулированы выше.

Другие проблемы и задачи, вытекающие из настоящего исследования, мы приглашаем взять на себя наших ориенталистов и тех ориенталистов Запада, которым будут доступны наша монография и эта статья.

МОНАСТЫРИ МОСКОВСКОЙ РУСИ XVI ВЕКА КАК ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ

М. Ильин

Обычно принято рассматривать монастыри как церковно-религиозные центры, которые приобретали особое значение в связи с колонизацией Севера, усилившейся в XV—начале XVI века. Военно-оборонительное значение монастырей затрагивалось лишь бегло и не являлось темой специального исследования. То же можно сказать и о градостроительстве в XVI в., которое приняло значительные размеры и было тесно связано с военно-оборонительными мероприятиями Московского государства. Более того: принято считать, что до времени Петра I мы не имели градостроительства, сознательно ставившего и разрешавшего задачи архитектурного порядка¹. Это ошибочное мнение объясняется полной неразработанностью данного вопроса.

В пепле лежали города и сёла после татарского нашествия на Русь. Князья междоусобицы терзали многострадальную родину. Тяжёлое бремя «татарского выхода» нес уцелевший от набегов народ. Многие русские люди от этой тяжёлой жизни уходили в глушь лесов, на берега пустынных озёр и рек. Одним из таких людей был Сергей Радонежский, основавший в середине XIV в. недалеко от города Радонежа Троицкий монастырь. Этот монастырь вскоре сделался центром, где воспитывались проповедники-иноки, расходившиеся потом по русским княжествам, проповедуя единство русского народа, силу, крепость духа в условиях тяжёлых невзгод и татар-

ских разбойных набегов. Прославляя церковь, монахи вместе с тем служили делу объединения Руси. За монахами шли московские воеводы, служилые люди и гости-купцы, прибирая к рукам нетронутые богатства Северовосточной Руси. Так религиозно-просветительное дело постепенно превращалось в мирское, тесно связанное не только с усилением Москвы, но и с обороной её рубежей. Каждый вновь основанный монастырь почти сразу превращался в укрепленный пункт, окруженный высоким тыном, за которым можно было «отсидеться» в случае внезапных набегов. Пафнутьев-Боровский монастырь, основанный в 1444 г., уже на следующий год превратился в крепость на югозападной границе Московского великого княжества. Монастырская тыновая ограда вскоре стала заменяться рублеными стенами — «городьями», или «тарасами», что увеличивало оборонительную силу монастыря-крепости.

В первое время многие монастыри-крепости возникали под стенами городов, повторяя в известной мере систему оборонительного монастырского пояса, сложившегося вокруг Москвы. У Звенигорода возник Саввино-Сторожевский монастырь, у Боровска — Пафнутьев, у Коломны — Голутвинский и Бобеневский, у Можайска — Лужецкий, у Серпухова — Владычин и т. д. Но усиление экспансии колонизации московского княжества очень скоро придало монастырям более самостоятельный характер. В особенности это относилось к северным монастырям, как Кирилло-Белозерскому, Ферапонтову, Спас-Каменному, Сий-

¹ Шквариков В. Планировка городов России XVIII и начала XIX веков, стр. 27. М. 1939.

гостными богами Алейном и Нагар-Мидра, там пасутся стада, принадлежащие богам, там возводятся святилища финикийским богам. Это значит, что туда ездили охотиться и финикийские цари и сановники, что там пастись и их стада, что в святилища финикийских богов заходили со своими жертвами и обетами и кочевые братья финикийя. Через эти пустыни постоянно шли к Ефрату из Угарита, Гебала, Тира и других портов караваны, которые попутно

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXI, стр. 488. И здесь, как по отношению к высказыванию Энгельса об арабском происхождении еврейских религиозных традиций, можно отметить любопытный факт: не ведая того, Эд. Мейер подтвердил установку Маркса, дав в таком же смысле прекрасную характеристику взаимоотношений между оседлыми и кочевыми племенами древнего и средневекового Востока («Israeliten und ihre Nachbarstämme», S. 304—305).

на караванных станциях производили обменную торговлю с кочевниками. Таким образом, установка о постоянном общем взаимоотношении между соседними оседлыми и кочевыми племенами оказывается действительно общей для всех стран древнего Востока. Этому учат нас тексты Рас-Шамра, окончательно подтверждая и меткое замечание Маркса, высказанное им по этому вопросу девяносто лет тому назад¹.

В заключение мы хотели бы пожелать скорейшего исследования и разрешения новых проблем, поставленных перед историками Востока открытиями в Рас-Шамра. Мы лично считаем своей первоочередной задачей новое рассмотрение истории израильско-иудейской религии в связи с теми новыми общими установками, которые наметились в итоге настоящего этюда и сформулированы выше.

Другие проблемы и задачи, вытекающие из настоящего исследования, мы приглашаем взять на себя наших ориенталистов и тех ориенталистов Запада, которым будут доступны наша монография и эта статья.

МОНАСТЫРИ МОСКОВСКОЙ РУСИ XVI ВЕКА КАК ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ

М. Ильин

Обычно принято рассматривать монастыри как церковно-религиозные центры, которые приобретали особое значение в связи с колонизацией Севера, усилившейся в XV—начале XVI века. Военно-оборонительное значение монастырей затрагивалось лишь бегло и не являлось темой специального исследования. То же можно сказать и о градостроительстве в XVI в., которое приняло значительные размеры и было тесно связано с военно-оборонительными мероприятиями Московского государства. Более того: принято считать, что до времени Петра I мы не имели градостроительства, сознательно ставившего и разрешавшего задачи архитектурного порядка¹. Это ошибочное мнение объясняется полной неразработанностью данного вопроса.

В пепле лежали города и сёла после татарского нашествия на Русь. Князья междоусобицы терзали многострадальную родину. Тяжёлое бремя «татарского выхода» нес уцелевший от набегов народ. Многие русские люди от этой тяжёлой жизни уходили в глушь лесов, на берега пустынных озёр и рек. Одним из таких людей был Сергей Радонежский, основавший в середине XIV в. недалеко от города Радонежа Троицкий монастырь. Этот монастырь вскоре сделался центром, где воспитывались проповедники-иноки, расхаживавшие потом по русским княжествам, проповедуя единство русского народа, силу, крепость духа в условиях тяжёлых невзгод и татар-

ских разбойных набегов. Прославляя церковь, монахи вместе с тем служили делу объединения Руси. За монахами шли московские воеводы, служилые люди и гости-купцы, прибирая к рукам нетронутые богатства Северовосточной Руси. Так религиозно-просветительное дело постепенно превращалось в мирское, тесно связанное не только с усилением Москвы, но и с обороной её рубежей. Каждый вновь основанный монастырь почти сразу превращался в укрепленный пункт, окруженный высоким тыном, за которым можно было «отсидеться» в случае внезапных набегов. Пафнутьев-Боровский монастырь, основанный в 1444 г., уже на следующий год превратился в крепость на югозападной границе Московского великого княжества. Монастырская тыновая ограда вскоре стала заменяться рублеными стенами — «городьями», или «тарасами», что увеличивало оборонительную силу монастыря-крепости.

В первое время многие монастыри-крепости возникали под стенами городов, повторяя в известной мере систему оборонительного монастырского пояса, сложившегося вокруг Москвы. У Звенигорода возник Саввино-Сторожевский монастырь, у Боровска — Пафнутьев, у Коломны — Голутвинский и Бобеневский, у Можайска — Лужецкий, у Серпухова — Владычин и т. д. Но усиление экспансии колонизации московского княжества очень скоро придало монастырям более самостоятельный характер. В особенности это относилось к северным монастырям, как Кирилло-Белозерскому, Ферапонтову, Спас-Каменному, Сий-

¹ Шквариков В. Планировка городов России XVIII и начала XIX веков, стр. 27. М. 1939.

скому, Соловецкому и др. В безбрежном лесном крае северо-востока древней Руси эти монастыри, учитывая слабую населённость края и отсутствие городов, являлись единственными опорными пунктами не только церкви, но и государства.

Если основание монастырей и их распространение в XIV и XV вв. первоначально носили в известной степени стихийный характер или диктовались местными условиями (пригородные монастыри), то начиная со второй половины XV в. и в особенности в XVI в. строительство новых монастырей получает продуманный и планомерный характер. Это видно особенно ярко на примере Поволжья. Завоевание Поволжья Москвой было сравнительно продолжительным. Падение Казани и Астрахани явилось лишь основным, конечным этапом в этой борьбе за Волгу. Наряду с военными походами в степь и к Уралу мы можем наблюдать интересную картину монастырской колонизации Среднего Поволжья, что диктовалось в то время не только религиозно-миссионерскими, но и хозяйственными и военно-оборонительными соображениями — на случай возможных восстаний и набегов ногайской орды. Карта Поволжья XVI в. пестрит множеством монастырей, роль которых в освоении Поволжья была чрезвычайно велика.

Забота Московского государства о постройке монастырей являлась весьма важным военным мероприятием в системе обороны страны. Результаты постройки оборонительных укреплений монастырей сказались во время первых же крупных столкновений Московского государства с его соседями в XVI веке. Хотя быстро развивавшаяся в XVII в. военная техника и тактика и изменили характер постройки укреплений, всё же военно-оборонительные сооружения монастырей сыграли большую роль в войнах XVII века.

Приведём ряд фактов из военной истории ряда монастырей.

Поражение Стефана Батория под Псковом в 1580—1582 гг. в значительной степени было обусловлено тем, что в тылу польских войск оказался Псково-Печерский монастырь. Засевший там гарнизон и монахи не только оказали мужественное сопротивление осаждавшим монастырь польским войскам, но в ряде схваток разбили их и непрестанно наседали на польские обозы, шедшие к Пскову с продовольствием, оружием и боевыми припасами. В польских военных дневниках времени осады Пскова сквозит нескрываемое раздражение и тревога по поводу действий русского гарнизона монастыря. Совместные действия русских войск двух осаждённых крепостей — Пскова и Псково-Печерского монастыря — вынуждали поляков дробить свои силы на две части и привели в итоге к крушению планов Батория.

То же произошло и в Волоколамске в период Смутного времени, правда в значительно меньших масштабах: польские отряды так и не смогли взять город, так как оказались между укреплениями города и

Возмищенского монастыря, расположенного на одном из городских холмов.

Наиболее крупным военным событием, связанным с обороной монастырей, является осада Троице-Сергиевого монастыря в 1608—1610 годах. Эта осада вошла в историю Московской Руси как ярчайший факт борьбы за самостоятельность и единство Московского государства, в чём отдавали себе отчёт и современники. Недаром священный собор предупреждал царя Василия Шуйского, что падение Троице-Сергиевого монастыря означает гибель русской державы. Монастырь выдержал шестнадцатимесячную осаду лишь потому, что ещё в середине XVI в. вокруг него были выстроены первоклассные для того времени военно-оборонительные укрепления. Они лишь частично были разрушены после неоднократных бомбардировок, в которых участвовало около ста орудий.

Кирилло-Белозерский монастырь также успешно отразил штурм «воровских и литовских людей» (почти в одно время с осадой Троице-Сергиевого монастыря). Благодаря каменным стенам монастыря, выстроенным в 80-х годах XVI в., попытка его штурма кончилась полной неудачей.

Не менее значительна оборона Тихвинского монастыря в борьбе против шведов в 1613 году. Несмотря на его рубленые деревянные стены и на отсутствие артиллерии монастырь выдержал жестокую осаду и неоднократные штурмы. Его сопротивление не менее героично, чем сопротивление Троице-Сергиевого монастыря. Лишь вследствие отдалённости монастыря от центра страны его героическая и самоотверженная борьба с врагами Московского государства не получила должной оценки.

Смутное время со всей очевидностью показало, насколько дальновидна была политика военного строительства монастырей-крепостей Московского государства в XVI веке. Незначительное количество укрепленных городов к северу от Москвы могло губительно отразиться на всём ходе военных действий в начале XVII века. Наличие же небольших, но хорошо укрепленных монастырей в этом крае дало возможность отразить неоднократные попытки Польши и Швеции захватить эти земли. Разгром Лисовского под Калязином М. В. Скопиным-Шуйским в 1610 г. был также тесно связан с Троице-Макарьевским монастырём, расположенным у стен города. Отчаянное сопротивление небольшого гарнизона и монахов нанесло значительный урон войскам Лисовского и обеспечило успех действий Скопина-Шуйского.

Насколько могучи и сильны были русские монастыри-крепости ещё в XVII в., доказывает семилетняя осада царскими войсками Соловков, захваченных приверженцами Степана Разина. Лишь измена среди повстанцев привела к падению крепости.

Приведённые факты с достаточной убедительностью свидетельствуют о той огромной роли, которую сыграли монастыри в защите Руси от иностранных захватчиков в наиболее тяжёлые для неё годы. Более детальное ознакомление с памятни-

ками монастырского военно-оборонительного строительства и с методом постройки монастырей-крепостей, сильно разившимся в XVI в., не только даст возможность ознакомиться с принципами военного монастырского градостроительства, но и осветит ряд фактов, имеющих существенное значение для развития зодчества той эпохи.

Военно-оборонительное градостроительство XVI в. внесло много принципиально нового в зодчество этого времени. Это не только в корне изменило облик древнерусского города, но и создало исключительное единство и цельность, которыми так характерны древнерусские городские и монастырские ансамбли. Многочисленные постройки монастырей в XVI в. и их военно-оборонительный характер неоспоримо свидетельствуют о том, что монастыри как военные сооружения являлись неразрывным звеном в системе обороны Московского государства.

Правительство и представители церкви даже в XVII в. продолжали рассматривать монастыри в первую очередь как военно-оборонительные сооружения. Царская грамота 1621 г. так писала о Соловках: «А город Соловецкий место украинное и от наших городов удалено и без служилых людей в Соловецком монастыре быть не лзе»¹. Павел Алеппский, посетивший Москву в середине XVII в., привёл слова патриарха Никона, характеризовавшие роль монастырей: «Наш владыка патриарх спросил однажды патриарха Никона о числе всех монастырей в Московском государстве. Он ответил: «Более 3000, кроме тех, которые находятся в стране казаков», — и прибавил: «В нашей стране есть три очень богатых монастыря — великия царские крепости. Первый монастырь св. Троицы; он больше и богаче остальных, второй... известен у них под именем Кирилло-Белозерского... Третий монастырь Соловецкий...»². Г. Штаден сравнивал военно-оборонительную мощь Новодевичьего монастыря с мощью Вологды, считавшейся в то время первоклассной крепостью³.

Наименование монастыря городом также свидетельствует о его военном характере.

Начиная с древнейших времён и кончая XVII в. военная техника, тактика и стратегия русского государства раскрывают перед нами интересную страницу развития военно-оборонительного строительства. Задачи обороны к началу XVI в. приобрели особое значение, так как было завершено объединение русских земель. Молодое русское государство оказалось лицом к лицу

с соседями-врагами, обладавшими мощной военной техникой. Оборона, ранее находившаяся в ведении отдельных удельных княжеств, оказалась сосредоточенной в одних руках. Это вызвало новое отношение к военно-оборонительному строительству и, в частности, к постройкам оборонительных сооружений-монастырей.

Постройка монастырей отличалась от постройки города не столько своими размерами, сколько отсутствием посадов и слобод, примыкавших к стенам древнерусского города или даже входивших в его оборонительный пояс. Это создавало лучшие условия для обороны монастыря, так как неприятель находился на виду у его защитников. Сравнительно небольшой размер русского монастыря XVI в. давал возможность применять не только военно-технические нововведения, но и новые архитектурно-композиционные приёмы. Меньшая стоимость постройки позволяла увеличивать количество монастырей на отдельных участках границ государства.

Постройка городов-крепостей издревле была свойственна русским людям. Ещё Ибн-Фадлан в X в. назвал древнюю Русь страной городов. Сохранившиеся городища, в изобилии рассеянные на территории древней Руси, показывают, что естественно-географический фактор определял не только систему оборонительных сооружений города, но и его планировку, если для этого древнего периода вообще можно говорить о сознательной планировке города.

Вопрос же о планировке монастырей и решение их как оборонительных сооружений совершенно не изучены. Кроме того до нас не дошло ни одного более или менее сохранившегося монастырского комплекса раньше XVI века. Лишь археологические раскопки и исследования могут в той или иной степени восстановить картину военно-оборонительного облика монастыря-крепости древнейшей эпохи (XII—XV вв.).

Одним из первых документов, рисующих облик монастыря XV в., является «Житие Сергия Радонежского», написанное Епифанием Премудрым и Пахомием Лагофетом. Епифаний приводит следующее описание монастыря в его первоначальном виде: «Келлиам же зидемы, и тино огражденым, не zelo пространнейшим, но и вратаря у сущих ту врат пристави»⁴. Более реальное представление о следующем этапе роста монастыря мы получаем благодаря описанию Пахомия: «Егда же рассудивший пастырь и премудрый в добродетелях мужь монастырь большой воздвиг, келлии убо четверообразно сотворити повеле, посреде их церковь во имя живоначальных Троица, отвсюду видима яко зеркало, транспеку же и ина елика на потребу братиямь»⁵.

⁴ Архимандрит Леонид. Памятники древней письменности. Житие... Сергия Чудотворца, написанное Епифанием Премудрым в XVI в., стр. 64. СПб. 1885.

⁵ Тихонравов Н. Древнее житие преподобного Сергия Радонежского. Отд. 2, стр. 15. М. 1862.

¹ Акты, собранные Археологической экспедицией. Т. III, стр. 119.

² Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию во второй половине XVII в., описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским. «Чтения в Обществе любителей древностей российских». Вып. III, стр. 126. 1897. (Разрядка моя. — М. И.).

³ Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. М. 1924.

Подобная планировка монастыря представляла, повидимому, нечто новое по сравнению с тем, что практиковалось в то время при постройке монастыря и города. Если бы подобное решение было обычным в практике того времени, «Житие» не отметило бы особенности плана данного монастыря. Действительно, ни один из известных нам документов (летописи, грамоты и т. д.) ни разу не упомянул о форме города или монастыря этого периода и более раннего. Первое свидетельство о форме закладываемого города относится к 1492 году: «В лето 7000... Тое же весны повелением великого князя Ивана Васильевича заложити град на Немедцком рубеже против Рудигова города Немедцкого на реце на Норове, на Девичьи горе на Слуде, четверуголен, и нарече ему имя Иванград»¹.

Можно с уверенностью предполагать, что приведённое Пахомием описание Троице-Сергиевого монастыря близко к действительности. Сравнивая это литературное свидетельство с примерами градостроительства того времени, мы видим, что планировка монастыря прямоугольником, повидимому, являлась известной новостью для военно-оборонительного строительства древней Руси. Новизна этого решения соединялась с традиционным выбором места на холме в устье ручья при впадении его в речку. Оборонительные качества подобной планировки оказались весьма практичными: даже в XVI и XVII вв. ещё продолжалась постройка монастырей по этому образцу. Так, сохранившееся описание Большого Тихвинского монастыря, построенного в 1560 г. по приказу Грозного, даёт почти ту же картину расположения зданий монастыря. Строитель монастыря Ф. Д. Сырков «повелевает же прежде посад от места того, на нем же быти монастырю, далее отнести, стадии яко за четыре к полуденной стране. Место же оно, идеже быть обители, блатно бе и неровно; и тако с великим бо тщанием повелевает оно разницати и уравниати, яко же лепо бе. И на сем же месте... церковь древяну постави... присовокуи же к ней трапезу Велику... Близ же сея, благовестия ради колокольного... содела стройное древяно соделание, четверугольное убо, шесть на десять столпы великими основано, к верху же пять верхи острообразными совершено. По сем же постави 42 келлии четверообразно убо окрест сея устрои к келлии совокупле и уравнив я под один покров крепостно и стройно... Посреде ж убо Лавры стоящие Богоматере церковь яко некое око, всюду зряще и благолепием своим и вся удивляюще; округ же её аки четырьмя стенами от четырёх стран келлиями зрети ображдену и отозлоду преславно всеми видима»². Это описа-

ние с должной полнотой передаёт нам облик деревянного рубленого монастыря середины XVI века. Насколько сильны были установившиеся традиции постройки монастыря правильным прямоугольником, показывает план Донского монастыря, выстроенного в начале 90-х годов XVII в., где в камне в общих чертах передано описанное построение Тихвинского монастыря.

К сожалению, до нас не дошёл ни один из монастырских комплексов рубежа XV—XVI вв., по которым мы могли бы судить об этой форме плана на конкретных памятниках. Монастыри XVI в., сохранившие свои оборонительные укрепления, относятся ко второй половине столетия, обнаруживая существенные отклонения от того типа, который представлен в описаниях Троице-Сергиевого и Тихвинского монастырей. Действительно, ряд монастырей этого времени, как например Псково-Печерский, Соловецкий, Кирилло-Белозерский, Новодевичий, Симонов и др., имеет в основе своей планировки не квадрат, а пятигранник более или менее правильной формы. Это изменение формы плана монастыря требует своего объяснения в свете фактов историко-культурного и военного характера.

Планировка монастыря прямоугольником, близким к квадрату, вначале носила чисто утилитарный, бытовой характер. Но с введением огнестрельного оружия и в особенности с развитием артиллерии — «огненного боя» — эта система планировки совпала с военными требованиями. Благодаря сравнительно протяжённому фронту вытянутых по прямой стен создавалась возможность вести из многочисленных бойниц верхнего и нижнего «боя» сильный фронтальный огонь по наступавшему неприятелю. Развитие артиллерии на Руси, особенно в царствование Ивана III, вызвало расширение указанной планировки, повидимому, не только в монастырском оборонном строительстве, но и при постройке городов. Эпоха Ивана Грозного дала образцы подобной планировки — Тула, Зарайск, Буй, Сокол, Туравля, Сусса, Красная, Касьянов и Ситня. Интересно отметить, что русский мастер-городелец не ограничивался традиционной схемой простого прямоугольника, построенного по принципам древнерусского храма, т. е. когда длинная сторона его равна диагонали квадрата, основанного на меньшей стороне (Тула, Буй). Он варьирует формы плана, сохраняя одновременно принципы фронтального построения стен с расположенными в их многочисленных казематах-«печурах» пушками. Так, среди вышперечисленных городов имеются города с планом в виде треугольников, трапеций, полукругов и т. д. Эта планировка распространилась и на монастырское строительство: так, Пафнутьев-Боровский монастырь построен в 90-х годах XVI в. в виде более или менее правильного ромба.

Насколько широко распространилось это «регулярное» военно-оборонительное строительство, показывают поэтическая русская

¹ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. XVIII, стр. 276. 1913. Симеоновская летопись.

² Рукопись XVII в., находившаяся в библиотеке Иверского монастыря. См. Историко-статистическое описание первого Тихвинского Богородицкого большого мужского монастыря, прим. 16. СПб. 1895.

легенда «Сказание о невидимом граде Китеже» и одна из наиболее распространённых русских сказок конца XVI—XVII вв. — о Бове-королевиче. «Сам же благоверный князь георгий... приеха к езеру именованному светлояру. И виде место то велми прекрасно и многолюдно, и по умолению их повеле благоверный князь георгий всеволодович строити на берегу езера того светлояра город именованной большой китеж, бе бо место то велми прекрасно, и на другом же бреге езера того роца дубовая. Советом же и велением благоверного и великого князя георгия всеволодовича начаша рви копати на утверждение места». После этого были выстроены три церкви с приделами. «Град той большой китеж на сто сажен в длину и в ширину и бысть первая мера мало место. Повеле же благоверный князь георгий еще на другое сто сажен прибавити в длину и бысть мера града тому, в длину два ста сажен, и в ширину на сто сажен и начала же град той, каменный строиться в лето 6673 месяца мая в 1 день...»¹.

«Идеальный» русский город представлен в одном из списков сказки о Бове-королевиче: «И нача Бова-королевич подначальних своих наряжати, чтобы град сей (старый.— М. И.) ломати и скорым временем град сей до подошвы сломали, и Бова-королевич в скором времени сыскав хитростех мастеров град строить, и поехал Бова-королевич размеривать стены градные нозого града. И размерев все четыре стены равны, что первая, то и все мерою как единая по три тысячи сажен стена длиною, расположи широту стены градные мерою две-надесять сажен. И расположи на каждого стене по середине стены по вратам и над воротами поставити по башне и на углах на всех на четырёх по такую же по башне. А высота новому граду шестдесят сажен, а башни положи меру в высоту семьдесят пять сажен и повеле закладывать град из крепкого камня из дикого из белого и тесанию. И собра много людей и повел камни возити и тесати. И не в скором времени заложили весь град вокруг все четыре стены и все именованные башни, а башни повеле делать из камня из белого и синяго мрамору для украшения града. Еще не в скором времени поставили град и башни, повеле покрыть железом белым и наверху самых башен повеле поставить для украшения золотые токи, что от солнышного свету далече во страны видеть блестящихся, аки огонь горящ, паче меры свитящихся. И еще на всех вратах повеле украсить златом и серебром и повеле написать на вратах свою державу королевскую и лице свое повеле изобразить королевская и прекрас-

ную королеву Дружневну и детей своих (вид лица их) и своих воинских енералов². И украсивши град всякими драгоценными вещами, и бысть град по всей стране славен, что велми прекрасен строением хитрым»³.

Приведённые народные сказания показывают, насколько прочно вошёл в сознание народа образ города-крепости, аналогичного по организации своего плана монастырю-крепости.

Вопрос о пропорциональных построениях в древнерусском зодчестве и иконописи до сих пор остаётся весьма мало разработанным. В то же время ряд последних исследований в этой области⁴ показал, какое огромное значение в строительной практике имели пропорции. Ими определялись не только художественные стороны отдельных сооружений, но они являлись основой конструктивного решения зданий. В XVI в. пропорционирование было распространено и на военно-оборонительное строительство. Иными словами, геометрическая форма плана крепости была продиктована не отвлечёнными геометрическими фигурами или произвольными соотношениями отдельных своих частей, а исходила из тех архитектурных пропорциональных положений, которые были распространены среди каменных дел мастеров. Квадрат, или прямоугольник, Троице-Сергиевой лавры обладал определёнными соотношениями своих сторон. К сожалению, неопубликованный точный план Ивангорода не даёт возможности судить о его пропорциональной системе. Зато Кремль Тулы с полной наглядностью раскрывает перед нами основные положения русского мастера-горододедца. Продольная сторона плака тульского Кремля равна диагонали квадрата, основанного на его поперечной стороне. Расстановка башен произведена по этому же принципу. Поперечная стена разделена посредине воротной башней. Диагональ квадрата, основанного на этом получившемся отрезке, служит мерой для постановки средней воротной башни на продольной стене, расположенной по стене тульского Кремля, обращённой к суше, и т. д. Таким образом, древнейший принцип расстановки башен на расстоянии полёта стрелы заменён здесь принципом, в основе которого лежат чисто архитектурно-художественные требования. Это положение является характерной чертой всего русского зодчества XVI в., каким бы практическим потребностям отдельные его

² Слово «енерал» употреблялось уже в XVII веке. Дополнение к Актам историческим. Т. III, № 71, стр. 225. 1650—1661.

³ Кузьмина В. Повесть о Бове-королевиче в русской рукописной традиции. Сборник «Старинная русская повесть» под ред. Н. Гудзия, стр. 121. М. 1941. Изд. Академии наук.

⁴ Диссертация К. Афанасьева «Пропорции русской архитектуры XI—XII вв.» и статья П. Максимова «Опыт исследования пропорций в древнерусской архитектуре» («Архитектура СССР» № 1 за 1940 г.).

¹ Комарович В. Китежская легенда, стр. 162—163. М. и Л. 1936. Существовавшая редакция «Сказания» восходит, по мнению автора, к 1609—1613 годам. Хотя не исключена возможность постройки города прямоугольником и в более раннее время, это может подтвердиться лишь соответствующими археологическими изысканиями.

здания ни отвечали. Поэтому нет ничего удивительного, что система пропорций, перенесённая в военно-оборонительное строительство городов и монастырей, породила те простые, но разнообразные по своим формам геометрические фигуры, которые входят в архитектурную практику того времени. Треугольник, трапеция, дуга и т. д. являются теми геометрическими формами, которые непосредственно рождались из практики применения пропорций. Эти же пропорции, но в более сложном виде, повидимому, существовали и среди иконописцев¹. К таким фигурам относилась фигура пятиконечной звезды, или пятигранника. Интересно отметить, что колосники в стенах церквей XVI в. образовывали эти геометрические фигуры, как это, например, имело место в церкви Николы в Мясниках в Москве (пятиконечная звезда), и др. Русский мастер, обращаясь к геометрическим формам пропорциональных построений, приспособлял их к практическим нуждам военной обороны и задачам цельности архитектурной композиции.

Так, во второй половине XVI в. появляется группа монастырей, в основе плана которых лежит пятигранник: Солобки, «Старый город» Кирилло-Белозерского монастыря, Псково-Печерский монастырь, Новодевичий и Симонов монастыри в Москве.

Рассмотрение пятигранников перечисленных монастырей в связи с конкретными задачами обороны убеждает нас в том, что мастера в каждом отдельном случае располагали оборонительные укрепления монастырей — стены, башни, рвы, надолбы и т. д. — в полном соответствии с конкретными условиями места расположения монастыря-крепости. Пятигранник Соловецкого монастыря оказался вытянутой формы вследствие того, что он размещался на узкой и продолговатой полосе земли между морем, озером и речкой, вытекавшей из этого озера. Вершина пятигранника с её башнями не случайно обращена на восток: отсюда можно было ждать «приступа» возможного неприятеля. То же самое относится и к расположению остальных башен, соответственно выходящих к суше и к воде. Форма пятигранника Кирилло-Белозерского монастыря («Старого города») также зависит от конкретных условий самой местности — озера и реки Свяги, протекающей через монастырь и снабжавшей гарнизон водой в случае его осады.

В этом видны древние традиции постройки укреплений городов, приспособившихся к условиям местности. В то же время хорошо известно, какими высокими архитектурными качествами обладают эти русские монастыри. Сами русские люди свидетельствуют, что оборонительные сооружения для них имели не только военный характер, но и архитектурно-художественный. Так, вышедшему к новому эпизоду о постройке нового города Бовой-королевичем предпослано объяснение, почему сломали

стены и башни старого города: «Сей град велми тесел стенным видением и пространством в нем»². Ещё более образное выражение об архитектурном значении военно-оборонительных сооружений заключается в словах Бориса Годунова, назвавшего моровыстроенный Смоленск ожерельем Руси³.

Всё это говорит о том, что военная и архитектурная мысль XVI в., сливаясь воедино, рождала исключительные по своим архитектурным и военным качествам сооружения, сослужившие немалую службу во время войн конца XVI и XVII веков.

Среди военно-оборонительных сооружений XVI в. должен быть отмечен ряд оригинальных решений. Одним из них было своеобразное видоизменение так называемой отводной стрельницы. Эти отводные стрельницы обычно выстраивались перед воротными башнями. Одним из наиболее ярких примеров является отводная стрельница Спасской башни московского Кремля. Русские мастера-горододелцы не пошли по пути прямого переноса образца, введённого итальянцами в новые монастыри. Но оборона главных въездных ворот требовала соответствующих дополнительных оборонительных сооружений. В связи с этим мастера применили оригинальный приём: они увеличили отводную стрельницу в её объёме во внутрь монастыря. Получился крепостной дворик, обнесённый стенами, в глубине которого располагались вторые ворота. Эта оборонительная система пристраивалась сзади к главным воротам так, что прорвавшийся неприятель оказывался в замкнутом со всех сторон дворе, со стен которого его поражали защитники монастыря. Такие крепостные дворики появились в Троице-Сергиевом монастыре и в Макарьевском монастыре, в Калязине, где авторами его были отец и сын Шарутины (1644—1648)⁴.

Особое место в монастырском крепостном строительстве занимает Пафнутьев-Боровский монастырь, обладающий оригинальной формой плана и расположением своих башен. План монастыря представляет собой вытянутый ромб⁵. Архитектурный анализ башен и стен монастыря и сравнение его с башней Дуло Симонова монастыря в Москве позволяют установить исключительное сходство архитектурных приёмов. Это при-

² Кузьмина В. Указ. соч., стр. 121. Разрядка моя.— М. И.

³ Карамзин Н. История государства российского. Т. X, стр. 121, прим. 353. 1844.

⁴ Никольский И. Макарьевский монастырь в Калязине. Исторический очерк. Научная фиксация б. Калязинского монастыря в Калязине. Музей архитектуры, инв. № 2272. Рукопись. М. 1940.

⁵ Машков И. Крепостные сооружения Боровского-Пафнутьевского монастыря, Калужской губернии. Древности. Труды комиссии по сохранению древних памятников. Т. IV. М. 1912.

¹ Доклад Б. Михайлова в Академии архитектуры «Античная теория архитектуры» от 24 марта 1943 года.

водит к выводу, что оба памятника строил один и тот же мастер. Дальнейшее сравнение с архитектурным и военно-оборонительным приёмами смоленских стен и башен убеждает, что автором названных монастырских укреплений является Ф. С. Конь—государев мастер, строитель Смоленска. Но несмотря на крайне оригинальную форму плана монастыря он, как и предыдущие, тесно связан с естественной водной системой обороны, состоящей из прудов и реки Истермы. Это лишний раз говорит за то, что зодчий не навязывал своему произведению отвлечённые геометрические формы, а старался приспособить эти формы к условиям данной местности, не нарушая одновременно общих законов архитектурной композиции, которые порождались избранной им фигурой плана.

Одной из любопытных деталей оборонительных укреплений Пафнутьев-Боровского монастыря являются его угловые башни. Они не круглые и не многогранные, что было характерно для крепостного зодчества древней Руси, каменного и деревянного, а ромбовидные. Кроме того они поставлены диагонально по отношению стен. Подобная форма башен и их расстановка были известны лишь в античности. Теоретически она обоснована и описана у Филона как наиболее рациональная система крепостной обороны¹. Всё это говорит о том, что автор Пафнутьев-Боровского монастыря обладал незаурядными знаниями и выдающимся талантом, смело вводя в традиционные решения новые формы и приёмы.

¹ Зубов В. и Петровский Ф. Архитектура античного мира. М. 1940.

Бурное военно-оборонительное строительство городов и монастырей в XVI в. вызвало к жизни ряд оригинальных по замыслу решений, давших исключительные образцы архитектурного ансамбля. Военно-оборонительные задачи монастырских укреплений слились с архитектурными, породив произведения, значение которых для русского зодчества нельзя недооценивать. Даже остальные сооружения монастыря, носившие, казалось, чисто религиозный характер, приспособлялись для нужд обороны. В центре монастыря, как и в глубокой древности, в городе ставилась колокольня, служившая одновременно дозорной башней. Описание и сохранившиеся памятники этого периода неоспоримо свидетельствуют об этом².

В XVII в. мы, по существу, имеем лишь повторение тех принципов построения монастырей, которые были выработаны в предшествующее столетие. Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь 1656—1694 гг., имеющий пятигранную форму, и Донской монастырь 1684—1692 гг., имеющий форму квадрата, являются в этом отношении наиболее яркими образцами. В то же время они знаменуют переход монастырского строительства к задачам архитектурно-декоративного характера.

² См. вышеприведённое описание Тихвинского монастыря, звонницы Псково-Печерского монастыря и т. д. Нередко храм монастыря брал на себя эти же функции, например Духовская церковь Троице-Сергиевой лавры 1476—1477 гг., превращаясь в своеобразное дополнительное оборонительное укрепление (собор Соловецкого монастыря 1558—1566 гг.).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

ГОРДЛЕВСКИЙ Вл. Государство Сельджукидов Малой Азии*, Труды Института Востоковедения. Т. XXXIX. Изд. АН СССР. М. и Л. 1941. 200 стр. + 1 н. н. + IV таблицы на отдельных листах. 8 р. 20 к.

Монография В. А. Гордлевского о Сельджукидах Малой Азии пережила трудное «детство». Родившись в 1941 г. в Ленинграде, в героические дни осады, книга только по освобождению города стала достоянием широкой читательской массы.

Книга содержит предисловие, введение и 16 глав: I—II — внешняя история, III—IV — огузы-туркмены, V — феодализм в Малой Азии, VI — верховная власть (султан), VII — рабы и крестьяне, VIII — ремесло и ремесленники, IX — ахи, религиозно-рыцарское братство в Малой Азии, X — торговля и купцы, XI — городская жизнь и столица Конья, XII — искусство, XIII — управление, XIV — войско, XV — двор султана, XVI — религия; заключение и приложения, куда входят хронологическая таблица Сельджукидов Рума (Малой Азии) и указатели.

Введение, источники и пособия — всё это даёт представление об огромной работе, проделанной автором. В основу работы положена персоязычная хроника, принадлежащая перу эмира Насир-ад-дин Яхья (более известного под прозвищем Ибн-Биби) и написанная между 1282 и 1285 годами. Эта хроника, как и позднейшая её переделка на турецком языке, принадлежащая перу придворного панегириста султана Мурада II (1421—1451) Языджи-оглу Али, была использована автором в известном издании голландского ориенталиста Т. Хаутсма¹. Автору монографии удалось установить, что турецкий вариант хроники — «не переделка персидских хроник Ибн-Биби и Раевенди, приправленная вставками редактора, который использовал, может быть, и ещё какие-нибудь источники (у него иногда речь идёт о фактах, неизвестных Ибн-Би-

би)» (стр. 9). Подобное заключение — результат анализа обеих вариантов хроники — присовокупляет к весьма скудному фонду источников, трактующих о румских Сельджукидах, новый источник, который правомерно лёг в основу исследования, так же как сочинения Керим-ад-дина Аксарай (составленное около 1323 г.), Шемс-ад-дина Ахмеда Афляки (1318—1353) и Ибн-Баттуты (первая половина XIV в.).

Справедливо замечая, что «знание современных трудов, написанных на языках восточных, в частности на языке турецком, является необходимым условием для всякого исследователя истории Малой Азии» (стр. 19), автор монографии к исчерпывающему обзору европейской историографии добавил очерк трудов турецких историков, посвящённых в той или иной мере трактуемой теме.

В результате произведенной автором работы получился историографический обзор, который впервые в науке подводит твёрдую научную базу под изучение сельджукидской истории. «Постепенно собирается материал для монографии, которая должна установить их (Сельджукидов.— Б. З.) место в истории «мусульманского Востока» и снять с них обвинения, подсказываемые иногда пристрастием национальных историков, как будто восточные народы — тюрки, монголы — только и разрушали культуру народов, исповедующих христианство» (стр. 21). Эти слова автора монографии не только резюмируют положенный в основу введения большой материал по истории развития наших знаний в области прошлого Востока, но и определяют принципиальную позицию, которая не может не вызвать живейший отклик со стороны тех, кому дороги научная истина и научный прогресс.

Произведённая В. Гордлевским историографическая работа поучительна и в другом отношении. Нельзя сказать, чтобы современные ориенталисты не чувствовали необходимости создания историографии. Попытки создать подобные историографические введения имели и имеют место в ряде исследований, но вряд ли они могут быть признаны удовлетворительными. Ограничиваясь в лучшем случае библиографическими обзорами, эти историографические очерки лишь в редких случаях отвечают со-

* Настоящая рецензия представляет собой переработку доклада, прочитанного автором на заседании Московской группы Института Востоковедения АН СССР 27 марта 1944 года.

¹ Recueil de textes relatifs à l'histoire des Seldjucides. Vol. III, IV. Leyde. 1902. Более полные варианты обеих хроник, находящихся в турецких рукописных собраниях, не изданы и, следовательно, недоступны для исследования.

временным требованиям, предъявляемым к историографии. Историографический обзор В. Гордлевского, включающий разнородный и огромный материал (письменные источники, исследования и пособия, памятники материальной культуры, нумизматику и т. д.), представляет собой образец критического усвоения и использования этого материала.

Распределённое на 16 глав исследование делится, по существу, на две части, весьма различные по объёму. К первой части относятся главы I и II, трактующие, по выражению автора, «внешнюю историю государства — сперва расширение его территории, его политический рост и потом упадок, обусловленный нашествием монголов» (стр. 5). Вторая часть, охватывающая остальные 14 глав, посвящена внутреннему анализу Сельджукидского государства Малой Азии.

В произведённом В. А. Гордлевским обзоре внешней истории малоазийских Сельджукидов дано первое связное изложение истории румского султаната. Единственным предшественником автора в этой области, исключая Хаммера и д'Оссона, является турецкий учёный Мюкримин Халиль, выпустивший в 1934 г. в Стамбуле вводную часть задуманного им труда по истории малоазийских Сельджукидов¹. Это издание получило суровую оценку А. Н. Аднана на страницах «Revue des études islamiques» (1938). Он отметил наличие «существенных ошибок и увлечений автора». На трудность составления такого очерка указывает хотя бы и тот факт, что единственный источник для изучения истории малоазийских Сельджукидов — хроника Ибн-Биби — охватывает лишь события с 1188 по 1282 год. В остальном историку приходится пользоваться самым разнообразным и случайным материалом, заимствованным у иностранцев.

Решительно отказываясь от рассмотрения генезиса Сельджукидского государства как нашествия «дикого-воинственных орд»², В. А. Гордлевский замечает, что после того как Сельджукиды «прочной осели в Малой Азии, это уже не кочевники, бродящие с места на место, занятые исключительно поисками пастбищ» (стр. 23). Усвоение Сельджукидами огромного культурного наследия уже через двадцать лет после завоевания привело к значительному амальгамированию интересов завоевателей с интересами завоеванных и соседних народов, что сказалось в период крестовых походов, когда «на Востоке временно образуется единый блок, направленный против крестоносцев; когда предстоит выбор между крестоносцами и турками, предпочтение туркам отдают часто и армяне и византийцы» (стр. 25). Внешнюю историю Сельджукидского государства автор рассматривает в тесной связи с историей многочисленных мусульманских и христиан-

ских государств Ближнего Востока. Унаследовав многое от завоеванных народов, Сельджукиды в период крестовых походов сумели использовать византийские приёмы дипломатии, соединённые со старыми, степными военными традициями. Ушло «двенадцатое столетие, пока Сельджукиды устранили в Малой Азии внутренних врагов, кольцом окружавших их владения, — христиан (греков и армян) и мусульман Артукидов, Данишмендов» (стр. 26). Перед нашествием монголов конийским Сельджукидам подчинялись, говоря словами хроники Языджи-оглу Али, «мусульмане и христиане от Йемена до Грузии и Абхазии, от владений Руси до границ Тарсуса, от границ Анталы до пределов Антакьи, от степей Судака и Килчака до пустынь Сирии и Ирака, от исхода владений Рума (т. е. Византии), франков и армян до Медаины (Ктезифона) и Йемена» (стр. 33).

Для историка СССР, несомненно, немалый интерес представляют страницы, посвящённые северной экспансии Сельджукидов, — их неудачной попытке пробиться в Закавказье, где Сельджукиды встретили стойкое сопротивление кавказских народов.

Являясь как бы введением к остальной части исследования, первые две главы заключают в себе основные мысли и наблюдения, детально развитые и богато иллюстрированные в последующих четырнадцати главах. Эта вторая часть исследования начинается с анализа вторжения и последующего бытования в Малой Азии огузско-туркменских племён.

Надо ли говорить о трудностях, стоявших перед автором? Невольно вспоминаются слова В. В. Бартольда: «Турколог, как и иранист... редко становится историком. Для изучения истории турецких народностей недостаточно быть туркологом; необходимо быть также, смотря по тому, какой эпохой интересуешься, синологом, арабистом или иранистом»³. Для истории огузских племён XI—XIII столетий это ограничительное положение оказывается явно недостаточным. Феодальная хроника на арабском или персидском языке, оторванная, как правило, от огузской народной среды, лишь в редких случаях может служить источником. Выше отмеченная скудость фонда малоазийских сельджукидских источников сужает и без того чрезвычайно незначительную базу письменных источников. Автор монографии до конца использовал все имевшиеся в этом отношении возможности.

Но он сделал и нечто большее. Не говоря уже о виртуозной реставрации испорченной в издании Хаутсма застойной огузской песни, сохранившейся в хронике Языджи-оглу Али (стр. 53), и тщательно подобранном письменном материале, автор смело вошёл в исследование метод широких этнографических параллелей и сравнений (гл. III), корректируя полученные выводы позднейшими, вплоть до XVI—XVIII вв., наблюдениями (гл. IV). Не последнюю роль в этой

¹ Mükrimin Halil, *Türkige Tarihi; Selcukludevri. I Anadolunun Sethi*. Istanbul, 1934. 88 pages.

² Куглер Б. История крестовых походов. Перевод с немецкого, стр. 5. СПб. 1895.

³ Бартольд В. Современное состояние и ближайшие задачи изучения истории турецких народностей, стр. 3. Баку. 1926.

работе сыграли и топонимические факты, впервые поставленные автором на службу историческим и конкретным целям. Результаты этой работы поразительны. История малоазийских огузов-туркмен XI—XIII вв., казалось бы, осуждённая на вечное забвение, приобретает доказательные и определённые черты. Исследование, составленное на основании новых и оправдавших себя источников, по существу, само стало источником, без которого в настоящее время немислимо появление ни одной новой работы, посвящённой истории огузов-туркмен в Средней Азии, Иране или Руме.

Особенно важным и ценным достижением автора является характеристика движения и расселения огузов в Малой Азии. Огузские племена, передвигаясь под руководством Сельджукидов из Средней Азии в Малую Азию, распались, что «говорит о слабой спаянности племени, о разложении родового строя» (стр. 45). Не менее существенным является наблюдение о характере огузского войска в начале движения огузов в Малую Азию. Характеризуя военное устройство огузов как обычное для всех тюркских племён, автор замечает, что «это была всё-таки не беспорядочная масса, а организованные воинские отряды, выполнявшие во время сражения заранее предудказанные задачи» (стр. 50—51), подтверждая тем самым достоверность наблюдения участника сражения при Денданекане Абу-л-Фазля Бейхаки, о знакомстве уже в то время предводителей Сельджукидами огузов с «царским порядком» войскового расположения¹.

В Иране, как и на Востоке, огузский народ, завоевав для Сельджукидов многие «страны и государства», сам стал в период разложения родового строя и оседания объектом эксплуатации для господствующего класса. Убедительно нарисованная картина сельджукидской политики по отношению к огузам, состоявшая в размельчении племенных соединений и сознательном соединении на одной территории различных мелких племенных подразделений, базируясь на тщательном расследовании топонимики Анкарского вилайета, вводит нас в совершенно тёмную область внутренних взаимоотношений в Конийском султанате. Но, превращаясь постепенно из гордящихся своими тотемами и родовыми прозвищами огузов в «юрюков» (по позднейшей османской административной терминологии), племена-завоеватели, испытывая влияние окружающей среды, в свою очередь сами влияли на быт и государственные представления Малой Азии. Сделанные ранее и на основе других материалов выводы о дружине, богатырях — «алпах», — сравнительно свободном положении при огузском господстве женщины, получили в работе В. А. Гордлевского дополнительное подтверждение.

Образование в XI в. огромного туркмено-огузского государства, простиравшегося от Центральной Азии до берегов Средиземного моря, — исторический факт, который не может не увлекать любого исследователя-

историка. В состав Сельджукидского государства вошли страны и народы, резко отличавшиеся друг от друга многочисленными социальными институтами и религией. Какова история, так сказать, амальгамирования завоевателей и завоеванных? Что нового внесло сельджукидское завоевание и какие специфические особенности отличают одно сельджукидское государство от другого? Каков удельный вес в XI—XIII вв. той или иной из многочисленных прошедших через Переднюю Азию «систем» (по терминологии автора), — вот вопросы, на которые предстоит ответить. Главы монографии В. А. Гордлевского, посвящённые социальной и административной структуре Сельджукидского государства Малой Азии, представляют актуальный интерес для византистов и османистов, иранистов и кавказоведов, изучающих арабский Восток и европейские крестовые походы.

Вряд ли можно сомневаться, что для периода образования Сельджукидского государства самой существенной является проблема формы землевладения, определяющая в значительной мере соотношение между эксплуатирующим и эксплуатируемым классами, между помещиком-землевладельцем и крестьянином. Появившись в Малой Азии в период разложения родового строя, огузы застали на завоеванной территории достаточно сложные, исторически сложившиеся отношения. Что нового они внесли в эти отношения? Для разрешения вопроса необходимо знать положение крестьянства и формы землевладения (хотя бы в той мере, в какой это известно для Западной Европы) применительно к Византии, Армении, Грузии и ряду мусульманских стран до сельджукидского завоевания. Такими сведениями историческая наука не обладает или обладает в недостаточной степени для более или менее определённых выводов, основанных не только на филолого-лингвистической базе.

Положение, высказанное В. А. Гордлевским в начале V главы, трактующей о феодализме в Малой Азии, весьма интересно, но не бесспорно. Опираясь или, вернее, исходя из известных выводов В. Я. Владимирцева о «кочевом феодализме», автор монографии о Сельджукидах Малой Азии считает, что «корни военно-ленной системы уходят в Восточную Азию; они предполагают ископное влияние монголов на тюркские племена, жившие ещё родовым бытом, или, может быть, общее воздействие какой-то иной, неизвестной среды, оказавшей воздействие на монголо-тюркские племена, до их дифференциации» (стр. 69). И далее: «Следуя советам Низам-уль-мулька... Сельджукиды удержали у себя среднеазиатские установления — систему военных ленов, переходивших от отца к сыну, т. е. систему наследственных военных ленов» (стр. 69).

Не оспаривая возможность существования военно-ленной системы в Восточной Азии, всё же вряд ли будет правильным и целесообразным отрицать самостоятельное, без восточноазиатского влияния, феодальное развитие передовых стран Западной Азии. Между феодализмом монголо-тюрк-

¹ Бейхаки, Тегер. изд., стр. 590.

ского образца и сельджукидским военно-державным периодом завоевания кочевниками развитых сельскохозяйственных районов. Тип «князей побеждённых» — мулук савахиль, которыми «усеялся» (выражение автора) ко времени образования Латинской империи берег Средиземного моря, во времена Сельджукидов уходит далеко на восток, в Иран. И не случайно, что именно в сельджукидский период мы наблюдаем наряду с возникновением иерархической феодальной лестницы развитие институтов оммажа, вассалитета и т. д., близких к европейским, но встречающихся также в источниках арабо-персидского происхождения задолго до появления в Передней Азии завоевателей-огузов. Сравнение «мулк хасс» с европейским доменом, а йкта, союргаль, тимар, зеамет — с европейско-византийской бенефициарно-ленной системой может быть не менее плодотворно для анализа сельджукидского феодализма, чем проведение знака равенства между сельджукидско-тюркской и монгольской феодальными системами. Иначе говоря, Сельджукидское государство Малой Азии представляется нам более схожим с современными ему Византией и крестоносными государствами, чем с монгольским государством начала XIII века.

Всё вышесказанное относится к интереснейшей VII главе, рассматривающей положение крестьянства. Две найденные автором монографии категории крестьянства: дехкане — «свободные крестьяне» — и музари — «сеятель-издольщики» (стр. 94), — являясь существенными и, насколько мне известно, новыми для характеристики малоазийского сельджукидского крестьянства, вряд ли будут существенно новыми для византиста, который, несомненно, усмотрит под персидско-арабским терминологическим обликом давно знакомые фигуры «парика»-присельника и свободного византийского крестьянина, объединённого в крестьянскую общину, которая «пережила падение Византии (1453) и перешла как своеобразное византийское наследие в систему земельных отношений Турции, утвердившейся на территории разорённой греческой империи»¹.

Ещё больше подчеркнуты византийские (да и только ли византийские?) традиции в разделе монографии о ремесле и ремесленниках в Сельджукидском малоазийском государстве (гл. VIII). В отличие от положения ремесленников в Египте XI в., как оно обрисовано в описании путешествия Насир-и-Хосрова, или Южного Ирана, по Фарсамэ (XII в.), сельджукидские ремесленники уже были объединены в цехи. «У Языджи-оглу Али встречается выражение «писцы-секретари мастерских»; и возникает предположение, что это были большие кустарные предприятия-мастерские, например коврово-ткацкие мастерские» (стр. 104).

¹ Соколов И. Материалы по земельно-хозяйственному быту Византии. «Известия Отделения общественных наук АН СССР» № 4 за 1931 г., стр. 711.

Несомненно, эти византийские традиции были лишь частью сложного комплекса, каким представляется Сельджукидское государство. Эта сложность находит подробное и доказательное описание в VI главе, трактующей о верховной власти (султана), в главе XIII, посвящённой описанию управления, и в главе XIV — о сельджукидской армии. Не только центральные управленческие учреждения (диваны) были заимствованы у Ирана, но и персидский язык, как устанавливает автор, был государственным, официальным языком малоазийских огузов до монгольского нашествия (стр. 139). Если в области администрации главенствовало иранское влияние, то в военной области «в XVIII в. ещё сохранялась у потомков огузов старая организация» (стр. 149).

Сложность соединения отдельных элементов отражена и в религиозной жизни малоазийского Сельджукидского государства. Последняя, XVI глава — одна из ярких глав монографии. В. А. Гордлевскому принадлежит честь с фактами в руках разрушить устоявшуюся в европейской науке ещё с XVIII в. традицию, неизменно со времён Гиббона повторяемую и европейскими историками и ориенталистами, что тюрки-сельджуки, «приняв ислам, со всей горячностью своих грубых сердец... пришли восстановить погибавшее государство (т. е. халифат как оплот истинного мусульманского правоверия) и действительно придали ему новую жизнь»². «Было бы неправильно смотреть на Сельджукидов как на оплот ислама, как на воинствующих борцов за веру, задерживавших натиск крестоносцев, — заявляет автор в главе, посвящённой религиозным верованиям в эпоху Сельджукидов. — В Малой Азии, действительно, Сельджукиды вели борьбу с христианами; они в надписях титуловали себя гордо истребителями неверных; их величали «султанами ислама», но религиозный фанатизм был им чужд, мотивы борьбы у них были искусственно связаны с исламом. Не интересы религии, а интересы политические и экономические защищали Сельджукиды. Для подданных Сельджукиды были или казались истинными мусульманами, но в интимном кругу раскрывалось подлинное их лицо, и слухи об этом проникали за границу» (стр. 166). Содержание главы подтверждает эту смелую и чётко сформулированную мысль. Приводя высказанное на XI международном конгрессе ориенталистов В. Д. Смирновым положение об исконном двоеверии христианского населения Малой Азии, В. А. Гордлевский показывает, что к прежним культам, имевшим место в Малой Азии, сельджукидское завоевание присоединило шаманизм и другие домусульманские тюркские религиозные течения.

Опубликованная монография со всей настоятельностью ставит на обсуждение вопросы, которые, возникая за письменным столом, в лаборатории учёного, редко или, пожалуй, только в исключительных случа-

² Стэнли Лен-Пуль. Мусульманские династии. Перевод В. В. Бартольда, стр. 123—124. СПб. 1899.

ях, бывают предметом организованного обмена мнениями. На двенадцати с половиной типографских листах помещено исследование, посвящённое исторической жизни государства и народа за два с половиной столетия его существования, а фактически с побочными вариантами и темами и больше двух с половиной столетий, и не одного государства, и не одного народа.

Мастерство лаконизма монографии — подлинное мастерство. Нет периода в монографии, который не имел бы большого научного значения, за которым не крылось бы решение определённой научной проблемы или новое наблюдение. Нет ни одной стороны жизни, ни одной бытовой мелочи, которая так или иначе не получила бы отражения в монографии. Без преувеличения можно сказать, что не только отдельные страницы или абзацы, но и некоторые короткие фразы при желании могут разрастись до этюда, до очерка.

Вот она, старая Конья, обрисованная одной фразой Джеляль-ад-дина Руми, обращённой к сыну: «Взгляни, сколько тысяч домов, дворцов, принадлежащих эмирам, вельможам и нотаблям. Дома купцов и нотаблей в городе выше, чем дома ремесленников, а дворцы эмиров возвышаются над домами купцов; точно так же купола дворцов султанов и князьков во сто раз выше и ценнее всего прочего».

Глава X показывает нам тип восточного купца — культуртрегера, интересного собеседника, соглядатая в случае надобности, то спрятавшегося в крепкий караван-сарай, то путешествующего в отдалённые страны. И не только восточный купец, и не только малоазиатский купец заявляет о своих интересах, действует, живёт подлинной жизнью на страницах монографии. «В Малую Азию стекались купцы отовсюду — из Средней Азии (это были, очевидно, мусульмане), с юга (итальянцы, греки, вероятно, и арабы); так, в Анталье видел Ибн-Баттута купцов-христиан, и поскольку живут они в порту, естественно, что это — купцы-иностранцы. В Алаие, куда Ибн-Баттута приехал на генуэзском корабле, заходили купцы из Египта и Сирии; в Гюмюшане были купцы из Ирака и Сирии» (стр. 116). На стр. 117 показаны заманчивые условия для иностранных купцов в Сельджукидском государстве.

В книге дан богатый материал, описывающий жизнь, которая начинается за пределами городских конийских стен, этого «символа сельджукидского искусства на первой стадии развития», где рядом с вделанным в стену саркофагом — «языческие алтари, христианские надгробия, изображения святых, генуэзские кресты, римский орёл и арабский лев» (стр. 131).

Все работавшие над средневековыми мусульманскими хрониками на опыте знают ту безнадежность, которая всякий раз охватывает тебя, когда пытаешься иной раз из очень большого материала извлечь что-либо, могущее характеризовать положение трудящихся, в особенности крестьянства. «В мирное время крестьянство безмолвно несло неправду и гнёт, и наивному хронисту, представителю класса феодалов,

казалось, что везде тишь и благодать. Но благополучие крестьянства было, конечно, кажущееся — призрачное. Крестьяне изнывали на земле феодалов: это был тяжёлый, подневольный труд» (стр. 96). Приведённое далее мастерское описание одного из крестьянских бунтов, происшедшего в правление султана Гияс-ад-дина Кей-Хюсрева II в 1239 г., прекрасно иллюстрирует эту «тишь и благодать». Исследователю пришлось прежде всего произвести критический пересмотр воззрений хроника на главу движения дервиша Бабу-Исхака, который в хронике «обрисован, как человек коварный, как волшебник... только чародейство, говорит хроника, могло вывести крестьян из спокойного равновесия» (стр. 96). В. А. Гордлевский не ограничился указанием на классовые корни этих воззрений, а дал анализ весьма сложной идеологической программы, проповедовавшейся Баба-Исхаком, в которой мусульманские и христианские религиозные элементы не могли не амальгамироваться, принимая во внимание условия места и времени. Баба-Исхак был человек «выдержанный... настойчиво добивавшийся поставленной перед собой цели. План (восстания.— Б. З.) Баба-Исхаком задуман был широко. Он (Баба-Исхак.— Б. З.) зажёл пламя восстания на окраинах государства (и, между прочим, у себя на родине, в Сирии), т. е. там, где давно действовали центробежные силы. Его охотно поддерживали и турецкие племена... Деревня пошла на город... Крестьяне сжигали деревни, убивали «именитых граждан», против которых было у них большое озлобление, и двигались на город. «Кто нам друг,— кричали они,— тот пайшик добычи»; если же кто противился бунтовщикам, того они безоговорочно истребляли» (стр. 98—99).

Общеизвестная неразработанность в востоковедческой научной литературе средневековой арабо-персидско-тюркской социальной и административной терминологии придаёт особую ценность в глазах специалистов многочисленным замечаниям автора, посвящённым анализу того или иного термина или выражения. Как правило, большинство терминов, имевших хождение в Малой Азии при Сельджукидах, было заимствовано из арабо-персидской административной практики, в особенности это относится к терминам гражданской администрации, в меньшей степени — к военным терминам: здесь Сельджукиды до позднего времени сохранили старинную огузскую терминологию. Терминологические определения автора — неоценимый вклад в дело составления так необходимого исторической науке толкового терминологического словаря мусульманского средневековья. Из числа неясностей, которые, естественно, ещё долгое время будут существовать в науке, нельзя не отметить этимологию термина «тиуль», одной из разновидностей лена. Автор монографии, крупнейший тюрколог, приводя в примечании к стр. 69 возможные этимологии и в том числе этимологию В. Радлова, возводящего термин к чагатайскому языку, указывает: «Этимология слова неясна, вероятно, и

здесь нужно направить поиски к монголам». В вышедшем почти одновременно с книгой «Государство Сельджукидов Малой Азии» издании интересного трактата по администрации Ирана (XVIII в.) издатель профессор Лондонского университета, выдающийся иранист В. Ф. Минорский, анализируя этот термин, отмечает: «Термин произошёл от восточно-турецкого глагола тиймак = османско-турецкому дермек»¹.

О безукоризненности книги с редакционно-издательской стороны говорить не приходится: она всецело определяется стоящим на форзацном листе именем ответственного редактора акад. И. Ю. Крачковского. На двенадцати с половиной палеографических листах текста монографии, изобилующей ссылками на источники и пособия более чем на десяти восточных и западных языках (при трёх алфавитах: русском, латинском и арабском), нами отмечено лишь несколько неточностей по существу; так, например, на стр. 27 время вступления на престол султана Гияс-ад-дина Кей-Хюсрева I датировано первой половиной лунного мусульманского 601 года = 1204 г. хр. эры, в то время как на стр. 186 (хронологиче-

ская таблица) — второй половиной того же мусульманского года = 1205 г. хр. эры; на стр. 137 (24-я строка сверху) вместо напечатанного «Сасанидов» следует читать «Саманидов».

Монография снабжена изображениями выдающихся памятников малоазийского сельджукидского искусства. Сделанные по мотивам памятников Малой Азии XIII в. рисунки В. А. Крачковской, известного знатока в области мусульманской палеографии и материальной культуры, несомненно, принесут значительную пользу всем, кому приходится так или иначе соприкасаться с изобразительным искусством Ближнего Востока в средние века.

Издание монографии В. А. Гордлевского в Ленинграде в период варварской осады этого исконного центра нашей культуры и просвещения — яркая иллюстрация неиссякаемой мощи Советской страны. Радостно и то, что прибывшая из освобождённого города книга вызвала такой живой интерес. Нет главы, нет страницы, которая бы не увлекала, не вызывала размышлений и не давала бы нового в общеобразовательном или в специально научном отношении. Образованный человек не раз перечитает эту книгу, в которой глубокие познания сочетаются с тонким литературным вкусом.

Проф. МГУ Б. Заходер

¹ Minorsky V. *Tadkirat al-muluk, a manual of Safavid Administration*. Ed GMS, new series, XVI, p. 28. 1943.

«Разгром белофинских интервентов в Карелии в 1918—22 гг.».

Сборник документов. Составил начальник отдела государственных архивов НКВД КФССР А. М. Федотов. Под редакцией кандидата исторических наук П. Г. Софинова. Государственное издательство Карело-Финской ССР. 1944. 168 стр. 4 руб.

Отдел государственных архивов НКВД Карело-Финской ССР опубликовал сборник документов и материалов, отражающих героическую борьбу советского народа против финских интервентов в 1918—1922 годах.

Сборник включает 142 документа, 53 из которых извлечены из центральных и местных архивов и публикуются впервые. Часть материалов взята из периодической печати 1918—1922 гг., представляющей библиографическую редкость. В сборнике использованы также документы, ранее опубликованные в «Красном архиве», органически связанные с темой сборника и значительно дополняющие его, что вполне оправдывает их перепечатку.

Рецензируемый сборник состоит из трёх разделов: I. Захватнические планы финских империалистов. II. Разгром первой авантюры германо-финских империалистов в Советской Карелии. III. Разгром второй авантюры белофиннов в Карелии.

Первый раздел сборника открывается документом, который даёт яркое представление о захватнических планах финских империалистов. Жадные финские захватчики мечтали о создании «Великой Финляндии», занимающей территорию от Кольского полуострова до Белого моря и Ледовитого океана (стр. 13). Другой документ показывает, что финские белогвардейцы готовили нападение на Советскую республику «с целью

захвата и присоединения к Финляндии Архангельской, Олонецкой и частью Петроградской губ. с городом Петроградом» (стр. 17), с тем чтобы граница Финляндии проходила от Архангельска через Каргополь — Вытегру — Лодейное Поле — Новую Ладугу — Петроград и Финский залив с южным побережьем вплоть до Нарвы (стр. 17).

Составляя эти обширные разбойничьи планы, финские империалисты, конечно, понимали, что своими силами они не в состоянии не только вторгнуться в Советскую Россию, но и справиться со своим народом, который был враждебно настроен к завоевательным стремлениям кучки плутократов. Поэтому антинародная правительственная клика Свинхувуда — Маннергейма старалась заручиться поддержкой в борьбе против Советской республики кайзеровской империалистической Германии, которая, разумеется, охотно пошла навстречу захватническим стремлениям финских заправил.

Документы первого раздела сборника с достаточной полнотой показывают, как складывался блок германо-финских империалистов, направленный против Советской республики и финского народа. В Финляндии высадились немецкие войска и финские «добровольцы», завербованные Германией в 1914 г. и сформированные в 1917 г. в финский егерский батальон, которые составили ядро финской белой гвардии. Германские офи-

церы спешно обучали вновь формируемые в Финляндии соединения. Эти соединения были «расположены на русской границе, с тем чтобы по приказанию германского командования в подходящий момент перейти в наступление» (стр. 21).

Второй раздел сборника, охватывающий период с апреля 1918 г. по июль 1920 г., показывает борьбу трудящихся Карелии против первой интервенции германо-финских империалистов в Советской Карелии.

Советский народ не хотел войны. Предоставив Финляндии полную независимость, советское правительство последовательно проводило миролюбивую политику, обеспечивая неприкосновенность финских границ. В сборнике опубликован ряд документов, характеризующих эту позицию советской власти. Например в директиве штаба 7-й армии начальнику 19-й дивизии и начальнику 1-й пограничной дивизии от 8 мая 1919 г. указывалось: «Наркоминдел сообщает, что неприкосновенность территории Финляндии следует и в будущем уважать неукоснительно, объясняя пограничникам, что они не должны поддаваться озлоблению в результате нападений белофиннов» (стр. 68). Аналогичная директива была дана и 14 июля 1919 г. (стр. 76). Из этих документов со всей очевидностью следует, что советское правительство всё время проводило миролюбивую политику и терпеливо переносило многочисленные пограничные провокации финских белогвардейцев. Однако финское правительство упрямо стремилось к войне против Советской России, бросая всё новые и новые банды в Советскую Карелию. Это заставило советское правительство дать по зубам наглым финским захватчикам, не желавшим прислушаться к мирным предложениям Советской России.

Документы второго раздела демонстрируют непоколебимую решимость советских людей отстаивать свою независимость, рассказывают о мерах, принятых советским правительством для оказания сопротивления захватчикам, показывают ход военных действий.

По призыву ЦК партии партийные организации северных и северозападных губерний послали коммунистов защищать Петроград (документ № 53) и приняли решительные меры к обороне Карелии.

Белофинны чинили дикое зверство во временно захваченных районах Советской Карелии. Документы рецензируемого сборника дают представление об облике белофинских бандитов, вскрывая истинный характер их методов создания «Великой Финляндии».

К числу наиболее важных документов второго раздела сборника относятся две телеграммы товарища Сталина, который летом 1919 г. руководил обороной Петрограда и организовал знаменитую Видлицкую операцию против белофиннов. В одной телеграмме Сталин сообщал Ленину об успешном завершении Видлицкой операции, а в другой — поздравлял героических бойцов 1-й стрелковой дивизии и балтийских моряков, «разгромивших гнездо врагов России у Видлицы» (стр. 110, 111).

Большой исторический интерес представляет также и телеграмма Сталина Ленину от 20 мая 1919 г., в которой Сталин разоблачал жупельнические приёмы финского правительства: «Нота финляндского правительства — явно лживая, факты таковы: с семнадцатого числа форт Ино пристреливался по Красной Горке, наши не отвечали, восемнадцатого мая наш флот вышел для того, чтобы отразить враждебные суда, делающие десант в Копорском заливе, уже в течение нескольких дней. С форта Ино начали обстреливать флот, лишь после этого Красная Горка вынуждена была ответить. В десантах около Красной Горки принимают участие финны. Из числа пяти пленных, взятых в двадцати верстах около Красной Горки, четыре человека финны. Маннергейм открыто признал в сейме, что в Карелию добровольцы посылаются с одобрения финского правительства. Если со всем этим сравнить радио французского правительства за последние дни, то картина вполне ясна» (стр. 70—71).

Третий раздел сборника охватывает события с апреля 1921 г. по ноябрь 1922 года. Документы этого раздела расположены по следующему плану: 1. Второе нападение финских оккупантов. 2. Мобилизация сил для отпора финским оккупантам. 3. Зверства белофиннов в Советской Карелии. 4. Разгром и изгнание интервентов из Советской Карелии.

Появлению финских войск на советской территории в 1921 г. предшествовал ряд провокаций (документы №№ 100, 101), пограничных инцидентов, вооружённых налётов финских банд на советскую землю. Финские белогвардейцы вторично пытались утвердить своё господство в Карелии истреблением советских людей, кровавыми насилиями и опустошениями оккупированной ими территории. Но и на этот раз трудящиеся Советской Карелии при помощи братского русского народа разбили и выбросили со своей земли наглых захватчиков.

Последний документ сборника свидетельствует о тесной связи между Красной Армией и карельским народом, зародившейся в те далёкие дни, о дружбе, которая с тех пор трижды (1920, 1922 и 1940 гг.) приводила к победе над белофинскими интервентами.

К числу недочётов сборника следует отнести недостаточное количество комментариев, которые (поскольку сборник в основном рассчитан на пропагандистов) облегчили бы читателю работу с опубликованными в нём документами. Так, в примечании к документу № 2 следовало бы пояснить, чиновником какого государства является статс-секретарь по делам Финляндии Энгель. Документ № 4 становится понятным до конца только после ознакомления с примечанием к документу № 6, разъясняющим, кто такие завербованные финны, прибывающие в Финляндию из Германии. В примечании к документу № 24 следовало бы пояснить, кто такой генерал Миллер и какую роль он играл в этот период. В примечании к документу № 36 следовало бы уточнить, что представляла собой терри-

ториальная комиссия по заключению мирного договора между Россией и Финляндией, ибо из текста документа можно почерпнуть лишь косвенные данные о характере требований, предъявленных Финляндией Советской России.

К сожалению, и имеющиеся в сборнике комментарии не всегда удачны. Например в примечании к документу № 24 сказано, что генерал Марушевский в 1919 г. занимал пост командующего финскими белогвардейскими войсками на северном фронте, тогда как на деле он был командующим армией северного белогвардейского правительства.

Следует также отметить, что сборник значительно выиграл бы, если бы в нём была полнее освещена партизанская борьба в финском тылу и роль тов. Антикайнена, которая в сборнике совершенно не отражена.

Несмотря на отмеченные выше частные недостатки, рецензируемый сборник в целом является одной из наиболее полных и ценных советских документальных публикаций по этому вопросу.

А. Злотопольская

КИКУДЗИРО ИСИИ. Дипломатические комментарии. Перевод с английского под редакцией и с предисловием А. А. Трояновского. Огиз. Госполитиздат. 1942. 236 стр. 7 руб.

Книга Исии вышла в свет на японском языке в 1930 г.; она была несколько пополнена автором к новому, третьему изданию, опубликованному в апреле 1931 г., т. е. до сентябрьского кризиса 1931 г., когда международная обстановка на Дальнем Востоке подверглась резкому изменению. С третьего издания и был сделан в 1936 г. перевод, который лёг в основу выпущенной Госполитиздатом книги; перевод на русский язык сверен с японским текстом.

Издатель английского перевода «Комментариев» Исии счёл возможным не давать полного перевода книги, сократив её, как он сам об этом пишет в предисловии, за счёт глав, которые трактуют проблемы, известные западному читателю и предназначенные скорее только для японских читателей.

Книга Исии в подлиннике разбита на две части. Первая её часть, которая целиком переведена на русский язык, носит общий заголовок «Сущность японской дипломатии». Вторая часть, значительно сокращённая в американском издании и не переведённая на русский язык, озаглавлена «Взгляды частного лица на дипломатию». Советское издательство правильно поступило, не дав в русском переводе всей второй части, включая и те несколько глав, которые помещены в американском издании. Вся вторая часть заполнена широко известными данными из истории международных отношений европейских и американских стран, которые используются автором для обоснования того или другого его взгляда на характер и методы дипломатии. Что же касается взглядов автора на различные вопросы дипломатии; международных отношений и пр., высказываемых в этих непереведённых главах, то они полностью отразились в первой части «Комментариев».

Исии начал свою дипломатическую карьеру в начале 90-х годов прошлого столетия, когда преобладающее влияние в Японии в области культуры, в экономике и во внешней политике имели Англия и США. Глав-

ная задача японской дипломатии в течение последнего десятилетия прошлого столетия и начала текущего сводилась к тому, чтобы установить контакт с этими двумя государствами на Дальнем Востоке, обеспечить Японии их финансовую и экономическую поддержку. В дальнейшей своей дипломатической деятельности Исии был чрезвычайно тесно связан со странами Антанты. Накануне первой мировой войны и в начале её он был послом во Франции и, как он сам пишет в своих «Комментариях», настойчиво добивался присоединения Японии к Лондонской декларации от 4 сентября 1914 г. о незаключении сепаратного мира с Германией и её союзниками. Когда он занял на короткое время пост министра иностранных дел (1915—1916), Япония официально присоединилась к этой декларации. Таким образом, Исии показал себя более ревностным сторонником политики сближения со странами Антанты, чем даже известный японский дипломат Като, слывший англофилом, инициатор заключения англо-японского союзного договора 1902 г., всегда выступавший в защиту этого союза. Като, будучи министром иностранных дел до Исии, воздерживался от присоединения к Лондонской декларации.

По окончании первой мировой войны Исии в течение длительного периода занимал пост японского посла в Париже и в то же время был постоянным представителем Японии в Совете Лиги наций (1920—1927). Таким образом, и послевоенная деятельность Исии протекала среди английских и французских деятелей, которые играли главную роль в Лиге наций. Наконец, один из крупных международных актов, сделавший имя Исии широко известным за границей,— обмен нотами между Японией и США в 1917 г., когда США выступили на стороне Антанты в войне против Германии,— был подписан Исии в качестве чрезвычайного посла Японии в США.

Исии был связан с демократическими странами не только случайностями дипломатической карьеры, но также и тем, что

вся его служебная деятельность протекала либо в этих странах либо в тесном контакте с их представителями. Уже упоминалось о том, что, настояв на присоединении Японии к Лондонской декларации, Исии показал, на чьей стороне находятся его симпатии.

Ещё более показательна его деятельность в Лиге наций. Анализ работы Лиги и проблем, связанных с её деятельностью, составляет значительную часть его «Комментариев» (главы VII, VIII, IX, X). Исии являлся горячим сторонником Лиги наций, радовался каждому успеху в её деятельности, иногда даже решался порицать японских представителей, которые выступали против предложений Лиги наций, ведущих к предотвращению войны, к укреплению безопасности и т. п. Так, например, он довольно резко высказывается (стр. 157 и сл.) по поводу позиции японской делегации на Лондонской морской конференции 1930 г. по ограничению морских вооружений. Японская делегация, основываясь на так называемых трёх принципах морской обороны, выступила против предложенных США и Англией норм сокращения морских сооружений. Исии доказывает, что позиция японской делегации являлась дипломатическим маневром, изобретённым специально для Лондонской конференции, а вовсе не вызвана основами морской стратегии Японии.

Своё отношение к методам разрешения споров между государствами Исии достаточно ярко излагает в заключительных словах первой части своей книги (стр. 219—220): «Идея разрешения споров между государствами мирными способами глубоко вкоренилась в умы людей; в то же время идея разоружения постоянно прогрессирует. Более того, на войну начинают смотреть, как на преступление, и пакты об отказе от войны заключены и уже действуют».

Исии выступал против выхода Японии из Лиги наций в 1933 г., когда Лига приняла решение о непризнании Манчжоу-Го.

Враждебное отношение к Германии красной нитью проходит через всю книгу Исии. Он подчёркивает, что германский империализм ещё со времени японо-китайской войны 1894—1895 гг. стремился всемерно к обострению отношений между Россией и Японией, к провоцированию войны между этими двумя государствами. Исии приводит ряд убедительных доводов, доказывающих, что Вильгельм II намеренно способствовал заключению англо-японского союзного договора, так как был уверен, что без этого союза Япония не решится на войну против царской России.

Глава об англо-японском союзе, разоблачающая происки германской дипломатии, принадлежит к наиболее интересным разделам книги. Исии правильно отмечает, что действительным победителем в русско-японской войне была та же Германия, которая, ослабив Россию, развязала себе руки на западе.

В главе о русско-японском мире (гл. IV) приведены весьма ценные данные, показывающие, до какой степени напряжения и истощения дошла Япония к концу войны.

Исии сообщает, что военные лидеры Японии настаивали на заключении мира немедленно и во что бы то ни стало. Любопытен рассказ Исии о том, как в результате излишней болтливости Николая II Япония сумела добиться уступки ей южной половины Сахалина.

Исии указывает, что после русско-японской войны, заключив соглашения с Россией, Францией и США о сохранении status quo на Дальнем Востоке, Япония не была заинтересована в заключении подобного же соглашения с Германией, которая, по его выражению, «нагло и произвольно» толковала заключённое ранее (1900 г.) с Англией и Японией соглашение о Китае. Ссылаясь на свидетельство Тирпаца, Исии подчёркивает высокомерное отношение Вильгельма II к Японии: «Япония почти не существовала в глазах кайзера» (стр. 68).

Когда Исии анализирует или комментирует европейские дела и японскую политику по отношению к Европе, у читателя складывается впечатление о нём как о государственном деятеле с широким политическим кругозором.

Однако политические убеждения Исии резко меняются, как только он затрагивает важнейшие проблемы внешней политики Японии и особенно её политики в Китае. Этим вопросам посвящены в значительной части первые шесть глав и последняя глава книги Исии. По содержанию эти главы наиболее интересные в книге, так как в них приводятся события и из истории Японии и из дипломатической деятельности самого Исии, которые мало известны или вовсе не известны советскому читателю. Однако с оценками и выводами Исии, изложенными в этих главах, никак нельзя согласиться.

Исии начинает своё изложение истории японской внешней политики с начала нашей эры, доказывая, что уже в то время Японии угрожала постоянная опасность с севера, от аборигенов Японских островов, а с югозапада — из Кореи и Китая. Ссылаясь на отдельные случаи, когда Япония действительно находилась под угрозой нашествия, например на попытку монголов высадиться на Японских островах (конец XIII в.), Исии, совершенно теряя историческую перспективу, рисует и все последующие наступательные действия Японии на материке (походы Хидэйоси в конце XVI в., попытки открытия Кореи в 70-х годах XIX в., японо-китайская война 1894—1895 гг.) как оборонительные мероприятия, направленные к уничтожению исторической угрозы (стр. 8). Он умалчивает о том, что за несколько столетий соотношение сил в Восточной Азии коренным образом изменилось, что Япония стала в военном отношении значительно сильнее, чем Корея и даже Китай, что уже в XVII в. манчжурские завоеватели не решились предпринять какие-либо наступательные действия против Японии. Вольное обращение автора с историческими эпохами здесь бросается в глаза.

Ещё более неправильную трактовку исторических фактов допускает Исии, когда он разбирает японскую политику в Китае. Он

стремится доказать, что эта политика полна благородства и великодушия со стороны японцев, что основная цель японской дипломатии сводилась к охране территориальной целостности Китая. Один из разделов главы V о японской дипломатии во время мировой войны так и называется — «Возвращение Трёх восточных провинций и Шаньдуна, как поступок, несравненный по своему великодушию». Исии утверждает, что Три восточные провинции (Манчжурия), а в дальнейшем и Шаньдун были японцами отняты у других держав (России и Германии) с целью возвращения их Китаю; он недоволен тем, что китайцы, вместо того чтобы быть благодарными японцам за эти акты великодушия, «благодаря своей врождённой заносчивости отнеслись к этому с глубокой неприязнью» (стр. 72).

Сейчас, после тех событий, которые имели место на Дальнем Востоке за последние десять — двенадцать лет, особенно странно звучат следующие слова Исии: «Не будет преувеличением сказать, что своей политической независимостью и территориальной целостностью Китай обязан Японии» (стр. 72).

Стремясь обосновать своё положение, что Япония благодетельствовала Китаю, Исии допускает, даже неполное цитирование документов, опуская из них те пункты, которые говорят против его доводов. Так, приводя пункты 21 требования, касающиеся Шаньдуна, Исии попросту опускает первый, самый важный пункт, в котором сказано, что китайское правительство обязывалось «дать полное согласие на все условия, о которых японское правительство может в будущем договориться с германским правительством, относящиеся ко всем правам, интересам и концессиям, которыми Германия в силу договоров или иначе обладает в отношении провинции Шаньдун».

Не следует думать, что позиция, занятая Исии в вопросе о японской политике в Китае и в частности о 21 требовании, разделялась всеми японскими государственными и общественными деятелями. Исии сам признаёт, что не только за границей, но и в Японии были общественные деятели, которые осуждали правительство за предъявление 21 требования

Но Исии — деятельный член Лиги наций,

сторонник мирного разрешения международных конфликтов — оказывается в рядах сторонников агрессии, когда это касается политики Японии в отношении Китая. Исии всеми силами пытается изобразить японскую политику на Дальнем Востоке как политику благородную, великодушную. Этой идее подчинено всё изложение первых глав «Комментариев». Поэтому не только в освещении истории с 21 требованием, но и в целом ряде других вопросов Исии допускает произвольное толкование исторических фактов и даже их искажение, пытаясь уложить эти факты в прокрустово ложе своей концепции (гл. V «Новое русско-японское соглашение», гл. VI и др.).

Всё это в известной мере уменьшает ценность «Комментариев», так как при их использовании приходится тщательно проверять каждый документ, каждый факт, приводимый автором.

Перевод книги Исии сделан хорошо, введение тов. А. Трояновского, а также примечания и указатель окажут большую помощь читателю, исправляя часть неправильных положений автора.

В книге имеются отдельные неточности. Отметим лишь некоторые из них.

Не вполне правильно утверждение в предисловии (стр. XIX), что, по русско-японским соглашениям 1907, 1910 и 1916 гг., в сфере влияния царской России оставались все три провинции Манчжурии, за исключением Ляодунского полуострова. Демаркационная линия между русской и японской сферами влияния проходила несколько южнее железнодорожной линии — станция Манчжурия — Пограничная Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД); в сфере влияния Японии из трёх провинций находились почти полностью Мукденская и часть Гиринская. В тексте и примечаниях часто смешиваются Ляодунский полуостров и Квантунская арендованная область, занимающая лишь небольшую часть полуострова (стр. 16); Портсмутский договор касался лишь этой последней. На стр. 77 Гуандун переименован в Квантун, хотя эти районы находятся в противоположных частях Китая. Мы опускаем другие, более мелкие погрешности, которых в книге встречается немало.

А. Гальперин

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Warner George Townsend, Marten C. H. K. and Erskine Muir. *The New Groundwork of British History (The New „Warner and Marten“)*. Section two 1485—1714. London. 1943. 584 p.

Таунсенд Уорнер Дж., Мартин и Эрскин Мюр. *Основы истории Британии (новый «Уорнер и Мартин»)*.

Учебник, переработанный заново.

Papers relating to the Foreign relations of the United States. Japan 1931—1941. In two volumes. Vol. I. Washington. 1943. 947 p.

Документы, относящиеся к внешним отношениям США. Отношения с Японией в период 1931—1941 годов. В двух томах. Т. I.

Papers relating to the Foreign relations of the United States. The Paris Peace Conference 1919. Vol. III. 1062 p.; vol. IV. 880 p. Washington. 1943.

Документы, относящиеся к внешним отношениям США. Парижская мирная конференция 1919 года.

«Czechoslovakia Fights Back». A document of the Czechoslovak Ministry of Foreign Affairs. Introduction by Jan Masaryk. American Council of Public affairs. Washington. 1943. 210 p.

«Чехословакия борется». Документы чехословацкого министерства иностранных дел. Предисловие Яна Масарика. Американский совет общественных отношений.

Предистория оккупации, оккупационный режим, террор, преследования, сопротивление народа, «независимая» Словакия, национальные меньшинства, сотрудничество с Объединёнными нациями.

Salvador de Madariaga. *Spain*. New York. 1943. 509 p.

Сальвадор де Мадарьяга. *Испания*.

Краткий географо-этнографический очерк, история Испании и в особенности современная история: Испания при Альфонсе XIII, установление республики, пражданская война, франкистская Испания до второй мировой войны.

Alva Grachim. *Men and Supermen of Hindustan*. Bombay. 1943. 403 p.

Альва Дж. *Выдающиеся люди Индустана*.

Очерк о виднейших государственных и политических деятелях и писателях Индии: о Магомет-али, Колам Азад Ганди, Неру, Пателе, Тагоре и др.

Basch Antonine. *The Danubian Basin and the German Economic Sphere*. Columbia University Press. 1943. 275 p.

Баш А. *Дунайский бассейн и германская экономическая сфера*.

Nash Walter. *New Zealand. A working democracy. With an introduction by Eric Estoric*. New York. 1943. 335 p.

Нэш Уолтер. *Новая Зеландия. Работающая демократия. Предисловие Эрика Эсторик*.

Современная Новая Зеландия и её участие в войне.

Furbay Elizabeth Dearmin. *Top Hats and Tom-Toms*. Chicago—New York. 1943. 307 p.

Фарбэй Е. *Современная Либерия*.

Очерки современной Либерии по личным впечатлениям представителей туземной аристократии.

Stuart Graham H. *Latin America and the United States*. Fourth edition. New York—London. 1943. 509 p.

Стюарт Г. *Латинская Америка и Соединённые Штаты.*

Raman T. A. *Report on India.* Oxford University Press. London—New York—Toronto. 1943. 231 p.

Рамэн Т. Э. *Отчёт об Индии.*

Индия за первые четыре тысячи лет её истории, Англия в Индии, политический строй и партии Индии, современное положение в стране.

Academia colombiana de historia. Las cindedes confederades del Valle del Cauca en 1811. Introduccion de Laureano Garcia Ortiz. Bogotá. 1943. XIV. 235 p. (Biblioteca de historia national. Volumen LXVI).

Колумбийская академия истории. Конфедерация городов Валле дель Каука в 1811 г. Введение Л. Г. Ортис.

Публикация документов, относящихся к истории государственного развития Колумбии.

Dewitt Baldwin Leland. *The story of the Americas: the discovery, settlement and development of the new world.* New York. 1943. 720 p.

Дьюитт Болдуин Леланд. *История Америки: открытие, заселение и развитие нового мира.*

Sabon Adolphe. *Histoire d'Haiti: cours professé au petit séminaire—collège Saint-Martial.* Tomes I—IV. Port-au-Prince, Fontenaille-Conte. Brest. 1943.

Кабон А. *История Гаити. Курс лекций в колледже Сен-Маршаль.* Т. I—IV. Порт-о-Пренс, Фонтенуале-Конт.

Т. I. Колония Сен-Доминго; т. II—Развитие Сен-Доминго; т. III—1788—1793 годы. Война против англичан и испанцев; т. IV—Революция в Сен-Доминго 1789—1804 годов. Французская экспедиция 1802—1806 годов.

Garay Blas. *Tres ensayos sobre historia del Paraguay. Prologo de H. Natalicio Gonzalez.* Asuncion. 1942. 336 p.

Гарай Б. *Три исследования по истории Парагвая. Предисловие Х. Н. Гонсалец.*

Guzman Martin Luis. *El*

A'guila y la Serpiente: memorias de la revolucion mexicana. Edited by Ernest Richard Moore. New York. 1943. 309 p.

Гусман М. *Орёл и змея. Воспоминания о мексиканской революции.* Редактор — Э. Р. Мур.

Marder Arthurh J. *The Anatomy of British Sea power. A History of British Naval Policy in the Pre-dreadnought Era, 1880—1905.* Bureau of International Research Harvard University and Radcliffe College. New York. 500 + XVI p.

Мэрдер А. *Анатомия британских морских сил. История британской морской политики в додредноутную эру, 1880—1905 годов.* Бюро международных исследований Гарвардского университета и Рэдклифский колледж.

Первое, наиболее полное и солидное исследование по истории британского военно-морского флота и морской политики, основанное на первоисточниках, в том числе на материалах адмиралтейства. Автор исследует причины британской морской экспансии, связь между морской и иностранной политикой Англии, влияние стратегических и технических соображений, технических нововведений, общественного мнения, влияние партий на морскую политику; детально исследует англо-германское морское соперничество, роль морских сил в англо-американских взаимоотношениях, использование флота как дипломатического средства.

Ben-Horin Eliahn. *The Middle East—Crossroads of History.* New York. 1943. 248 p.

Бен-Хорин Э. *Ближний Восток — пересечение путей истории.*

Современная история Турции, Сирии и Ливана, Палестины и Трансиордании, Ирана, Ирака, Египта, Саудовской Аравии; арабский национализм, панарабизм, панисламизм, еврейский вопрос и сионизм; стратегическое и экономическое значение Среднего Востока; гитлеровская «пятая колонна»; Средний Восток во второй мировой войне.

Hacker Louis M. *American problems of today. A history of the United States since the world war.* New York. 1941. 354 p.

Хакер Л. *Современные проблемы Америки. История США со времён мировой войны (первой).*

А. Шубников

ХРОНИКА

На родине выдающегося русского просветителя Н. И. Новикова

В апреле 1944 г. колхозники колхоза «Пламя» села Авдотьино, Московской области, отметили в торжественной обстановке 200-летие со дня рождения своего знаменитого земляка, выдающегося русского просветителя Н. И. Новикова.

Н. И. Новиков родился в 1744 г. в семье среднего помещика в селе Авдотьино, Коломенского уезда, Московской губернии. Детские годы он провёл в Авдотьино, а в 14-летнем возрасте покинул родное село. До 1788 г. Новиков жил в Петербурге и Москве, где он развернул широкую издательскую и просветительную деятельность. Все эти годы он не порывал с родным селом и часто навещал его.

В 1791 г. Н. И. Новиков окончательно переехал в Авдотьино, где по приказанию Екатерины II он был арестован и заключён на 15 лет в Шлиссельбургскую крепость. Павел I освободил Новикова из крепости, но не разрешил ему вернуться к любимой издательской деятельности, и Новиков, больной, снова поселился в своём селе. Здесь он в 1818 г. умер в бедности и был похоронен друзьями и своими крепостными крестьянами, для которых он был не помещиком-крепостником, а просветителем и заботливым, добрым хозяином. Им были построены для крестьян каменные дома, больница, школа.

Память о выдающемся просветителе живёт и среди крестьян Авдотьино: из поколения в поколение передавались рассказы о добрых делах Николая Ивановича. Но особенно стали чтить память Новикова в Авдотьино после Октябрьской социалистической революции, когда крестьянство получило широкий доступ к просвещению и культуре.

В 1929 г. небольшой группой крестьян в селе Авдотьино был организован колхоз «Пламя», который должен был, по убеждению его инициаторов, превратиться в колхозный костёр и охватить все крестьянские хозяйства Авдотьино. Действительность превзошла ожидания организаторов колхоза. Он вырос, стал зажиточным и культурным, объединив все хозяйства села Авдотьино.

Колхоз «Пламя» славится в Малинском районе, Московской области, высокой трудовой дисциплиной, богатыми урожаями и зажиточной жизнью. В годы Великой Отечественной войны колхоз, непрерывно помогая фронту и стране, сумел сохранить и даже увеличить своё хозяйство, несмотря

на уход мужского населения в ряды Красной Армии. Колхоз «Пламя» добился такого благосостояния под руководством своего бессменного председателя Евдокии Терентьевны Егоровой. Евдокия Терентьевна 68 лет. Она член большевистской партии с 1932 года. С 1920 по 1931 г. Егорова (первая женщина—председатель сельсовета в Московской области) — бессменный председатель Авдотьинского сельсовета. Она рассказывает, что в молодости чувствовала себя старухой, но советская власть сделала её молодой, и поэтому она теперь не знает усталости.

По инициативе колхоза «Пламя» организован детский дом для детей-сирот Можайского, Нарофоминского, Вяземского районов, Московской области, родители которых погибли от рук фашистских разбойников. Детский дом расположен в бывшем двухэтажном каменном флигеле Н. И. Новикова. В нём содержатся на средства колхоза «Пламя» и соседних колхозов Малинского района 72 ребёнка в возрасте от 5 до 12 лет. В детском доме для детей старшего возраста организован кружок по изучению жизни и деятельности Н. И. Новикова под руководством московского профессора А. Ф. Родина. Колхоз имеет начальную школу, помещающуюся в каменном светлом здании, благоустроенную избу-читальню, где имеются стенгазета, районная и все центральные газеты. В библиотеке много журналов и книг.

Детский дом, школа и изба-читальня украшены портретами Новикова и стихами детей, посвящёнными ему. Всюду в Авдотьино чувствуются любовная память и глубокая благодарность выдающемуся просветителю. Во всей полноте эта любовь проявилась во время празднования юбилейной даты Н. И. Новикова.

7 мая 1944 г. колхоз «Пламя» устроил торжественное заседание, посвящённое памяти Н. И. Новикова, с участием дважды Героя Советского Союза генерал-лейтенанта авиации Денисова, представителей Института истории АН СССР, Московского государственного университета, Музея государственной литературы, Московского областного музея краеведения, Государственного педагогического института, Института усовершенствования учителей и представителей районных организаций.

Колхозники Авдотьино совместно с гостями посетили могилу Н. И. Новикова, похороненного в церкви, выстроенной его от-

цом в Авдотьино (церковь полностью сохранилась), и могилу его друга Гамалея. Следует отметить, что портрет Гамалея, по словам председателя колхоза, хранится у одной авдотьинской колхозницы. От Института истории АН СССР с докладами о жизни и деятельности выдающегося просветителя Новикова выступили член-корреспондент АН СССР С. В. Бахрушин, доктор исторических наук и профессор МГУ М. В. Нечкина и кандидат исторических наук П. К. Алефиренко.

С. В. Бахрушин в своём вступительном слове дал яркую характеристику издательской деятельности Н. И. Новикова, который первый в России издавал общественную газету «Московские ведомости». Н. И. Новиков издал также исторический словарь «Опыт исторического словаря о российских писателях», содержащий имена не только крупных, но и малоизвестных русских писателей. «Я старался собрать имена всех наших писателей... не тщеславие получить название сочинителя, но желание оказать услугу моему отечеству к сочинению сей книги меня побудило»¹, — писал Новиков в предисловии к словарю. Незабываемую историческую услугу оказал Н. И. Новиков и изданием сборника «Древняя российская вивлиофика или собрание разных древних сочинений», к которой часто обращаются историки и писатели как к богатейшему источнику исторических документов. Новиков почитается русским обществом не только как издатель-просветитель, отметил С. В. Бахрушин, но и как крупный общественный деятель своего времени. Он отдавал свои знания и средства на создание школ, больниц, оказывал широкую помощь голодающим крестьянам села Авдотьино и окрестных сёл, а также рабочему люду Москвы в голодный 1787 год. За свою общественную деятельность Новиков подвергался жестоким преследованиям.

Новиков издавал книги лучших русских писателей — Кантемира, Ломоносова и др. Но особенное значение имели издававшиеся Новиковым сатирические журналы: «Трутень», «Живописец», «Кошелёк». В этих журналах Новиков резко выступал против произвола министров, помещиков, против взяточничества судей и чиновников. Он постоянно подчёркивал мысль, что «человек человеку равен», выступал против крепостничества. Он едко высмеивал увлечение русского дворянства всем иностранным и отказ от русской культуры. В журнале «Трутень» он поместил сатирическое объявление о «молодом российском поросёнке, который ездил по чужим землям для просвещения своего разума и который, объездив с пользою, возвратился уже совершен-

¹ Новиков Н. «Опыт исторического словаря о российских писателях». Предисловие, стр. 1—2. СПб. 1772.

но свиньёю, желающие змотреть могут его видеть безденежно по многим улицам сего города»².

Своей издательской и общественной деятельностью Новиков подрывал устой дворянско-крепостнического строя и за это был заточён русским правительством в Шлиссельбургскую крепость, но русский народ за эту деятельность чтит память своего просветителя.

В докладе о московских журналах Новикова П. К. Алефиренко отметила, что Новиков издавал в Москве с 1779 по 1792 г. десять журналов, как то: «Утренний свет», «Московский ежемесячный журнал», «Вечерняя заря», «Покоящийся трудолюбец», «Городская и деревенская библиотека» и др. На страницах издаваемых им журналов Новиков звал народ к овладению наукой. «Народ есть первый собиратель плодов, науками приносимых: к знатным же оне приходят весьма поздно»³, — говорил Новиков.

Новиков отдавал себе отчёт в том, что при крепостном праве нельзя просветить народ: крепостничество он считал оковами для русской науки и культуры, ибо только «вольностью же они процветают». Новиков стремился привить свои идеи и убеждения русской молодёжи, посвятив много страниц своих журналов вопросам воспитания молодёжи. Средства, которые он получал от издания журналов, шли на обучение детей-сирот в Екатерининском и Александровском училищах. Дела Новикова не расходились с его словами, за что современники ценили его. «Позже вы, как уже мне известно, примерами доказали истинную вашу к Отечеству и ко всем людям любовь, а не одними, как обыкновенно случается, словами»⁴, — писал неизвестный читатель Новикову.

С заключительным словом выступила председатель колхоза Е. Т. Егорова. Она отметила, что идеи Новикова не только не забыты колхозниками Авдотьино, но стали их традициями: по инициативе колхоза «Пламя» создан детский дом для детей-сирот, оказывается помощь нуждающимся колхозникам. Колхоз заботится и о культурном росте своих членов. Своё выступление тов. Егорова закончила предложением организовать в церкви, где похоронен Н. И. Новиков, музей имени Новикова. Это предложение было принято единогласно всеми присутствовавшими.

П. Алефиренко

² Журнал «Трутень» от 2 июня 1769 г., лист VI, стр. 45—46.

³ «О главных причинах приращения художеств и наук». Журнал «Московское ежемесячное издание» Ч. 1-я, стр. 283. 1781.

⁴ «К издателю «Утреннего света», «Утренний свет» за февраль 1780 г. Ч. 7-я.

CONTENTS:

ARTICLES: Parotkin I., Col.—The fighting at Kursk. Reuel A., Prof.—Marx's „Critique of Political Economy“ and its reception in Russia, 1860—1890. Likhachev D. On the question of the theory of the Russian state in the late 15th and 16th centuries. Skazkin S., Corres. Mem. of the Academy of Sciences of the USSR—Alexander Nikolaevich Savin. Manusevich A.—Germany's attempts to split the Entente during the first World War 1914—1918. ANNOUNCEMENTS AND PUBLICATIONS: Grekov B., Act. Mem. of the Academy of Sciences of the USSR—The restoration of Novgorod. Osnos Y.—The Soviet School Reform of 1918. Nikolsky N., Act. Mem. of the Byelorussian Academy of Sciences—The significance of the discoveries in Ras-Shamra for ancient Eastern history. Ilyin M.—The monasteries of Muscovy in the 16th century as defence fortifications. CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY. CRITICAL ARTICLES AND REVIEWS. CURRENT EVENTS.

SOMMAIRE:

ARTICLES: Parotkiné I., lieutenant-colonel.—La bataille de Kursk. Réouel A., professeur.—Les échos à la „Critique de l'économie politique“ de K. Marx en Russie dans la période de 1860—1890. Likhatchov D. De la théorie de l'Etat russe à la fin du XVe et au XVIe siècles. Skaskine S., membre-correspondant de l'Académie des Sciences de l'U. R. S. S.—Alexandre Nikolaévitch Savine. Manoussévitch A.—Les tentatives de l'Allemagne pour scinder l'Entente dans la première période de la guerre mondiale de 1914—1918. COMMUNICATIONS ET PUBLICATIONS: Grékov B., membre titulaire de l'Académie des Sciences de l'U. R. S. S.—A propos de la reconstruction de Novgorod. Osnos I.—La réforme scolaire de 1918 au pays des Soviets. Nikolski N., membre titulaire de l'Académie des Sciences de Biélorussie.—L'importance des découvertes de Ras-Chammra pour l'histoire de l'Orient ancien. Ilyine M.—Les monastères de la Moscovie du XVIe siècle comme ouvrage de défense. CRITIQUE ET BIBLIOGRAPHIE. ARTICLES ET REVUES. CRITIQUES. CHRONIQUE.

INHALT:

ARTIKEL: Parotkin I., Oberstleutnant — Die Schlacht bei Kursk. Reuel A., Professor—Der Widerhall des Werkes „Zur Kritik der politischen Ökonomie“ von Karl Marx in Rußland in den Jahren 1860—1890. Lichatschow D. Zur Frage über die Theorie des Russischen Staates Ende des 15 und 16. Jahrhunderts. Skaskin S., Korrespondierendes Mitglied der Akademie der Wissenschaften der UdSSR—Alexander Nikolajewitsch Sawin. Manusewitsch A. Die Versuche Deutschlands, die Entente während des ersten Weltkriegs 1914—1918 zu spalten. MITTEILUNGEN UND VERÖFFENTLICHUNGEN: Grekow B., Ordentliches Mitglied der Akademie der Wissenschaften der UdSSR—Zur Frage des Wiederaufbaus von Nowgorod. Osnos J.—Die sowjetische Schulreform im Jahre 1918. Nikolski N., Ordentliches Mitglied der Akademie der Wissenschaften der Bjelorussischen SSR—Die Bedeutung der Entdeckungen in Ras-Schamra für die Geschichte des alten Orients. Ilyin M.—Die Klöster des Moskauer Russenreichs im 16. Jahrhundert als Wehrbauten. KRITIK UND BIBLIOGRAPHIE. KRITISCHE ARTIKEL UND ÜBERSICHTEN. CHRONIK.